

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ**

БРЕСТЧИНА И СОСЕДИ

сборник научных трудов

Брест 2018

УДК 908(476.7)
ББК 74.202.69(4Бей4Бре)
Б87

Рецензенты:

Profesor zw., doktor habilitowany, Kierownik Katedry Teorii Wychowania
i Antropologii Pedagogicznej Uniwersytet w Białymstoku (Polska)

Andrej Harbatski

Заведующий кафедрой истории славянских народов учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина», доктор исторических наук, профессор

А.Н. Вабищевич

Доктор филологических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина»

В.И. Сенкевич

Доктор филологических наук, профессор, Академик АН Высшего образования Украины, заведующая кафедрой славянской филологии Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки

Л.К. Оляндер

Редакционная коллегия:

Заведующая кафедрой белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат филологических наук, доцент

Н.Н. Борсук

доцент кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат филологических наук, доцент

Т.Н. Рахуба

доцент кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат филологических наук, доцент

З.М. Заика

Под общей редакцией

профессора кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет», заведующей научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, доктора педагогических наук, действительного члена Академии педагогических и социальных наук

М.П. Жигаловой

Б87 Брестчина и соседи: сборник научных трудов; под общ. ред. М.П. Жигаловой. – Брест: БрГТУ, 2018. – 168 с.

ISBN 978-985-493-430-3

Издание обобщает результаты исследований ведущих учёных Беларуси, Молдовы, Польши, России, Румынии, США, Украины, которые были получены при изучении поликультурного пространства Брестчины. Исторические, лингвистические, литературоведческие, психологические, педагогические проблемы рассматриваются в контексте диалога и полилога культур, определения места и роли в них общечеловеческих и национальных ценностей.

Статьи публикуются в авторской редакции на русском, польском, украинском, белорусском языках и адресуются специалистам-историкам, литературоведам, педагогам и психологам, а также аспирантам, магистрантам и студентам, всем, кто интересуется историей и современным состоянием Брестчины.

УДК 908(476.7)
ББК 74.202.69(4Бей4Бре)

ISBN 978-985-493-430-3

© Жигалова М.П., 2018
© Издательство БрГТУ, 2018

Содержание

Раздел 1. О Брестчине и брестчанах

<i>Варабей А. У., Жаркоў А. У.</i> Праблемы рэканструкцыі горадабудаўнічага ансамбля Берасця XVI ст. у свеце моўных і метралагічных асаблівасцей рээстру 1566 г.....	4
<i>Жигалова М. П.</i> Отражение философии жизни в языке и образной системе художественного произведения поэтов Брестчины (на примере творчества В. Гришковца).....	16
<i>Рахуба Т. Н.</i> Воспоминания о Всеволоде Некрасове	24
<i>Потолков Ю. В.</i> Спектакль Брестского театра имени ЛКСМБ “Брестская крепость”: идейно-художественное своеобразие.....	28
<i>Самуйлік Я. Р.</i> Гаворка вёскі Белая Камянецкага раёна: гісторыя і сучаснасць	35
<i>Заіка З. М.</i> Лінгвакультурная кампетэнцыя невытворных прозвішчаў Пагарыння.....	45
<i>Макарэвіч А. В.</i> Пашпарт у гісторыі беларусаў	49
<i>Czyzewskij F.</i> Inskrypcje nagrobne na cmentarzach pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego metodologiczne – uwagi	52
<i>Садко Л. М.</i> Ведуты Польши, Беларусі, Литвы в творчестве З. Фогеля (Пташека).....	61
<i>Лавреенко Л. В., Ульчик Е.</i> Общая характеристика системы школьного образования г. Бреста и Брестского района в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.).....	65
<i>Лавреенко Л. В., Ульчик Е.</i> Организация учебного процесса в школах г. Бреста и Брестского района в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.).....	70

Раздел 2. О национальном и общечеловеческом в диалоге культур

<i>Беженару Л. Е.</i> Художественное освоение действительности через призму регионально-национального.....	75
<i>Борсук Н. Н.</i> Роля Георгія Валкавыцкага ў гісторыі станаўлення беларускага выдання “Наша ніва”.....	81
<i>Ліокумовіч Т. Б.</i> Пламенный защитник свободы и справедливости	91
<i>Давидюк В. Ф.</i> “Битва народів” у весільных пересварках західних полішуків: історычна аснова аднаго драматычнага мотыву	98
<i>Кобылянская Л. И.</i> Особенности совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях в современном молдавском менталитете.....	105
<i>Камалова Л. А., Закирова В. Г.</i> Диалог культур как взаимопроникновение общенационального в русском и татарском фольклоре.....	112
<i>Келемен Ю. И.</i> “Білоруське купалля” на північному заході сучасної Волині	117

Раздел 3. Об особенностях образования в поликультурном пространстве

<i>Габдулхаков В. Ф.</i> Об особенностях подготовки учителя в условиях двуязычия	122
<i>Левчук З. С.</i> Диалог культур как форма сохранения этнотрадиций в образовательной среде университета	124
<i>Критарова Ж. Н.</i> Фольклорные взаимосвязи в аспекте диалога культур	130
<i>Овсиенко Л. Н.</i> Текст как средство формирования профессиональной компетентности будущих учителей-филологов.....	135
<i>Захарчук Л. А.</i> Музыкальная этнокультура Брестчины: традиционные особенности и современная исполнительская интерпретация.....	143
<i>Chodyniuk Julia.</i> Kresy północno-wschodnie jako przestrzeń polietniczna i polikulturowa	155

Содержание (на англ. яз.)	158
---------------------------------	-----

РАЗДЕЛ I. О БРЕСТЧИНЕ И БРЕСТЧАНАХ

УДК 761/769.1 (476.7)

ББК 81411.3

ПРАБЛЕМЫ РЭКАНСТРУКЦЫИ ГОРАДАБУДАЎНІЧАГА АНСАМБЛЯ БЕРАСЦЯ XVI СТ. У СВЕЦЕ МОЎНЫХ І МЕТРАЛАГІЧНЫХ АСАБЛІВАСЦЕЙ РЭЕСТРУ 1566 г.

А.У. Варабей – архітэктар,
кіраўнік мясцовага дабрачыннага
фонду «Фартыфікацыя Брэста»,
сябра Брэсцкага абласнога
аддзялення БДТАПГК

А.У.Жаркоў – намеснік старшыні
камітэта па архітэктуры і будаўнітву
Брэсцкага аблвыканкама, начальнік
кіравання архітэктуры і
тэрытарыяльнага развіцця,
(Беларусь, Брэст)

Анатацыя

Рэвізія Берасцейскага староства – дакумент, які дазваляе зрабіць гіпатэтычную рэканструкцыю планіровачнай структуры Берасця сярэдзіны XVI ст., выявіць і лакалізаваць значныя гарадскія ансамблі. Праца з рэвізіяй патрабуе вузка-спецыяльных ведаў тэрміналогіі, моўных і метралагічных асаблівасцей дакумента.

У артыкуле робіцца спроба вызначыць асноўную адзінку вымярэння плошчы – сядзібнага прута. Гэта дазваляе зрабіць раскладку сядзіб, рынкавай плошчы і гарадскіх ансамблей у цэнтральнай частцы месца. Звяртаецца ўвага на неабходнасць дакладнага перакладу тэкста рэвізіі з улікам прафесійнай тэрміналогіі. Зроблены пераклад часткі рэестра берасцейскага замка.

Ключавыя словы

Берасце, рэвізія Берасцейскага староства, рэканструкцыя, рэестр берасцейскага замка, сядзібны прут, прафесійная тэрміналогія

Стаўшы каралём, Жыгімонт II Аўгуст прыходзіць да высновы неабходнасці рэвізіі каралеўскіх маёнткаў. Мэта рэвізіі была агучана ім у звароце да землеўласнікаў Валыні – спыніць злоўжыванні феадалаў і пасадоўцаў «на месцах» [12, с. 327]. Праз сем гадоў праводзіцца вялікая і сур’ёзная праца – рэвізія ўсіх каралеўскіх маёнткаў у Літве і на Валыні. Рэвізія пачынаецца з Валыні у 1552 г. і завяршаецца у 1566 г. у Берасці [12, с. 328].

Правядзенне рэвізіі відавочна звязана з прынятай у 1557 г. «Уставай на валокі» – зямельнай рэформай. Рэформа, сярод іншага, прадугледжвала ўлік зямлі і адпаведную плату ў залежнасці ад памераў, месцазнаходжання сядзібы, якасці зямлі і т.п. Такім чынам, узнік шэраг рэестраў, у тым ліку апісанне Берасцейскага староства.

Вопіс староства пачынаўся з галоўнага горада. У першую чаргу вымяраўся рынак. Потым рэвізоры ішлі па вуліцах, вядучых ад рынку да гарадскіх сцен, і дакладна мералі плошчы сядзіб і агародаў, спачатку з правага боку вуліц, потым, вярнуўшыся да рынку, з левага боку. Дакладна запісвалася юрыдыка і прозвішча гаспадара зямлі, плошча сядзібы, агарода. Скончыўшы з галоўнымі вуліцамі, пераходзілі да вуліц, перасякаўшых галоўныя, і да перыферычных вуліц у прадмесцях. Потым вымяраліся агароды і сенажаці за горадам. Па кожнай вуліцы і па частках месца падсумоўваліся плошчы і сума грошай для выплаты ў казну, распісваліся павіннасці і абавязкі насельніцтва. Такім жа чынам паступова праводзіўся вопіс мястэчак, фальваркаў, вёсак, млыноў, карчмоў ва ўсім старостве [12, с. 329]. Рэвізія Берасцейскага староства завяршаецца рэвізіяй Берасцейскага замка.

Гэты каштоўнейшы дакумант даследваны і апублікаваны М.Н. Доўнар-Запольскім [17]. Літоўскія рэвізіі і люстрацыі XVI ст. адрозніваюцца ад рэвізій пазнейшага часу і нават ад сучасных ім рэвізій польскіх зямель. Па-першае, рэвізоры старанна выконвалі свае абавязкі, не баяліся мясцовых каралеўскіх чыноўнікаў і магнатаў. Па-другое, на якасць іх працы ўплываў «грамадскі кантроль» – мясцовыя ўлады і жыхары ўважліва сачылі за дзеяннямі рэвізораў, і яны вымушаны былі працаваць сумленна [12, с. 329-330]. На пост-рэформавыя рэвізіі XVI ст. можна смела абапірацца як на крыніцу даследвання і рэканструкцыі гарадской структуры.

Для аднаўлення планіроўкі не дастаткова вопіса, павінен быць план месца ці дадзеныя археалогіі. Распрацаваны метадыкі даследавання аднаўлення гістарычнай планіроўкі па больш позніх планах [3, с.13]. Параўнальны аналіз берасцейскіх планаў XVII-XIX стст. паказвае нязменнасць гарадской планіровачнай структуры (мал.1). Аснова планіроўкі – сетка вуліц і зямельны надзел, нерухомаць якога была асвечана рэлігіяй [5, с.9]. У якасці апорнага плана карыстаемся планам 1823г., як найбольш дакладным, карэктуючы сітуацыю па планах Дальберга і Фюрстэнхофа *. Прывязку планаў да сучаснай геападазновы ажыццяўляем у праграме AutoCad. У якасці апорных кропак выкарыстоўваем рэшткі збудаванняў старога горада – руіны кляштара бернардынак, падмуркі калегіюма езуітаў і базыльянскай царквы.

Вялікае значэнне маюць адзінкі вымярэння, якімі карысталіся ў даследуемыя часы. Пры абмерах сядзіб у вопісе выкарыстаны пруты. Велічыня літоўскага прута 4,87 м. Квадратны прут падаецца 23,72 м² [21, с.577]. Доктар урбаністыкі І.Б. Лаўроўская пры рэканструкцыі планіроўкі цэнтральнай часткі месца карысталася менавіта лінейнай велічынёй прута, выкарыстоўваючы памеры з рэвізіі ў якасці даўжыні сядзіб па фронце вуліцы ці рынкавай плошчы [2, с.1228].

Такая трактоўка выклікае сумнеў, паколькі рэвізоры, як было ўзгадана вышэй, вымяралі не даўжыню, а плошчу сядзіб, каб вылічыць памер грашовага падатка. Карыстаючыся «тыповым» прutom квадратным у 23,72 м², трапляем у метадалагічны тупік. Найменшыя сядзібы маюць плошчу ¼ прута = 5,93 м².

Плошчы пад культавымі збудаваннямі вельмі малыя, напрыклад двор рускага біскупа з царквой св. Міколы займае 15,25 прута = 361,73 м². Шпіталь месці пры царкве – $\frac{3}{4}$ прута = 17,79 м². Пры тым, што плошча забудовы Мікалаеўскай царквы з больш-менш дакладных планаў XVIII – XIX стст. каля 880 м². Нават з улікам перабудовы і магчымага павялічэння храма атрымоўваюцца несумяшчальныя велічыні. Плошча замка – 90 прутаў*23,72 = 2134,8 м² пры тым, што рэальна тэрыторыя замчышча – каля 2 га.

Наратыўная крыніца прыводзіць яшчэ адно вымярэнне – pret większy kwadratowy, роўны 1,995 а. ці 199,5 м² [20]. Паводле М. Доўнара-Запольскага пазамельныя меры, выкарыстаныя ў вопісе, наступныя: «из десяти шнуров составлялся один прут, из 30 протов – один морг» [17, с. 2]. Моргам (ад ням. Morgen – ранак) называлася зямельная плошча, якую сялянін мог апрацаваць з ранку да палудня. У ВКЛ морг быў роўны 0,7123 га [21, с. 221 – 222]. Такім чынам, велічыня рэвізійнага прута атрымоўваецца 237 м². Тады велічыня сярэдняй сядзібы 1-2 прута атрымоўваецца ад 230 да 470 м². У XVI ст. дзялка ў польскіх гарадах, напрыклад, была ад 370 да амаль 900 м² [4, с. 94, 95].

Рэвізія 1566 г. вылучае наступныя часткі горада: *место в паркане, место за парканомъ, место за малой Угринкой, место за Мухавцомъ* і замак. У артыкуле, прысвечаным аналізу і рэканструкцыі гарадской планіроўкі XVI ст. І.Б. Лаўроўская вылучае *место в паркане* як частку тэрыторыі цэнтральнай выспы Брэсцкай крэпасці, якая знаходзілася вакол рынкавай плошчы і мела геаметрычна правільную рэнесансную форму [2, с. 1228]. Абгрунтоўваецца гэта тым, што парканам, агароджай, было абмежавана новалакаванае месца, дзе пражывалі каталікі (палякі з немцамі) на праве нямецкім у адрозненні ад русінаў і новахрышчоных ліцвінаў, выведзеных з-пад Магдэбургскага права (МП) Вял. кн. Вітаўтам. МП, па меркаванню даследчыка, было выгодным найперш для жыдоўскай і нямецкай супольнасці Берасця. Адсюль з’явіўся выраз «месца ў паркане», які страціў значэнне пасля ўключэння русінаў у МП у 1496 г., а канчаткова паркан знік пасля пажару 1613 г. [2, с. 1227, 1228].

Гэта версія выглядае малаверагоднай з-за наступных фактаў:

– сярод бенефіцыяраў нямецкага права не было жыдоўскай супольнасці. Паводле Бершадскага: «евреи и магдебургия – вещи несовместимые» [12, с. 181]. У прывілеях Берасцю на МП узгадваюцца толькі хрысціяне – тэўтоны, палякі, літвіны, русіны [11, с. 45];

– прывілей на МП Берасцю ад Вял. кн. Казіміра 1440 г. пераводзіць у права нямецкае жыхароў «*polonus, ruthenos, lithuanos, theutonos*». Пры гэтым важліва, што «тэўтоны» у пераліку стаяць на апошнім месцы. Такім чынам, паляпшэнні і даброты ад МП у першую чаргу накіраваны на палякаў і русінаў. Па меркаванню Е. Бардаха, рэцэпцыя нямецкага (ці хелмінскага) права ў ВКЛ адбывалася, за рэдкім выключэннем, без нямецкага этнічнага элемента [1, с.45];

– у канцэпцыю паркана-сцяны, абмяжоўваючай каталікоў палякаў і тэўтонаў ад іншых этна-канфесійных груп не ўпісваецца размяшчэнне кляштара

аўгусцінаў і нямецкай, па меркаванню І.Б. Лаўроўскай, калоніі [2, с. 1228] на Заўгрынецкай выспе, тобок па-за лакацыйным «месцам у паркане»;

– недастаткова даследвана, наколькі прывілеі Берасцю на МП паўплывалі на прасторавую перабудову горада, як гэта рабілася у Польшчы з улікам нямецкай каланізацыі [4, с. 93]. Берасцейская магдэбургія – не заснаванне новага паселішча на нямецкім праве і не наданне гарадскіх вольнасцей сельскаму паселішчу. Галоўнай мэтай, згодна тэксту прывілеяў было паляпшэнне становішча жыхароў (і адпаведна павелічэнне даходаў у казну).

Неабходна заўважыць, што нават войт меў юрыдыку за межамі «месца ў паркане» (Войтава прадмесце па вул. Войтаўскай захавалася да зносу горада і адмечана на планах ХІХ ст.). Пры гэтым, структура плана не выяўляе прамавугольных кварталаў, характэрных для «нямецкай мадэлі» горада. Геаметрыя Берасця вызначана напрамкам шляхоў – гасцінцаў. Адзіны «магдэбургскі» акцэнт – рынкавая плошча, блізкая да прамавугольніка, і забудова вакол яе. Пры тым, што плошча не паглыблена ў забудову, як гэта было у сярэднявечных гарадах Еўропы, а адным бокам раскрываецца на замак, што больш характэрна для гарадоў Русі ці еўрапейскай рэнесанснай планіроўкі [20, с. 56 – 57];

– у крыніцах паркан узгадваецца выключна як абарончае збудаванне – гарадская сцяна [8, с. 20; 10, с. 199-200]. Усе мяшчане, незалежна ад юрыдык, мелі ў паркане свае часткі для абароны і павінны былі іх аднаўляць пасля пажару і забяспечваць порахам і ангнастрэльнай зброяй [10, с. 199-200]. Працяг гарадскіх умацаванняў вызначаны ў заяве вознага аб аглядзе гарадскога валу: «зъ реки Мухавца, отъ копищъ жидовскихъ, болоньемъ ажъ в реку Бугъ упадающий» [8, с.20]. Такім чынам, *место в паркане* – тэрыторыя сучаснага цэнтральнага вострава Брэсцкай крэпасці. Абмежавана і абвалавана яно было, хутчэй за ўсё, у канцы ХІV ст., пасля першай берасцейскай магдэбургіі. Згодна з традыцыяй, вызначэнне тэрыторыі і абмежаванне як мінімум ровам рабілася адразу пасля надання гораду прывілеі на МП [4, с. 93].

Рэвізія «месца ў паркане» пачынаецца з пераліку чатырох бакоў (*полатей*) рынкавай плошчы. Рэвізоры абыходзілі рынак па перыметру з першага па чацвёрты бакі. На чацвёртым баку месціўся замак і саляны *штухлер* [19, с. 206]. Уласна замак месціўся на выспе паміж Бугам і Мухаўцом. Гуртавы саляны склад фахверкавай канструкцыі (*в дерево мурованый*) стаяў на палях над Мухаўцом каля замкавага маста. Побач знаходзіліся чатыры бровары і ятка для біцця быдла [19, с. 444]. Лагічна дапусціць, што другі бок плошчы месціўся насупраць чацвёртага. Гэты бок вызначаецца аднолькавай плошчай сядзіб – тыповая рэгулярная «нямецкая» традыцыя. Калі дапусціць, што лік ішоў ад замку (замкавага маста), то *первая полать* – усходняя (адлік па вуліцах ішоў спачатку па правым баку, потым па левым), трэцяя – заходняя частка рынка. Глыбіня сядзіб прымаецца згодна плану 1823 г. – ад 36 да 42 м. (да 72 лакцей). Пры выкарыстанні прута ў 237 м., плошчы сядзіб згодна прапанаванай раскладцы «палацей» дакладна ўпісваюцца у межы рынка на геападаснове (мал.2).

Пойдем з рэвізорамі ад рынку па вуліцах Берасця. У межах *места в паркане* ў вопісе ўзгаданы вуліцы *Ковалская гостинцемъ Виленским, Жидовская, Пески гостинцомъ Краковскимъ*, і вуліца *в тиле той полати надъ Бугомъ* – вуліца з тылу левага боку забудовы вул. Пескі [19, с.205-209]. Тапаніміка першай паловы XIX ст. захавала толькі вуліцу Пясечную – сярэднявечную вул. Пескі, якая вяла ад рынку да Міхайлаўскай царквы на прадмесці Пескі і далей, міма Пятніцкай царквы, на месцы якой у XVII ст. паўстаў кляштар брыгітак [19, с. 217]. Вуліца Жыдоўская – месца кампактнага пражывання кагала – вызначаецца па размяшчэнню сінагогі. У 1823 г. яна называлася Доўгая. Вуліца Кавальская пачыналася ад рынку і вяла да гасцінца Віленскага. Пад 1613 г. пазначана, што яна даходзіла да Віленскай брамы [9, с. 196]. На плане 1823 г. гэты вуліцы Валынская і Базыльянская.

Вулачка «у тыле той палаці над Бугам» праходзіла прыкладна там, дзе ў 1823 г. пазначана вул. Падзамкавая. Яна ж узгадваецца ў больш позніх дакументах як Надбужная [6, с. 61]. Асобна апісаны *кутъ коло костела у фари и церкви морованой Микулинской* – кут (тэрыторыя) каля фарнага (парафіяльнага) касцёла і мураванай Мікалаеўскай царквы, якія размяшчаліся ў паўднёва-ўсходняй частцы «места ў паркане». Цяжка сказаць, чаму рэвізоры не прывязалі сядзібы, царкву, касцёл да вуліц, а запісалі ўсё адным кутом, раздзяліўшы па юрыдыках. На плане 1823 г. фарны касцёл, пазначаны як недабудаваны, «перамясціўся» на рынкавую плошчу, на месцы касцёла XV – XVII стст. пазначана капліца і могількі. Размяшчэнне старога касцёла традыцыйна адасоблена ад рынку, ён з’яўляўся дамінантай асобнай прыкасцельнай плошчы. Відавочна, што стары Вітаўтаў касцёл быў разбураны падчас войнаў і паўстанняў сярэдзіны XVII ст.

Такім чынам, атрымоўваецца гіпатэтычная схема рэканструкцыі планіроўкі месца ў паркане (мал. 2). Цікава, што відавочны розныя памеры паўднёва-заходняй часткі месца на планах XVII, XVIII, XIX ст.ст. і сучаснай падаснове. На плане XVII ст. (мал. 1) бачны два равеліна за межамі горада, якія ўзмацнялі абарону Берасця з поўначы, з боку Віленскага і Церабуньскага гасцінцаў. У XVIII ст. недагледжаныя ўмацаванні былі спачатку забудаваныя дамамі, а пры будаўніцтве Цытадэлі роў прайшоў паўночнай былых равелінаў, змяніўшы габарыты выспы. З планаў бачна, што русла рэк мянялі свой напрамак з цягам часу. У XVII ст. Заходні Буг рэзка выгінаўся на захад ад месца ў паркане. Яго заходні бераг быў плыткі, са мноствам старыц, затокаў і таму амаль не забудаваны.

Место за парканомъ і место за малой Угринкой – перыферычныя часткі месца, па-сутнасці прадмесці. Гэта тэрыторыя паступова засяляецца як мінімум з канца XIV ст., калі ўздоўж дарогі, вядучай на паўночны ўсход ад горада з’явілася юрыдыка берасцейскага вайта. Пазней, на Заўгрынецкім востраве, аўгусціны атрымалі палац Біруты (на месцы старога гарадзішча) [13] і пабудавалі кляштар. У 1505 г. да Троіцкага кляштара быў перанесены шпіталь св. Духа. [12 с. 342] У вопісе гэты *шпиталь с костеломъ* на вуліцы Угрынка, маючы сядзібу ў 20 прутаў і такі ж агарод [19, с. 209].

Характэрнай рысай мясцовай перыферыі была вялікая колькасць свецкіх і духоўных юрыдык (людзі шпітальныя, уладычныя, касцёла св. Барбары etc) – тэрыторый, што знаходзіліся пад прыватнай свецкай ці царкоўнай юрысдыкцыяй па-за магдэбургіяй. Галоўныя элементы юрыдык – саслоўная абасобленасць, уласная адміністрацыя, падатковая аўтаномнасць. Падобная сітуацыя падрывала пазіцыі магістрата і парушала суцэльнасць гарадской абшчыны [16, с. 19 – 21].

Наогул мясцовай прастора XVI ст. выглядае цалкам неаднароднай. Неабходна ўлічваць наяўнасць у горадзе двух «паралельных» урадаў – «бурмістра руськага» і «бурмістра ляцкага» [7, с.46-48], якім, адпаведна, падпарадкоўваліся мяшчане «веры руськай» і «веры ляцкай» (усходняга і заходняга хрысціянскіх абрадаў). Пад юрысдыкцыяй старасты (замка) па-за МП знаходзіўся берасцейскі кагал. «Правы і абавязкі» жыхароў рознай юрысдыкцыі пералічаны ў рэвізіі [19 с. 230 – 232]

Место за Мухавцомъ [19, с. 223 – 228] ці Замухавечча знаходзілася на паўднёвым беразе Мухаўца і прылягала да замку. Праз яго праходзіў гістарычны шлях на Валынь. Тэрыторыя размежавана канфесійна – у паўночна-ўсходняй частцы пражывалі каталікі (людзі біскупа), уздоўж гасцінца Луцкага, каля манастыроў сяліліся русіны.

Рээстр замка завяршае вопіс [19, с. 442 – 447]. Нажаль, фармат артыкула не дазваляе засяродзіць увагу на падрабязным вопісе замкавых пабудоў. Тэма Берасцейскага замка неаднаразова разглядалася ў навуковай і крэатыўнай літаратуры [14, 18]. Але да гэтага часу не быў апублікаваны пераклад вопіса замка на сучасную мову. Праца з фрагментамі, вырванымі з кантэкста, часам прыводзіць да спрэчных высноў. Так сховішча, выкладзенае тарціцамі [19, с. 443] (*тартица* – брус, выраблены на тартаку) пераўтвараецца ў склад шчытоў-тарчэй [18, с. 119-120]. *Кганокъ* разглядаецца выключна як ганак – уваход [18, с. 106] пры тым, што ганак мае значэнне балкона ці вежы, асабліва калі ён «верхні». *Куна железная* трактуецца як ланцуг [18, с.132], на самой справе куна ў варотах – кальцо для ганебнага пакарання [14, с.27]. Піўніца, змураваная са старой абваліўшайся вежы [19, с.443], ператвараецца ў абваліўшуюся і адрамантаваную вежу Уладзіміра Васількавіча [18, с.126-127] і т.п. У дадатку 1 прапануецца пераклад часткі рээстра Берасцейскага замка, зроблены з выкарыстаннем «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» пад рэд. А. Булькі, з удакладненнем тэрміналогіі паводле прац З. Глогера.

Падсумоўваючы вышэй узгаданае, прапануецца рэканструкцыя планіроўкі Берасця сяр. XVI ст. з удакладненнем месцазнаходжання гарадскіх ансамбляў, часткова рэканструяванай схемай сядзіб на тэрыторыі месца ў паркане і паказам юрыдык, якія існавалі у гарадской структуры па-за межамі МП (мал. 2, 3).

* Заўвага. План 1657 г. «Grundtrik der Stadt undt Festung Littauwsch Briestie...» апублікаваны А. Катлярчук у манаграфіі «In the shadows of Poland and Russia», захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Швецыі, у альбоме “Grand recueil de desseins. Tom: IV” пад нумарам 10782. *Plan von der Stadt Brzesc in Littauen*, са збору Яна Георга Максімільяна фон Фюрстенхоффа, упершыню апублікаваны А. Белым, у артыкуле «Невядомыя эпізоды «невядомай вайны» Спадчына. –1999. – №3. – С. 114 – 129. *План города Бреста Литовского и местечка Тересполь. Снят.... 1823 г.*

Дадатак 1.

Рээстр замку Берасцейскага рэчаў, да гаспадарства належачых.

Будаванне замкавае: гмахі новыя зверху: дзве святліцы. У адной ізбе злева ад усходу сонца шэсць шклянных шыбак. З той святліцы камора; з каморы над Мухаўцам і Бугам стары балкон (ганак); у другой ізбе шэсць шыбак; у тых гмахах замкоў унутраных пяць; за тым гмахам камор дзевяць, ідучы да вежы над старой брамай, у каторых на скобах чатыры ланцугі. Гмахі старыя: За вежай ізба, у ёй чатыры шыбы, печ, лавы; сені, у іх дзве шыбкі, два мураваныя коміны, у дзвярэй унутраны замок, с тых жа сяней другая святліца, у ёй чатыры шыбкі, печ добрая, бакавое памяшканне, у якім стол малы са скрынкаю, лаўка; у той ізбе замест лаў, скрынь зялёна паліваных адзінаццаць з замкамі і ручкамі пабеленымі. За той ізбой камора, у ёй дзве шыбкі, комін, вешалка і скрынь зялёных тры, ліштвы і пафарбавана вакол, у дзвух дзвярэй два замкі; з той каморы другая камора, у ёй дзве шыбкі, комін, у дзвярэй замок нутраны, з тых абодзвух каморак патрэбныя каморкі; з той каморы сень вялікая, у ёй тры шыбы, лавы, замок унутраны з блямкаю; з сяней вялікая святліца, у ёй тры шыбы, печ і лавы. З той вежы пад вежаю з гадзіннікам ёсць камора, у ёй тры шыбы нямалыя, у дзвярэй унутраны замок з блямкаю, за той каморай на вежы тры каморкі, з іх у двух каморкі патрэбныя. За вежай гадзіннікавай старое будаванне: сенка малая – адна шыба, комін мураваны, лавы; святліца, у ёй дзве шыбы, печы, лавы, замок у дзвярэй, з той святліцы сенка другая, у ёй шыба, комін мураваны, лавы ў дзвярэй, замок с блямкаю, з сяней святлічка, дзве шыбкі, лавы, печ, у дзвух дзвярэй замкі. За тымі гмахамі заля, у ёй шэсць шыб, лавы, у дзвярэй – сядзенні, ганак, з залі камор чатыры ў гароднях, з іх каморы патрэбныя. За тым будаваннем, мінаючы вежу трэцюю ад Мухаўца, і да другой вежы камор 18; у каморы, каторая на вежы, – ланцуг і ўсходы, у сцяне ёсць сенка і свяцёлачка, адна шыбка, печ, лавы, са свяцёлачкі камора, у ёй дзве шыбкі, з з сенкі камора, дзверы усе з зачэпкамі. Ад вежы, якая ад Замухавечча, да другое вежы каля гмахаў новых, ад Буга ёсць дзевятнаццаць камор, у дзвух ланцугі і камора пад той вежаю з ланцугом. Вакол таго верхняга будавання ёсць агароджа (зубцы), на якое з долу трое ўсходаў, падбітых гонтам. Унізе ў сцяне няма будавання, падобнага верхняму, толькі камор звычайных (грамадскіх) з зашчапкамі і без зашчапак усяго 75, паміж якімі за малым замкам у правай руцэ абароны, у пяці камор дзверы з ланцугамі, а ў адной унутраны замок.

Цейхгауз – дом на падмурку, у якога на гары чатыры каморы паасобку, пры *путехь*, у цэнтры прыстасаванні (*шракги*) для вешання і складання зброі і іншых рэчаў ваенных, дзве дзверы з замкамі, адны на бляшкаване, другія на ніз; перад замкам і ўсходы з абодвух бакоў ганка, перад дзвярмі ўнізе сховішча, вылажана брусам, варты і дзве дзверы перад ганкам, шыбы шклянныя з крыжамі.

...Дом на падмурку за цэйхгаузам, доўгі, на рагу святліца, у ёй тры шклянныя шыбкі, лавы, печ; з ізбы: камора, дзве шыбкі у дрэва апраўленыя, з яе каморка патрэбная, сені, тры шклянныя шыбы, печ, лавы; трэцяя свяцёлачка, у ей адна шыба і печ, за ёй камора, дзве шыбы, комін мураваны, з той каморы сенка, збоку шыба ў дрэва уроблена адна, у ёй сходы на гару, на той дом і каморка патрэбная; чацвертая свяцёлачка – шыбы тры, печ, ліштвы дзве, сені другія, шыб шклянных тры, комінаў мураваных два; пятая святліца, большая за ўсіх, шыб шклянных пяць, печ, лавы; у тым доме ўсі ізбы цэглаю вылажаны, дзверы на завесах, у некаторых зашчэпкі, кручкі, ручкі. Кухні дзве. Перад кухнямі ганак з двюма ўсходкамі, у кухнях каморы для куханых рэчаў, лавы ўкруг; першая ізба па правай руцэ, у ёй шыб чатыры, печ; з святліцы камора, адна шыба, комін ад печы і прыбіральня; другая святліца з прыходу злева – тры шыбы, печ простая, камора і прыбіральня, дзверы ўсі на завесах. Піўніц тры: першая пад новымі гмахамі, ад Буга, мураваная, у ёй свяцёлачка таксама мураваная, у ёй дзве шыбкі, печ, дзверы на завесах і сенка перад свяцёлачкай, ад той свяцёлачкі ўгору выведзены комін да новых гмахаў абодвух. Другая піўнічка пад сцяной замкавай у зямлі драўляная за вежаю гадзіннікавай. Трэцяя піўніца

вялікая мураваная за кухнямі з вежы старой абваленай, нанова адрамантавана, з паверхам драўляным, а зямлёю прыхавана, на слупу зверху гонтамі прыкрыта.

Веж замкавых пяць адноўленых: на адной гадзіннік ад месца, які заўжды б'е. Другая вежа ад Мухаўца на ўсход Сонца; трэцяя ад Замухавеча напалам да поўдня; чацвёртая ад Буга на поўдзень летні; пятая над брамаю старой з ганкам зверху, на якой зверху звон вялікі з *Волни* (Валыні) прывезены. У браме старой пашкоджанай пад вежаю дзве вязніцы для сажання вязняў, у адной, па левай руцэ ідучы, з замком краты з завесаю жалезнай, у другой пліта з завесам драўляным і зашчэпкі са скабой. Да таго замку брамы дзве за стараствам яго міласці пана Астафея Валовіча, падканцлера і маршалка дворнага Вялікага Княства Літоўскага, старасты берасцейскага і кобынскага, нова ўроблены, адна ад рынку пад вежаю супраць стаен караля яго літасці; з тых абедзвюх брам масты два нова аздобленыя на звязі, на рынак адна з варотамі (з варот?), у якіх жалезнае кальцо, другі мост да стайняў, абодва вялікія; у старой браме фортка з каторай усходы і масток, гонтам падбітыя з апорай новаробленай, да лазні замкавае. Лазня за Мухаўцом на палях з белаю печчу і з катлом і корак латунны для спушчэння вады, пад каменкаю жэсць і жалезныя краты на чатыры бакі, *верхніца* (палок?) і лавы, шыбак шкляных дзве; з святліцы ганак над Мухаўцом і прыбіральня, дзверы ўсі на завесах. Стаен замкавых за Мухаўцом чатыры; абозня адна, у іх карыта, драбіны і *переворини*, што конюхі рамантуюць; каля тых стаен пляц, на каторым можа быць стайня добрая; там жа і свіран для захавання сена. Кузня там жа над Мухаўцом з комінам, але маёмасці кавальскай на ёй няма. Дом страмянога побач тых стаен, у каторым аб адной сені прасторнай дзве святліцы з каморкамі на завесах, печы і коміны верхія і пабітыя. Пякарня над Мухаўцом пры месцы, вельмі старая, з яе камора; супраць пякарні аб адной сені зруб ветхі.

Склад саляны вялікі ў моста замкавага на палях, у дрэва мураваны, аб якім Валтбах рабіў справаздачу, быццам гэта ён сваім уласным коштам будаваў. Там жа над Мухаўцом бровараў зрубленых агулам чатыры, якія за ўсякімі патрэбамі комінамі і жароўнямі, нанова адбудаваўшы, *жыдам* у арэнду аддадзены. Рыштунак тожа браварны ўсякі паводле патрэбаў ва ўсіх броварах ёсць, які за грошы замкавыя арэндаваныя праз жыдаў нова набыта і па заканчэнню арэнды такое ж аддаць павінны. За тымі броварамі над Мухаўцом ятка для патрэбы біцця быдла замкавага. Саладоўні дзве над Бугам ад месца каля перакопу, у іх *озниць* мураваных тры са ўсімі патрэбамі, у адной саладоўні печ кафлявая.

Будаванне на востраве паміж Бугам за млынамі:

Дом новы для працак – сені, у іх камора, вялікая святліца, печ простая, дзверы і аканніцы на завесах. Бровар замкавы новы, з двайной катлінай з комінамі, *передвоен*, у тым бровары рыштунку чатыры, кацёл адзін, жораў для цягнення вады над Бугам з жолабамі. Там жа домкаў сем, якія самі сабе пабудавалі тыя, што ў іх жывуць, на зямлі замкавай, а яшчэ нічога з таго не пляцць, толькі дапамагаюць рамантаваць грэблю і летам полюць замкавыя агароды. Рурмус (пампавальная станцыя), або млын, з якога вада па трубах да замку ідзе, аб адным коле ў адным вальным, вялікім, у якім помпы медныя, або *стижние* за штемпелямі жалезнымі. Іншымі патрэбамі да таго належачымі, жалезам апраўленыя; там жа яшчэ можа быць сукнавальня, ці ступа для таўчэння пораху; той дом з вежыцаю, у дзвярэй замок унутраны, у ім свёрлаў вялікіх для сярлення трубаў два. Дом купецкай гільдыі на вуліцы Кракаўскай, у месцы каля саладовен, – сені, святліца вялікая, вакон вялікіх чатыры без шыбак, печ, з святліцы камора, супраць другая святліца – шыб шкляных тры, і таксама з яе камора на дварэ, ад вялікай святліцы кухня, комін просты, дзверы, аконныя рамы ўсі на завесах. Піўніца пасярод двара вялікая на двае падзеленая, дзверы на завесах, зверху над піўніцаю ганак на гаспадарства летняе гонтам аббітае, каля піўніцы ляднічка невялікая. З тылу над Бугам бровар і пры ім ізва чорная старая...

...Сажалкі замкавыя: Першая у канцы грэблі за млынам тартачным новая, другая паміж Мухаўцом і старым Бужышчам старая, недагледжаная;

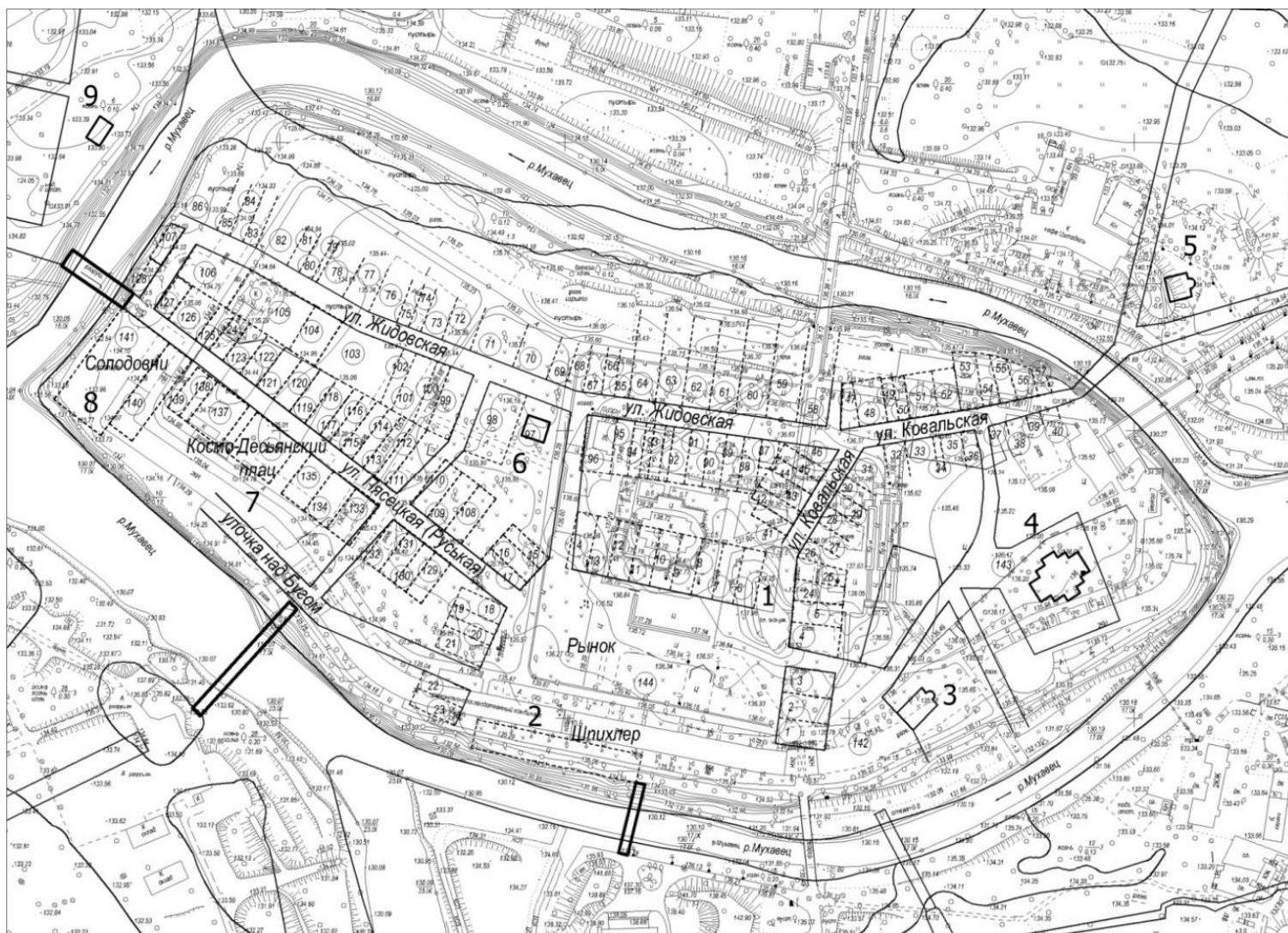
Млыны на Бугу і Мухаўцы. За броварамі месцкімі грэбля вялікая цераз абедзве ракі Буг і Мухавец, на якой праток чатыры: У першым млыне – кол вадзяных чатыры, камянёў таксама чатыры з ўсімі прыладамі; млынніца вялікая новая глінаю палеплена і саломай узмоцнена, у ёй камор для сыпання збожжа чатыры, печ мураваная, комін мураваны, шыбы шкляныя, дзверы на завесах; там жа дамок млынарскі новы са свяцёлачкай. У другім млыне на той жа пратоцы – на адно вадзяное кола камянёў два з ўсімі прыладамі і млынніца над коламі воднымі прыкрыта, *або опар для обворавання от морозу*. У Прылуках на рацэ Буг – млын а дзвюх колах, з каторых млыноў дзве меркі на караля Я. літасць, а трэцяя млынару ісці мусіць. За пратокам млыноў месцкіх незапушчаным вялікім і рурмусам млын тартачны з ўсім неабходным і начыннем жалезным і драўляным, да таго належачым, піла моцная і вялікая ў плячах умацавана са *строкамі*, кола цугавае з жалезнымі зубцамі, вакол з *крацою* і з далатом, ключоў жалезных для пілы два, пільшчык адзін, скоб чатыры, тыя млыны коштам замкавым зноў будуюць і рамантуюць.

Дадатак 2. Малюнкi.

Мал. 1

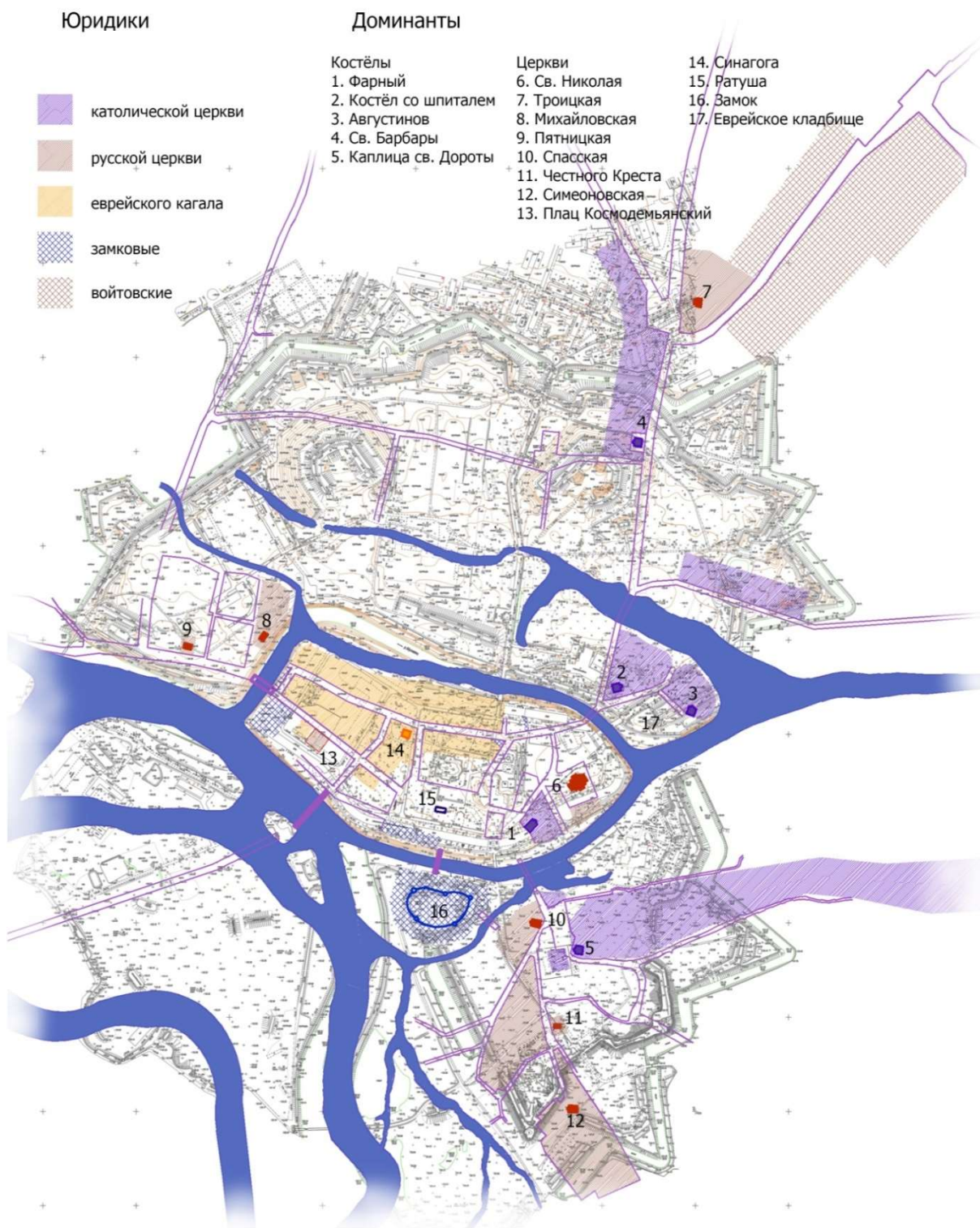
1. План Э.Дальберга 1657 г., 2. План М.Г. Фюрстенхоффа 1 пал. XVIII ст., 3. План 1823 г.

Мал. 2.

1. Ратуша. 2. Соляной склад, бровары. 3. Фарный костёл. 4. Николаевская церковь.
 5. Костёл со шпиталем. 6. Синагога. 7. Космо-десьянский плац. 8. Солдовни. 9. Михайловская церковь

Мал. 3. Планировочная схема города сяр. XVI ст.

Літаратура

1. Bardach J. Miasta na prawie magdeburskim w wielkim ksiestwie Litewskim od schyłku X IV do połowy XVII stulecia // КН. – Warszawa, 1980. – № 1. – S. 45
2. Irena Ławrowska. ANALYSIS OF THE TERRITORIAL LAYOUT... p. 1228 https://pl.wikipedia.org/wiki/Systemy_miar_stosowane_na_ziemiach_polskich режим доступа 29.10.2017, 21.00
3. Kamil Nieścioruk: Metodyczne aspekty kartograficznej analizy i oceny dawnych planów miast na przykładzie planu Lublina z 1716 roku C. d'Örkena. Lublin 2006. Электронная крыніца http://www.niescioruk.ppa.pl/pliki/analiza_ppk.pdf, доступ 09.11.2017, 14.00
4. Maria Bogucka, Henryk Samsonowicz. Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej / Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo – 1986.
5. АВАК, Т. II
6. АВАК, Т. V
7. АВАК, Т. VI
8. АВАК, Т. XXVIII
9. АВАК, Т. XXXIII
10. Акты литовско-русского государства, изданные М.Н. Довнар-Запольским. Выпуск 1. (1390 – 1529 г.) Москва – 1900 г.
11. Баравы, Р. Атрыманьне магдэбургскага права Берасьцем і палітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім на мяжы XIV – XV ст., Беларускі гістарычны агляд. – Т. 1. – Сш. 1 – Лістапад, 1994. – С. 38-54.
12. Бершадскі, С.А. Литовские евреи. – С. Петербург, 1883 г.
13. Воробей, А.В. Генезис планировочной структуры средневекового Берестья / А.В. Воробей // Вестник БрГТУ – 2015. №6. – С. 3 – 11
14. Жаркоў, А.У., Варабей А.У., Астаповіч А.У. CASTRUM BRESTENSI / А.У. Жаркоў, А.У. Варабей, А.У. Астаповіч // Проблемы. Исследования. Тенденции развития региональной архитектуры. Сборник научных трудов. – 2017. – С. 24 – 31
15. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно: пособие проектировщику/ Ю.Н. Кишик. – Минск: Минскпроект, 2007. – 282 с. : илл. 222.
16. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского : энциклопедия / ред. совет: Т.В. Белова (пред.) [и др.]. – 2 изд. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 312 с. : ил.
17. Довнар-Запольский, М. Берестейское староство в XVI в. // Унив. известия. – Киев, 1896, № 2. Ч. 2. С. 1-33
18. Замок Берестейский. Книга первая. Русь / А.А. Гладышук. – Гродно: ООО «ЮрСа-Принт», 2017. – 228 с.
19. Описание староства Берестейского 1566 г // Документы московского архива министерства юстиции, т.1. – Москва: «Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897 г.
20. Чантурия, Ю.В. Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм в системе европейского зодчества / Ю.В. Чантурия. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 503 с. : ил.
21. Электронны рэсурс https://pl.wikipedia.org/wiki/Systemy_miar_stosowane_na_ziemiach_polskich доступ 29.10.2017, 21.00.
22. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.5. М – Пуд / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.; Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 1999. – 592 с.: ил.

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ В ЯЗЫКЕ И ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ БРЕСТЧИНЫ (на примере творчества В. Гришковца)

М.П. Жигалова, д.п.н., профессор,
зав. научно-исследовательской
лабораторией по социокультурным
проблемам пограничья
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье обращено внимание на отражение менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в русскоязычной лирике Брестчины.

На примере анализа отдельных фрагментов стихотворений русскоязычного поэта В.Гришковца показан многоликий и независимый характер типичных представителей современного мультикультурного социума, противоречивое мировоззрение жителей Брестчины, соединивших судьбы и темпераменты многих этносов и народов. Рассмотрены способы отражения философии жизни с позиций взаимосвязи ментальности и менталитета, проанализированы некоторые фрагменты их отражения в языке и образной системе художественного произведения.

Ключевые слова

Лирический герой, ментальность, менталитет, мультикультурный социум, сильные позиции, философия жизни, язык

Известно, что важнейшей функцией литературы является способность построения коммуникативного моста между разными народами, ибо произведения, проникая в сознание читателя, способны повлиять не только на формирование его мировоззрения, но и на жизненную позицию, направленную на консолидацию общества.

Эта проблема становится особенно значимой, когда речь идёт о мультикультурном социуме пограничья, каким и является Брестчина. И в этой связи обратимся к русскоязычной литературе, которая привносит значимый вклад в развитие полиэтнической культуры региона.

Особое внимание обратим на отражение менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе.

При этом отметим, что говорить о данной проблеме можно в двух аспектах: *в широком*, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её отражения в творчестве художников слова; *и в узком*, предполагающем интерпретацию и анализ национального и общечеловеческого аспектов в отдельных её произведениях.

Коснёмся лишь второго аспекта. Но прежде чем обратиться к отдельным авторам и произведениям, заметим, что в опыте отражения менталитета и ментальности, национального и инационального в русскоязычной литературе Брестчины, очевидно влияние ещё и исторического контекста, так как история Брестчины изначально является мультикультурной уже потому, что в разные времена ею владели многие государства мира.

Так, «почти 170 лет (с 980г – по 1150г.) Брестчина принадлежала Киевской Руси, 216 лет (с 1150 по 1366г.) – Волынскому и Галицко-Волынскому княжеству, потом Королевству, 203 года (с 1366 по 1569г) – Великому Княжеству Литовскому, 206 лет (1569-1795г.) – Речи Посполитой обоих народов, 120 лет (1795-1915) – России, 9 месяцев (09.1915 по 05.1916г.) Австро-Венгрии, 14 месяцев (05. 1916 по 12.11. 1918) – Германии, 1 год (1918-1919) – Украинской Народной Республике, 19 лет (1920-1939) – Польше, в общей сложности около 50 лет – СССР (из них с 1941 по 1944 –Германии)» [1, с. 8-9].

Поэтому на Брестчине за многие годы люди научились жить в мультикультурном пространстве, когда каждый народ, остававшийся здесь на постоянное жительство после определённых исторических событий, привносил в общую пограничную симбиотическую полиэтническую культуру свои традиции и нравы, одновременно заимствуя, обогащая и уважая чужие.

Поэтому опыт отражения менталитета и ментальности, национального и общечеловеческого в литературе Брестчины можно рассматривать с учётом двух особенностей.

Во-первых, русскоязычная литература, находясь в пространстве исторически сформировавшегося поликультурного социума, по сути, реконструирует как русскую, белорусскую, так и польскую, украинскую культуры, и даже создаёт некую наднациональную идеологию, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства [6, с. 8]. Поэтому в творческом багаже практически каждого поэта и писателя имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты, как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, а, с другой стороны, широко представлены традиции разных культур и их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители Брестчины как пограничного белорусско-польско-украинского региона, испытывали, всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны на протяжении всей истории Брестчины. Так, уже начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метрапольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей.

В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания).

Одновременно с этим на Брестчине существовала и существует по сегодняшний день автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур[4]. Поэтому поиски национальной самотождественности художниками слова происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им.

Таким образом, исследуя феномен русскоязычной литературы Брестчины, можно отметить сосуществование и взаимодействие в её рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию полилога культур. А это значит, что такую литературу по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия.

Именно таким образом на Брестчине сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы. Неудивительно, что национальное и общечеловеческое так отчётливо проявляется в произведениях современных русскоязычных художников слова: Л. Крассевской, В. Гришковца, Н. Ковалевича и др.

Обратимся лишь к отдельным стихотворениям В. Гришковца [3, с. 92-106], которые отражают характеры и судьбы, философию жизни типичных представителей социума.

Следует отметить, что в его книге переводов «Белой вежи свет» (2010) нашло отражение творчество более ста белорусских поэтов Берестейщины, включая и современных русскоязычных поэтов. А его поэтические сборники, такие, как: «Время отправления» (1981), «Круг аистиный» (1991), «Белые мосты» (2004) отличаются философичностью и выразительным индивидуально-авторским стилем. Но особенно ярко авторское мировидение белорусской ментальности, национального и общечеловеческого проявляется в тематике и проблематике его творчества.

Так в сборнике «Белые мосты», в таких стихотворениях, как: «Не помню, что было. Не знаю, что будет...», «Приходил, а дверь не открывали...», «Прощанье белоруса с Кремлём», «Ветер», «По жизни шел я, словно через реку...» и др., Гришковец говорит о многоликом независимом характере и противоречивом мировоззрении жителей Брестчины, соединивших судьбы и температуры многих этносов и народов.

В стихотворении “Славянская заздравная”, например, поэт прослеживает тернистый путь не только родного Полесья, но и тот, который прошли все славяне, живущие ныне в Украине, России, Беларуси. Путь, который был и останется для каждого общим, единым, объединённым вопреки всему “родной землёй” и тем “горьким хлебом”, который доводилось вкушать славянам на протяжении многих столетий:

*Что ж теперь нам путают
имена святые?*

*Что ж нас попрекают
горькою судьбой?*

*В Киеве, в Москве ли,
в пограничном Бресте,*

*Пусть колюч, но это...
наш, родимый хлеб!*

В. Гришковец рассуждает и о поликультурных браках, задумывается и о своих корнях, родителях, роде...

В стихотворениях “Что же было в отце моём русского?”, “Что русского было в батюке моём?” поэт пытается отыскать в себе те черты характера, которые унаследовал от русского отца и матери-белоруски и которые всегда составляли основу характера славянина – как русского, так и белоруса, украинца... Он указывает на необыкновенное их трудолюбие, физическую и духовную красоту славян, природный ум и бесхитростность, на абсолютное доверие людям и честность, искренность, открытость и справедливость, на их бескорыстность, на выносливость и терпение, на умение веселиться и способность рассуждать о жизни:

*Что же было в отце моём русского?
В “Войске польком” когда-то служил.
И дорогой горбатой да узкою,
Словно конь, батя рвался из жил.*

Лирический герой В. Гришковца – личность драматическая. Он устал от поиска счастья и смысла жизни, от поисков себя в этом безбрежном мире и живёт в постоянном беспокойстве и сумятице, живёт как бы на распутье..., в вечных поисках чего-то недостижимого и им самим даже неопределённого и непонятого...

Его герой то романтик-оптимист, то безнадёжный пессимист, испытывающий щемящую ностальгию. То гордый и независимый, то безвольно плывущий по волнам жизни. То он искренний и чистый, то опустившийся на дно жизни. То святой, исповедующий одну только правду, то кающийся грешник, думающий о пережитом и желающий его изменить:

*Чахнет свет, разливаясь по жилам,
Никуда неохота идти...
Жил ли? Жив ли? Отжил ли?
Боже милостивый, прости.*

Лирический герой мечется в поисках ответа на вечные вопросы бытия, понимая, что общечеловеческие качества, такие, как: искренность отношений,

верность в дружбе и любви, умение поддержать человека в трудную минуту, будут всегда востребованы обществом. И потому, не находя себе ни оправдания, ни успокоения, он боится быть непонятым современными людьми прагматичного и технологизированного мира.

Его утешает лишь родительский дом, где всегда ему открыты двери. Поэтому так часто звучит в сборнике «Белые мосты» мотив сыновней любви, мысль о прощении, о теплоте человеческих отношений. Мать для него не только самый родной человек, с кем можно разделить свои радости и огорчения, она – его опора, надежда, спасение, придающая силы в минуты душевной тревоги. Отцу обязан он всей жизнью, потому что, благодаря ему, и стал честным человеком.

В творчестве зрелого поэта лирический герой уже научился ценить жизнь, понимать её значимость. Он умеет держать слово и делать дело. В стихотворениях «Молитва вероотступника», «Понять, принять и полюбить...» лирический герой просит у Бога «дольше продлить» его жизнь, хоть и не совсем праведную, обещая измениться, так как уже с возрастом хочет дальше жить с Богом в душе:

*Понять, принять и полюбить,
В себе самом открыть другого.
А дальше жить. Всего лишь – жить,
Чтоб слово – дело, дело – слово.*

Как видим, главным мотивом поэзии является горькая, исповедальная самооценка. Лирическому герою В. Гришковца важно «понять, принять и полюбить, // В себе самом открыть другого». Неслучайно, для героя стихотворения становится более необходимой и важной саморефлексия, желание запечатлеть в первую очередь свои сердечные переживания, а не кого-то другого. Это и понятно, потому что самое сложное в жизни каждого человека – познать и понять себя, свои желания и помыслы, определить свои приоритеты и цели, пути их достижения, ибо понять другого, кажется, всегда проще. Поэт уверен, что достичь этого, можно только живя в ладу с верой, с благими помыслами. И тогда становится понятной формула жизни В.Гришковца – «возлюбить Бога, как самого себя» – вот цель и путь к гармонии не только с окружающими, но, в первую очередь, путь к гармонии с самим собой.

Примечательно, что поэт, как истинный христианин, видит смысл жизни в следовании христианским заповедям. Его стихи о скоротечности жизни очень серьезны и правдивы. А пессимистические настроения лирического героя о неправедно прожитой жизни сменяются мыслями об истинной ценности самой жизни, говоря словами И. Бунина, «жизнь – прекрасна, даже если она ужасна».

И потому, наверное, лирический герой В. Гришковца понимает, что жизненный пессимизм у всякого живущего на Земле происходит оттого, что цель никогда не может быть достигнута, потому что за ней, как за горизонтом, – уже

новая цель и новый, другой, горизонт. Да и вблизи наша цель выглядит иногда совсем не так привлекательно, как издали, когда она ещё неясно различима.

Лирический герой понимает, что именно к неясно различимым целям так страстно устремляются люди и народы... И чем взрослее человек, тем яснее он понимает, что главное не цель, а тот путь, который к ней нужно будет пройти. Но на этом пути часто теряется столько, что и цель не стоит того, чтобы так безудержно гнаться за ней. И потому главное здесь то, что человек к концу пути приходит совсем иным и понимает, что ему уже не нужно то, за чем он так стремительно гнался..., а нужно лишь успеть научиться главному – жить по совести и правде, вовремя передать эти качества молодому поколению. В этом лирический герой и видит смысл и значимость существования человека в Мироздании.

Как видим, духовный мир лирического героя богатый и противоречивый, но в нем доминирует безграничная щедрость, высокая требовательность к себе и другим, непримиримость ко лжи и несправедливости.

В творчестве поэта ментальное и общечеловеческое проявилось и в нравственно-философской лирике. Лирический герой обеспокоен моральной деградацией общества, принятием безнравственности как нормы поведения, и, что ещё страшнее, как образца для подражания.

В. Гришковец говорит о философии жизни, её вечности и неизменности, а иногда и парадоксальности.

Так, лирический герой стихотворения «*Я не верю, что белое – чёрное...*» не хочет верить, что в современном прагматичном мире можно осквернить любое дело: полезное дело сделать неудобным, «белое» сделать «чёрным», нужное, значимое дело – невостребованным, а «наглое» представить как «смелое». Но действительность жестока и диктует другое, убеждая читателя в том, что это, действительно, так. Ведь очень часто в жизни «печален дел добрых удел» только потому, что миром низменных удовольствий правит зависть и человеческая подлость:

*И не верю, что чёрное – белое,
Что дурак, очунав, поумнел...
Знаю твёрдо, что вздорное – вздорное
И печален дел добрых удел.*

*Вот дурак, становясь в позу умного,
Тарабарит и режет ребром,
Вот курвец в роли преданно мудрого
Встал с открытым он слушает ртом.*

.....
*И не верю, что чёрное – белое,
Что дурак, очунав, поумнел...
Как прискорбно, что наглое – смелое
И печален дел добрых удел.*

Вместе с тем, художник слова утверждает, что все люди – «подобие Творца», хотя и грешники, потому, что в грехе зачаты, с грехом идут по жизни и грех передают по наследству. В. Гришковец, кажется, предостерегает читателя от того, чтобы греховность не стала нормой поведения человека. Может быть, потому лирический герой разочарован и не верит в то, что человека можно изменить.

Поэтому первая и последняя строфа звучат в унисон, образуя рефрен. Заметим, что здесь автор использует своеобразную игру понятий. Говоря о неспособности современного технологизированного мира к позитивным духовно-ценностным переменам, автор с горечью замечает, что в современной жизни произошла подмена парадигм, жизненно важных ориентиров, когда наглость воспринимается как проявление смелости, а добрые дела вызывают негодование у толпы, её зависть, потому что позитивное ярко высвечивают несостоятельность и негатив её жизни. И потому желание очернить самоё доброе дело и его автора, к сожалению, проявляется в социуме всё чаще. Иногда же в угоду мнению толпы добрые дела остаются просто специально незамеченными и игнорируемыми, не нужными, специально фальсифицируемыми. И потому мир, по мнению лирического героя, в котором «дурак, становясь в позу умного», имеет право «вещать истину», «резать ребром», где «стакан поднимают одновременно и за здоровье, и за упокой...», абсурден и недолговечен, ибо сам уничтожит себя своей безнравственностью.

Так В. Гришковец пытается разбудить сознание читателя, воззвать его к самоанализу, к здоровой мысли и делу, способному улучшить нравственную сущность человека.

Невольно читатель задаётся вопросом: «Что же это за мир, в котором здоровье – смерть, а жизнь – инобытие?» [5, с. 123]. Такой мир ужасен. Лирический герой уверен в том, что подмена жизненных ориентиров, как страшный порок человечества, стала нормой нашего времени, подтверждающая парадоксальность жизни и зовущая к поиску путей оздоровления человеческой души. Это и есть тема стихотворения, которое полностью построено на контрастах, когда всё воспринимается с точностью до «наоборот».

Ключевые и доминантные слова лишь подчёркивают это: «белое – чёрное», «дурак – поумнел», «печален – дел добрых удел», «наглое – смелое». Вероятно, художник слова рисует картину абсурда, то есть то, чего не должно быть. Но картина мира, нарисованная в стихотворении, к сожалению, – это реальная жизнь... А, значит, нет ничего более странного и непонятного как для отдельного человека, так и человечества в целом, более алогичного, и в то же время, феноменального, чем наш мир, в котором человек всё же должен вопреки всему грязному и подлому, существующему всегда рядом с высоконравственным, оставаться добрым, отзывчивым и чутким, ибо даже в этом мире абсурда и парадокса общество обязано думать о вечном, о Человеке и будущем Мироздания.

Внутренняя антитеза, раскрывающая противоречия современности, проявляется и в композиции стихотворения. В первой строфе читаем: «знаю твёрдо, что вздорное – вздорное», а в последней строфе: «как прискорбно, что наглое – смелое». Заметим, что художнику слова больно от осознания этой простой истины, которая ведёт общество к деградации, а мир – к уничтожению.

Для лирического героя В. Гришковца понимание алогичности жизни намного страшнее, чем жизнь в неведении. Может быть, поэтому лирический герой потрясён, растерян, и оттого он «усталый и злой». Его пугает то, что люди перестали быть искренними, что многие фальшивят в угоду кому-то или чему-то, часто играя роль, выгодную себе, а не делу именно сегодня, так как хотят сделать карьеру или добиться других высот, чаще всего, материальных. И совсем не думают о деле, о том, как сделать мир лучше. Невольно вспоминаются слова М.Лермонтова: «Жалкий человек.../ Под небом места много всем/ Но беспрестанно и напрасно/ Один враждует он/ Зачем?»

И потому лирического героя страшит то, что «курвец в роли преданно-мудрого/ Встал с открытым – он слушает – ртом». Ужасно не то, что такие люди заслушиваются речами «дурака», а то, что «дураки в роли преданно мудрого» уверены, что они – короли жизни. Поэтому и страшит лирического героя то обстоятельство, что жизнь дошла до таких пределов, что даже «дураки» понимают выгоду, таящуюся в умении прикидываться умными. А это уже абсурд, алогизм, парадокс. Оттого лирический герой «злой и усталый». Правда, он верит, что мир людей, творящих всё в угоду своему Эго, всё-таки должен измениться и стать способным к созидательному добру во имя сохранения вечных и непреходящих общечеловеческих ценностей.

Специфика тематики, проблематики предопределила и особенности лексики, морфологического и синтаксического строя стихотворения. Доминируют имена существительные с отрицательной коннотативной окраской («дурак», «курвец», «дерзкое», «прискорбно»). Заметим, что эта окраска присутствует в их первичном значении, а значит, поэт не ищет новых значений у старых слов, он употребляет слова низкого стиля намеренно, демонстрируя, тем самым, открыто своё негативное отношение к лирическому герою.

В синтаксисе стихотворения нет императивно-восклицательных предложений и фраз (за исключением, «он слушает!»), но от этого призывность произведения не становится ниже. Знание того, что художник слова не верит громким словам, а понимает истину жизни и говорит о ней убедительно, с экспрессией, действует на читателя лучше всякого призыва.

Сложность понимания темы стихотворения достигается и классическим размером – четырёхстопным анапестом с чередованием мужской и женской рифмы.

Кажущаяся на первый взгляд простота изложения материала, на самом деле парадоксальна, как и идея стихотворения: оказывается, никуда не скрыться порядочному человеку от абсурдности мира. Лирическому герою остаётся только научиться жить в этом мире: либо приспособиться, изменив своё отношение к нему, а может быть, чтобы выжить, и пойти на сделку с совестью. Но лирический герой не верит в такое «перерождение» человека. Он лишь убеждён в том, что такую философию жизни, где основа «наглость – смелость», нужно обязательно менять, ибо необратимые процессы, как в отдельно взятом человеке, так и в мире, будут неизбежны. Автор, кажется, призывает читателя осмыслить и понять простую формулу жизни «Человек! – это ДОЛЖНО (авт.) звучать гордо!».

Как видим, в языке и образной системе произведений В. Гришковца отразилась глубокая философия современной жизни, в основе которой – забота о совершенствовании человеческих отношений и сохранении тех национальных ценностей, без которых нет ни счастья, ни будущего, как у отдельного человека, так и у государств и мира в целом.

Литература

1. Гніламёдаў Уладзімір. «Заставацца сабой...» / уклад. Мікола Мікуліч. – Мінск: Выдавецтва «Четыре четверти», 2012. – 574с.
2. Гришковец, В.Ф. Белые мосты: стихи, рассказы, эссе, статьи, заметки / В.Ф.Гришковец. – Пинск: КУИП “Редакция газеты “Пінскі веснік”. – 2004.
3. Жигалова, М.П. Отражение единства славян в творчестве В.Гришковца. В кн.: Этнокультурность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ. Монография / М.П.Жигалова. – Саарбрюккен, Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG, 2012. – 305с. – С. 92-106.
4. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины / М.П.Жигалова. |– Брест: БрГТУ, 2017 – 240с.
5. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: коллективная монография. – Ташкент: GEO FAN POLIGRAF, 2013. – 200с. – С.108-135.
6. Сулова, Т.И. Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой / Т.И. Сулова. – Бишкек, 2004. – С.177-183.

УДК 821.161.0

ББК 81. 411.2

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСЕВОЛОДЕ НЕКРАСОВЕ

Т.Н. Рахуба,
к.фил.наук, доцент
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье приводятся воспоминания о встрече с поэтом Всеволодом Некрасовым на брестской земле, отмечается роль поэта в развитии истории русского авангардизма.

Ключевые слова

поэт, поэзия, творчество, рифмы, ритмы, публикации.

Имя Всеволода Некрасова неотделимо от истории русского авангардизма второй половины XX века, в возрождении и обновлении которого он играл важную роль.

Вс. Некрасов внедрил в русскую поэзию новую модель стиха. Его поэзия – это пиршество словотворчества, фонетических новаций, смысловых сдвигов, нарушающих автоматизм ожидания, актуализирующих роль подтекста и кон-

текста, расширяющих семантическое поле стиха. Он создал адекватный образ времени, разрушавший мифологизированные о нем представления.

Поэт подверг пародийной деконструкции концепты советской идеологии, полемизируя с суждениями классиков, осуществил переоценку ценностей, отстаивал свободу, права человека, открытость мира и культуры, высмеивал идеи национального превосходства, официальной народности, вел интертекстуальный диалог с А. Пушкиным, М. Лермонтовым, И. Тургеневым, Ф. Достоевским, Н. Некрасовым, Ф. Тютчевым, А. Блоком, А. Ахматовой, О. Мандельштамом и другими писателями. Все это придавало поэзии новое измерение.

Но творческая судьба Вс. Некрасова была очень трудной. Большую часть жизни он не имел возможности публиковать свои произведения. Он не «вписывался» в традиционную советскую поэзию и почти не был известен читателю.

Первые печатные публикации стихотворений появились в переводах на чешский язык в периодике эпохи Пражской весны.

В 1975 году в Швеции вышел сборник русской неофициальной поэзии. И только время «перестройки» открыло дорогу в отечественные издания.

С 1980 года его стихи публикуются в журнале «Дружба народов», «Вестник новой литературы», «Новое литературное обозрение». В 1989 году издается книга «Стихи из журнала».

Важное место в творчестве Вс. Некрасова занимают книги «Пакет», «Александр Пономарев», «Лианозово», «Живу Вижу», «Дойче Бух». По мнению критика В. Г. Кулакова «его творчество соотносимо по своим масштабам и значению разве что с языкотворческой работой В. Хлебникова». Хотя со слов Вс. Некрасова В.Хлебникову он предпочитал В. Маяковского, ценя осуществленный им в поэзии «речевой поворот» в русском авангарде.

Близка была ему и поэзия О. Мандельштама. В позднем Мандельштаме Вс. Некрасов усматривал еще более радикальный речевой поворот к внутренней речи. Именно его он считал ключевым автором для всей новейшей и своей поэзии.

Ключ вообще ко много чему,
Если не почти совсем ко всему
В этом нашем деле (О. Мандельштам)

Последняя прижизненная книга Вс. Некрасова называлась «Детский случай» – сборник стихов разных лет. На первой научной конференции, посвященной поэзии Всеволода Николаевича и состоявшейся за месяц до его смерти, «Детский случай» сравнили с книгой Пастернака «Сестра моя жизнь». Было отмечено, что со времён Пастернака в русской поэзии не было пейзажной лирики такой силы.

Вс. Некрасов любил песни бардов, особенно Булата Окуджавы, которого он считал великим поэтом. За пару лет до смерти (2007 год) Вс. Некрасов стал лауреатом престижной премии Андрея Белого «За особые заслуги перед литературой».

Неизгладимое впечатление осталось у меня от двухдневного пребывания Всеволода Николаевича Некрасова у нас в Бресте.

На первый перрон Московской стороны вокзала пришел поезд Минск-Брест. Из вагона вышел он: джинсы, куртка, кепка придавали ему довольно-таки демократичный вид, но в толпе он выделялся некой отрешенностью. Взгляд устремлен внутрь себя, и лишь краем глаз фиксировал поэт окружающее. Лицо не молодое с правильными, но несколько тяжеловатыми чертами. Проступало в его облике что-то хрупкое, незащищенное. «Я приехал поклониться героям, навсегда оставшимся лежать в земле, насквозь пропитанной кровью. Прогуливаясь по дорожкам Брестской крепости в каждом камешке, кирпичике чувствуется человеческая боль. Я должен был побывать здесь!».

Я видела боль и слезы в его глазах. Вечером, после ужина, я попросила Всеволода Николаевича что-нибудь прочитать, он пошарил в сумке на ремне и извлек оттуда небольшой сборник. Читал беспарфосно, негромко, подчеркивая речевую природу своего стиха, иногда переходил на полупение:

Вольному воля
С волками жить по-волчьи выть
И тоже очень может быть
Ведь
Тоже очень даже
И
Может и не выйти

А вот на литературные темы. У меня такого довольно много:

Приговор
Пригов вор
Шутка, правда, не моя
не моя,
но явно же она шутка
и про меня
и против нее
я ровно ничего не имею.
Сказка ложь,
а шутка, правда,
и с какой бы стати
оспаривать ее мне
или как бы скрывать
и какой тут может быть
спор.
Пригов вор
А Зорин Пригову крыша.

Андрюша
Юноша, из хорошей семьи
бывши, вышедши из лучших домов
Знатнейшей, скажем, наших фамилий
ау
наука
у мели Емеля
юли

Я смогла услышать в стихах музыку, увидеть рифмы и ритмы. Блистательный поэт с тончайшим чувством живого языка, мастер, строивший из словесного хлама удивительные замки. Да, его слова рифмуются непривычно. Конец одного слова мог рифмоваться с серединой другого, любые, рядом стоящие созвучия, образуют особую мелодику и вырастают в особую речевую интонацию.

На следующий день мы отправились в Беловежскую пуцу. Асфальт гладкой дороги уперся в стену темно-зеленого леса, мы оказались в совершенно другом мире и гармонично слились с дыханием самой природы.

Большое впечатление получили от утреннего похода по местам обитания животных. Видели бы вы, как этот пожилой мужчина радовался при встрече с каждым животным, он разговаривал с ними на своем, каком-то особом языке. А вечером за чашкой чая он читал свои стихи, вели беседу о поэзии.

«Отсутствие поэтов – вот что бросается в глаза. Прошли года, а мы не обрели Поэта. Тогда, после марта 53-го, дела шло куда быстрее. Вскоре – плеяда: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина... Это был поэтический взрыв. Серьезная – подчеркиваю – серьезная поэзия собирала аудитории, на которые сегодня может рассчитывать только Пугачева или заезжая рок-группа. Шли на стихи... Лужники битком. Имена поэтов у всех на устах. Читали друг другу, учили наизусть. Стоп. Почему только поэзия? А музыка? А кино? Факты внезапно выстроились в систему. Музыка: Шнитке, Денисов, Губайдуллина, Кончели. Кино: Тарковский, Климов, Герман. Театр: Эфрос, Ефремов. Всем им тогда было 20 – 30 лет. Прошли годы. Но чьи произведения лидируют? Их! Евтушенко радовался тогда: «Пришли иные времена, зошли иные имена», и в конце философствовал: «Придут иные времена, взойдут иные имена». К, сожалению, пришли иные времена, зошли былые имена. Кто владеет умами, сердцами? Все те же... 1956 вознес идеалистов. 1986 обнажил циников. Из циников не выходят поэты – разве что пародисты».

Вторая встреча состоялась в Москве. Квартира Вс. Некрасова и Анны Ивановны Журавлевой (Анна Ивановна – жена Вс. Некрасова, доктор филологических наук, профессор, в то время была деканом филологического факультета МГУ) в Большом Остроумовском, была тесная, вся заставленная книгами в стопках. Стены увешаны картинами друзей Всеволода Николаевича – Рабина, Булатова, Васильева.

– «Это все подлинники, это мои друзья».

У меня осталось ощущение, что эта московская квартира, где читают стихи, не похожие на все, – живет сама по себе, отдельно от остальных домов и улиц. Она особенная.

Всеволод Николаевич и Анна Ивановна были одним целым и ушли вместе.

УДК 792.09:82 (476.7)

ББК 81.411.2

СПЕКТАКЛЬ БРЕСТСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЛКСМБ “БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ”: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Ю.В. Потолков,

к. фил. наук, доцент,
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Аннотация

В статье рассмотрены идейно-нравственные связи спектакля “Брестская крепость” с культурой народов-соседей – России и Украины. Обращено внимание на объективные переключки конфликтов спектакля с общечеловеческими коллизиями.

Ключевые слова:

Брест, театр, культура, аудиокнига, крепость, пьеса, война, актёры, зрители, спектакль.

19 марта 1953 года в Брестском областном драматическом театре имени Ленинского комсомола Беларуси под руководством режиссёра Александра Миронского состоялась премьера спектакля «Брестская крепость» по одноименной пьесе Кастуся Губаревича.

Премьера была повторена трижды: 19, 20 и 21 марта. В прессе спектакль справедливо был назван творческим памятником героям Великой Отечественной войны. Кроме того, спектакль обнаруживает свою гуманистическую связь с мировой культурой (в частности, с Библией), с культурами народов-соседей: России, Украины.

Соответствовал ли сюжет постановки реальным событиям обороны цитадели? Если иметь в виду конкретные исторические факты, то – не во всём: к тому времени о событиях обороны почти ничего не было известно. Если вести речь о соответствии нравственному, духовному, то оно в спектакле присутствовало в высшей степени. Недаром спектакль был принят зрителем горячо и воодушевлённо.

Судьба подлинно художественного произведения – жить вечно, то есть постоянно содержать в себе спасительную для читателя, зрителя, слушателя энергию. Сперва энергию ответа (“жить надо так!”), потом – энергию вопроса

(“как жить в будущем?”). Такой энергии и пьеса К. Губаревича “Брестская крепость”, и спектакль Брестского театра по этой пьесе – не растеряли. Во все годы своей сценической жизни они активно утверждали ответ: светло и праведно воспевали подвиг защитников цитадели и разоблачали имперский цинизм фашистских захватчиков. Такая совершенно оправданная и справедливая позиция по праву ставила пьесу и спектакль в ряд лучших произведений того времени на военную тему.

Прошли годы. Ответ “как жить дальше”, произнесенный драматургом и актёрами театра, остался в силе и даже прозвучал громче. Со временем становятся очевидными новые, ранее не востребованные, глубины пьесы и спектакля.

В распоряжении современника нет спектакля “Брестская крепость”: в нынешнем репертуаре театра он отсутствует. Но существует аудиокнига, содержащая радиоспектакль, созданный в 1954 году и идентичный постановке 1953 года – премьерной. Тот, кто слушает эту книгу в наши дни, живёт уже в новом информационном поле, обогащён знанием художественной литературы, во времена спектакля “Брестская крепость” почти неизвестной. Кроме того, события пьесы К. Губаревича “накладываются” на религиозные представления современного гражданина. Человечество, всё более зависящее от пресловутого “человеческого фактора”, ищет в искусстве прошедшего времени ответы на вопросы, о которых предшественники даже не помышляли.

Само выражение “брестская крепость” обнаруживает в этих обстоятельствах особую философскую содержательность. Оно обозначает не только архитектурное сооружение, не только место боёв и символ народного героизма, но и нравственный феномен подлинной, утверждённой действием, веры в общечеловеческие идеалы, то есть, *крепости* духа. Гитлеровцы и красноармейцы, противостоящие в пьесе друг другу, воспринимаются сегодня как силы, разделенные между собой по наличию именно такой веры. Это особенно заметно, если задуматься над библейским афоризмом “Каждому воздастся по вере его”.

Материал пьесы даёт основания для для подобного хода рассуждений. Обратимся к примерам. Когда боец Кукушкин, выпив предложенного фашистами шнапсу, вроде бы соглашается выступить по радио с обращением к гарнизону с призывом о капитуляции, немецкий капитан Траубе замечает “Истинно русская душа”. В заявлении такого рода звучит разоблачение тупоумного фашиста, и вместе с тем слова Траубе свидетельствуют: нравственным контрапунктом пьесы Губаревича оказывается проблема “русской души”. Драматург как бы уточняет этот вопрос: Кукушкин обращается к Траубе: “Харя ты некрещённая”. То есть оборона крепости – это защита именно духовных (в том числе и религиозных) идеалов. И в этой борьбе слепцы неверия пытаются одержать верх над зрячими в вере своей.

Даже партийный гимн “Интернационал”, который исполняют защитники бастиона в сцене клятвы у знамени, в свете такого понимания пьесы начинает звучать как духовное воплощение евангельского утверждения о том, что последние станут первыми. В обстановке, когда германские “сверхчеловеки” считают себя вправе решать судьбу встреченных ими в крепости “недочеловеков”, текст “Интернационала” “начинает звучать и как картина событий (“в смертный бой идти готов”), и как образ благородных евангельских страданий во имя правды. В “Интернационале”: ”Вставай. проклятем заклеймённый весь мир голодных и рабов...”, в Евангелии: “Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся” (Матф.5.6) защитники крепости деятельно жаждут правды; гитлеровские захватчики не менее решительно пытаются правду победить.

Пьеса К. Губаревича повествует о противостоянии слепых и зрячих. Физически, как военная сила, фашисты многократно превышают гарнизон крепости. Но они – слепы сердцем, и глаза их душевные навеки закрыты. Следовательно, вся их запредельная бесчеловечность не может привести к победе в войне. Это обстоятельство подтверждается многими полемиками, присутствующими в пьесе.

В одной из первых сцен происходит следующее: рота старшего лейтенанта Пенчука, посланная для разведки боем, окружена противником и понесла тяжёлые потери. Рядовой этой роты Михаил Кукушкин, оглушённый взрывом гранаты, попал в плен к эсэсовцам. Офицер Хельм допрашивает бойца: ”Может быть, ты теперь скажешь, почему твоя рота хотела прорваться из крепости? Может, твоя рота восстала против командования гарнизона и решила уйти? Или гарнизон решил оставить крепость и выслал роту в боевую разведку? Ну, что молчишь? Ты чего улыбаешься? Над кем смеёшься, свинья русская?”

Казалось бы, реплика Хельма по содержанию очевидна: перед нами – монолог торжествующего завоевателя, непоколебимо уверенного в превосходстве арийской расы над “русскими свиньями”.

По мнению гитлеровца, существует лишь одна причина человеческой инициативы: желание сохранить своё физическое существование. Но при внимательном осмыслении реплики становится ясным, что гитлеровец (может быть, впервые за время своего военного похода) усомнился в возможности победы фюрера: есть, оказывается, среди противников те, кто не сгибает колени перед “юберменшами”. При внешней бравате вопросы Хельма полны внутренней растерянности. Кукушкин оказывается для фашиста человеком, знающим нечто такое спасительное, до чего Хельм додуматься не может.

Вопли озверевшего Хельма невольно напоминают разговор Понтия Пилата и Иешуа Га Ноцри из романа М.Булгакова “Мастер и Маргарита”. Пятый прокуратор Иудеи, обладающий безграничной властью над бродячим философом и уверенный, что добрых людей не бывает, неожиданно начинает ощущать свою зависимость от Иешуа.

Задача человека во время войны (да и мира), как думает Хельм, – спасти свою шкуру любой ценой, не взирая ни на какие нормы морали. Поэтому если крепость осаждена, её гарнизону, по мнению эсэсовца, надо немедленно сдаться на милость завоевателя. Солдаты могут оставаться в крепости только по воле фанатичных командиров, то есть из-за страха перед наказанием. Никаких других стимулов к сопротивлению не существует, поскольку добрых людей нет. А боец молчит и улыбается. Почему? – таким бешеным вопросом кипит мозг эсэсовца.

Также смотрит на мир и фашистский капитан Траубе. Когда Кукушкин даёт согласие выступить по радио с чтением пропагандистского текста, обращённого к защитникам цитадели, Траубе, как сказано выше, доволен: ”Истинно русская душа!” Согласие советского солдата освободило фашиста от возникших было и в его сознании сомнений. Гитлеровцу вновь понятно, что русские – это “недочеловеки”, способные лишь подчиняться суровому германскому порядку. Значит, боевой клич “Готт мит унс” (“Бог с нами!) верен и победа рейха неизбежна. Но советский боец оборачивает своё выступление в страстный призыв к сопротивлению оккупантам. И сомнения захватчиков ожили вновь.

Рядовой Михаил Егорович Кукушкин – фигура в пьесе и в спектакле, безусловно, “ключевая”. За этим образом стоит глубокая фольклорная традиция. Это сказочный добрый молодец, находчивый солдат из сказок, мудрый весельчак в легендах многих народов мира. Сродни ему – Тиль Уленшпигель из романа Шарля де Костера “Легенда об Уленшпигеле”, персонаж многих народных песен. Очевидно и влияние образа Василия Тёркина из одноимённой поэмы А.Твардовского (Об этом, кстати, пишет и Л.Волчецкий в своей книге “Годы, спектакли, роли...” (с.57). В одной из сцен пьесы Кукушкин распевает переиначенную под события войны украинскую народную песню “Ой, нэ ходы, Фрыцю, тай на вэчорныци...”. Известно: персонаж этой народной песни погибает, наказанный за свои грехи. Так что зрители спектакля хорошо понимали намёки весёлого бойца.

Кукушкин признаётся, что его в крепости все знают. И это признание не случайно: гарнизон цитадели – это те же Кукушкины – герои-патриоты, верные отечеству.

Полемики в пьесе и спектакле могут восприниматься во всей своей нравственной общечеловечности. Обратимся, например, к сцене, где парламентёр Траубе является в крепость для переговоров и обращается к начальнику гарнизона комиссару Колесникову. Этот диалог по-своему близок к известному фрагменту Евангелия, где ко взалкавшему Христу обращается диавол: “Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведён был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от дьявола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим”(Лк.гл.4. 1 -4).

Как читал бы эти строки человек, которому пришлось защищать цитадель летом 1941-го?.. Траубе искушает Колесникова, а с ним и весь гарнизон: требует капитуляции. Надеется на то, что жажда, голод, раны сломают защитников:

Траубе: Значит, у вас и воды нет.

Колесников: Наша сила в людях, а не в воде.

Ответ начальника гарнизона едва ли не дословно повторяет суждение Сына Божьего о том, что не хлебом одним... Защитники Брестской крепости, таким образом, остаются в народной памяти единым героем вечности, согласившимся на безводье и бесхлебье во имя Слова Божьего, которое есть родина. А родина – одного корня с: родной, родня, природа, рожать... Таким же искупителем грехов человеческих отстались защитники цитадели в пьесе, в спектакле и в памяти народной. Возлюбили! Выстояли! Не посрамили...

И если мы рассматриваем спектакль в контексте современных ему жизненных реалий, то признаём: Евангелие оказывается именно одной из таких реалий.

При осмыслении идейно-художественного своеобразия спектакля “Брестская крепость” отдельного разговора заслуживает музыка в постановке. В начальной сцене представлен субботний вечер 21 июня 1941 года. Офицеры собрались в командирском клубе. Лейтенант Саша Пенчук напевает романс:

Миновали волшебные сны.
Но забыть я тех снов не умею
Слышу плеск и роптанье волны,
Вижу тёмного сада аллею.
Вижу образ твой вечно живой,
Слышу ласкою полные речи,
Сердце бьётся, как прежней порой
В ожиданьи обещанной встречи.

Вряд ли лейтенант Пенчук из пьесы задавал себе вопрос о том, кто и когда создал любимый им романс. Но драматург, подбирая текст романса, несомненно этим вопросом интересовался: без такого знания нельзя было бы соблюсти единство действия в пьесе. Не безразлична была история романса и для кого-нибудь из эрудированных зрителей. Тем более важны все возможные сведения о романсе были для музыкантов, сопровождающих спектакль.

В 1951 году на должность заведующего музыкальной частью театра был приглашён профессиональный композитор, преподаватель музыкального училища, участник Великой Отечественной войны Марк Александрович Русин (1921 – 1977). Он получил серьёзную профессиональную подготовку: окончил Московский музыкально-педагогический институт имени Гнесиных; занимался по классу композиции у Арама Ильича Хачатуряна. История романса была, конечно, Марку Александровичу известна.

Романс, который в пьесе исполняет лейтенант Пенчук, принадлежит перу русского беллетриста, поэта и критика Александра Алексеевича Измайлова (Смоленского, 1873 –1921, сына диакона, священника Смоленского кладбища). Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию.

Историки литературы отмечают, что лучше всего ему удавались рассказы из духовного быта. Главным ориентиром для А.Измайлова стало творчество А.П. Чехова. Александр Алексеевич критиковал революционную литературу, спорил с позицией А. Горького в романе “Мать”. Все это следует учитывать, осмысливая настроенность спектакля “Брестская крепость”.

Стихотворение “Я хотел бы тебя позабыть...”, в котором есть строки ставшие романсом “Миновали волшебные дни...”, было опубликовано в книге А.А. Измайлов [1].

Лирический герой романса – личность душевно богатая, исполненная романтического нравственного чувства. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо: спектакль “Брестская крепость” в Брестском театре имени ЛКСМБ значителен среди прочего утверждением духовной культуры как решающей силы в военном противостоянии.

Романс в спектакле оказывается равноправным с воинами защитником рубежей отечества: дикой агрессии гитлеровцев противостоит в крепости не только праведная военная сила советских солдат и их верность присяге, но и высокая внутренняя организация души каждого из героев обороны.

По ходу действия локальное, казалась бы, произведение, не претендующий на широкие обобщения романс, оказывается преддверием глобального осмысления нравственной сути войны в спектакле: в его музыкальную картину вплетены фрагменты “7-й Ленинградской” симфонии Дм.Шостаковича, в которых представлен образ врага.

К этим фрагментам по своему сюжетному предназначению близок и романс на слова А.Измайлова. А предназначение таково: показать крайнюю нравственную несовместимость света защитников крепости и тьмы её захватчиков.

Присутствие “7-й Ленинградской” симфонии в спектакле воспринимается сегодня особенным образом, если осмыслить это присутствие в свете написанного уже после 50-х, в 1961-м году стихотворения русского поэта Александра Межирова “Музыка”:

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попра!ла!
Какая музыка во всём.
Всем и для всех – не по ранжиру!
Осилим... Выстоим... Спасём...
Ах, не, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трёхрядка под накатом брёвен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.
И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души, и тела топтала.
Стенали яростно, навзрыд
Одной – единой страсти ради
На полустанке – инвалид
И Шостакович – в Ленинграде.

Судьбы осаждённого города на Неве и Брестской цитадели, окружённой врагами, несомненно перекликались. Известны слова Дм. Шостаковича о Ленинграде: “С болью и горечью смотрел я на любимый город. А он стоял опалённый пожарами, закалённый в боях, испытывавший глубокие страдания войны и был ещё более прекрасен в своём суровом величии”. Не те же ли чувства испытывали защитники цитадели, а позднее драматург и актёры Брестского театра, взирая на величественные руины крепости?

Е. Линд – создатель музея Седьмой симфонии – о премьерe гениального произведения Д. Шостаковича, которая состоялась 9 августа 1942 года, сказал следующее: “Произошло небывалое, не значащееся ни в истории войн, ни в истории искусства: “дуэт” симфонического оркестра и артиллерийской симфонии. Ни один снаряд не упал на Площадь Искусств. Но зато на головы врага из радиоприёмников, из репродукторов потрясающим всепобеждающим потоком обрушилась лавина звуков, доказав, что дух – первичен. Это были первые залпы по Рейхстагу”.

Зрители спектакля “Брестская крепость” 1953 года были хорошо знакомы с Седьмой симфонией Дмитрия Шостаковича и услышав тот самый ”дуэт” со сцены, вновь пережили высокое чувство преклонения перед подвигом защитников и укрепили в себе убеждённость в том, что дух – первичен.

Сцена и зрители “Брестской крепости” в едином порыве “стенали яростно, навзрыд”. Стихотворения ещё не было, а чувства народные, приведшие Александра Межирова в 1961 году к стихотворению “Музыка”, уже были. И поэтому звучали над всеми присутствовавшими на премьерe и романс, и трёхрядка в руках защитника крепости бойца Кукушкина, и Седьмая Ленинградская симфония, и “Интернационал”, и “Рассвет на Москве-реке” Мусоргского и финальная песня “Варяг”, исполняя которую, подрывают себя последние защитники цитадели. Погибают “одной-единой страсти ради”...

Присутствие песни “Варяг” в спектакле должно было восприниматься зрителями по-особому. Как показало время, защитники цитадели считали эту

песню “своей”. Недаром один из героев обороны Фёдор Герпаненко написал стихотворение, которое исполнялось на мотив “Варяга”:

Расскажут лишь камни об этих боях,
Как насмерть герои стояли.
Здесь русский, бурят, армянин и казах
За родину жизнь отдавали [2].

Здесь стоит напомнить: в годы войны существовала песня о крепости, созданная неизвестным автором. Она исполнялась также на мотив “Варяга”. Её пели тогда и белорусские партизаны, и военнопленные в гитлеровских концлагерях (текст песни см. выше).

Следует полагать, что песня эта была известна и К.Губаревичу, и артистам театра, и зрителям спектакля. Очевидно, что финал спектакля и описанная в песне героическая ситуация весьма созвучны: в них выступает образ боевого знамени, под которым, по призыву раненого комиссара идут в бой последние оставшиеся в живых защитники цитадели.

Литература

1. Смоленский, А. Стихотворения / А.Смоленский. – С.-Петербург, 1905. – С. 51.
2. Этот день мы приближали, как могли...: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. Минск, 7-8 мая 2015 г. – Мн., 2016 г. – С.113.

УДК 811.161.3'28(476.7)

ББК 81.411.3

ГАВОРКА ВЁСКИ БЕЛАЯ КАМЯНЕЦКАГА РАЁНА: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Я.Р. Самуйлік,
к.фил.н., доцент
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Анотацыя

У артыкуле разглядаюцца асноўныя фанетычныя, марфалагічныя і лексічныя асаблівасці гавара вёскі Бялая Камянецкага раёна. Акрамя таго, адлюстраваны найбольш значныя факты гісторыі дадзенага пункта, якія паўплывалі на фарміраванне мовы яго жыхароў.

Ключавыя словы

Заходнепалескія гаворкі, гаворкі, вёска Бялая Камянецкага раёна, фанетыка, марфалогія, лексіка

Вёска Бялая размешчана ў межах Камянюцкага сельсавета, за 27 км на поўнач ад раённага цэнтра горада Камянца. Паводле звестак, прадстаўленых краязнаўцам Георгіем Мусевічам, можна меркаваць, што село Бялая заснавана каля 1560 г. Па іншых крыніцах гэта паселішча вядома з сярэдзіны XIX –

пачатку XX ст. у складзе Белавежска-Александрыйскай воласці Пружанскага павета Гродзенскай губерні. У 1857 г. вёска Белая – дзяржаўная ўласнасць, дзе налічвалася 57 рэвізскіх душ. Паселішча згадваецца таксама ў справаздачы Гродзенскай Кансісторыі за 1893 г., а таксама ў кліравых ведамасцях за 1925–1939 гг. У 1921–1939 гг. вёска ў складзе Польшчы. Тут размяшчаўся пастарунак Бялянскай паліцыі, якая пільна сачыла за настроем тутэйшых жыхароў. У 1933 г. у вёсцы быў створаны культурна-асветніцкі гурток, што меў беларускую накіраванасць. З 12 кастрычніка 1940г. вёска Белая – цэнтр Бялоўскага сельсавета Гайнаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны тут налічвалася 180 жыхароў і 28 гаспадарак. З пачаткам вайны распачалася акцыя знішчэння вёсак і хутароў у Белавежскай пушчы і ля яе, найперш з мэтай прадухіліць развіццё партызанскага руху. У жніўні 1941 г. такі лёс напаткаў і Белую. “Сцэнарый” акцыі быў адзін: пад пагрозай расстрэлу даваліся дзве гадзіны на зборы, а затым сялян і нагужаныя вазы фашысты накіроўвалі на поўдзень ад пушчы. Выгнаныя з родных мясцін бялянцы ў асноўным “аселі” на Жабінкаўшчыне. Акупанты спалілі ў вёсцы 26 двароў, забілі 2 мірных жыхароў. Згарэла і драўляная царква ў імя Казанскай Божай Маці. Яна была збудавана ў 1912 г. з лесу, што быў выдзелены ўпраўляючым Белавежскай пушчы Калакольцавым. Апошнім светаром у вёсцы Белай быў айцец Клаўдзій, які пераехаў у Свята-Мікалаеўскую царкву ў Белавежы (цяпер – Польшча). У гады вайны загінула 11 жыхароў вёскі. Белая вызвалена ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў 17 ліпеня 1944 г. У першыя пасляваенныя гады вёска стала цэнтрам Бялянскага сельсавета. З 16 ліпеня 1945 г. Белая ў складзе Камянецкага раёна. З 16 ліпеня 1954 г. вёска ў Ражкоўскім, з 17 лістапада 1959 г. – у Дзмітравіцкім сельсавеце. У 1959 г. тут пражывала 79 чалавек. З 14 красавіка 1964 г. і па сённяшні дзень Белая ў складзе Камянюцкага сельсавета. На 13 лістапада 2017г. у вёсцы налічвалася 53 жыхары і 22 гаспадаркі [2, с. 10–11; 4, с. 80–81, 158–159, 178–179, 210; 5, с. 19–20; 11; 12, с. 517].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Белая (мясц. назва: *Б’іла*; жыхары: *б’іл’ан’цы*, *б’іл’анка*, *б’іл’аныц*) быў запісаны ў ліпені-жніўні 2001 г. ад мясцовых жыхароў Філанюка Івана Сцяпанавіча, 1919 года нараджэння, і Качан Вольгі Рыгораўны, 1923 года нараджэння. Для запісу дыялектнага матэрыялу намі была выкарыстана праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” [13, с. 32-35], а таксама т.зв. вялікая (новая) праграма: “Як у вас гавораць?”. Варта заўважыць, што гаворка названага населенага пункта ўключана ў “Дыялекталагічны атлас беларускай мовы” (н.п.651) [6;7]. Аднак вынікі нашага даследавання істотна адрозніваюцца ад матэрыялаў гэтага атласа.

Разгледзім асноўныя фанетычныя, марфалагічныя і лексічныя асаблівасці гаворкі вёскі Белая Камянецкага раёна.

Даследаванай гаворцы характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. Да ліку найбольш значных і спецыфічных прымет гэтай

гаворкі адносіцца вымаўленне галоснага [y] на месцы гістарычнага *o ў ненаціскным становішчы пасля цвёрдых зычных, т.зв. у к а н н е: *хулува́, дуро́на, куро́на, мулукó*. Аднак у канцавых адкрытых складах этымалагічны o захоўваецца: *сыно́, л'і́то, жéто* ‘жыта’, *высо́ко* і інш. [6, к. 14; 7]. Гук [y] зафіксаваны таксама на месцы гістарычнага *o ў новых закрытых складах пад націскам: *вуз, вул, вун, бул'ш, пуйдеш, куро́нка, нус, стул, кун', ку́шка* [6, к. 35; 7].

Яшчэ адна з найбольш яркіх і паказальных адметнасцей вакалізму дадзенай гаворкі – гэта рэалізацыя галоснага [e] ў адпаведнасці з этымалагічнымі *ы, *і ў націскных і канцавых адкрытых паслянаціскных складах: *сен* ‘сын’, *рэба* ‘рыба’, *вуле́* ‘валы’, *ме* ‘мы’, *хрыбé* ‘грыбы’, *véне* ‘выпі’, *пумéйу* ‘памыю’, *бек* ‘бык’, *пел* ‘пыл’, *меш* ‘мыш’, *véсынав* ‘высыпаў’, *похребé* ‘паграбы’, *хл'ivé* ‘хлявы’, *рубéте* ‘рабіць’, *луvéте* ‘лавіць’, *мэска* ‘міска’, *заб'іра́те* ‘забіраць’, *п'іса́те* ‘пісаць’, *кусéте* ‘касіць’, *худéте* ‘хадзіць’, *жéто, л'éпа* ‘ліпа’, *кул'é* ‘калі’, *худéл'е* ‘хадзілі’ і інш., але: *ve* і *v'íte* ‘вы’, *н'і́вка, л'і́те* ‘ліць’. Аднак ў пераднаціскных і ў паслянаціскных складах у акрэсленых пазіцыях звычайна выступаюць гукі [ы], [і]: *высо́ко, п'іса́те, заб'іра́те, зыма́, хрыбé, véсынав, рóб'іт* і інш.

Наступнай выразнай і адрознай асаблівасцю даследаванай гаворкі з'яўляецца наяўнасць галоснага [i] на месцы гістарычных *е, *ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля губных: *v'існа́, б'і́да, м'ішо́к, v'ідро́, п'ісо́к* [6, кк. 5, 6; 7].

Вельмі значная фанетычная адметнасць дадзенай гаворкі – гэта вымаўленне гукаў [i], [ы] ў адпаведнасці з націскным этымалагічным *ѣ: *л'іс, л'і́то, хл'і́в, v'і́т'ор*, але: *д'ед; сыно́, сны́х, зы́л'л'е, тын'* [6, к. 34; 7].

Істотнай асаблівасцю вывучанай гаворкі з'яўляецца таксама рэалізацыя галоснага [ы] ў адпаведнасці з гістарычнымі *е (*ѣ) ў першым пераднаціскным складзе пасля этымалагічных *з, *н, *с, *т, *д: *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын'о́к* [6, к. 5; 7].

Яшчэ адна з найбольш паказальных адметнасцей даследаванай гаворкі ў галіне вакалізму – гэта наяўнасць гука [i] на месцы гістарычнага *к ў паслянаціскных складах у словах тыпу *за́йіц, на́м'іт'* [6, к. 19; 7]. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі адзначаны галосны [a]: *уз'ала́, зл'акáвс'а*.

Характарызуюцца дадзенай гаворка таксама ўжываннем гукаў [ы], [о] на месцы паслянаціскага этымалагічнага *е ў словах *бэры́х, véчор*, а таксама захаванне адпаведнага гістарычнага галоснага ў націскным становішчы ў лексемах *дал'э́ко, увéс* ‘авёс’, *мéd* [6, кк. 29, 30, 33; 7].

Найбольш яркая і адрозная асаблівасць сістэмы кансанантызму вывучанай гаворкі – гэта розная рэалізацыя губных і пярэдняязычных. Губныя як цвёрдыя, так і мяккія перад этымалагічнымі *е, *і: *бэры́х, véчор, пэры́шы, ду м'і́не* ‘да мяне’, *п'іч'і́* ‘пячы’ [6, к. 53; 7]; *рубéте, луvéте, мэска, заб'іра́те, п'іса́те, рóб'іт*; губныя толькі мяккія перад гістарычнымі *е, *ѣ: *v'існа́, б'і́да, м'ішо́к, v'ідро́, п'ісо́к*. Этымалагічныя *з, *н, *с, *т, *д паслядоўна цвёрдыя перад гістарычнымі *е (*ѣ): *зымл'а́, нымá, сыло́, тыпéр, дын'о́к*; гэтыя ж зычныя

пераважна цвёрдыя перад этымалагічным *i: *зыма́, кусе́те, худе́те*, але: *н'і́вка* [6, к. 55; 7]. Аднак гістарычны *л у падобных умовах звычайна мяккі: *ал'е́, по́л'е; л'е́па, кул'е́, худе́л'е, л'і́те*, але: *буле́т* ‘баліць’. Адзначым таксама, што перад націскным этымалагічным *ѣ *л і губныя мяккія, прыеднеязычныя – пераважна цвёрдыя: *л'і́с, л'і́то, хл'і́в, в'і́т'ор; сы́но, сны́л, зы́л'л'е, ты́н*, але: *д'ед*.

Выразнай адметнасцю даследаванай гаворкі з'яўляецца таксама ацвярдзенне гістарычных паўмяккіх *дя, *тя перад *е, *і, этымалагічнага мяккага *т' на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *ден', тыне́р* [6, к. 56; 7]; *тэ́хо* ‘ціха’, *ходэ́те*; *вун ходы́т, но́сыт, вунé* ‘яны’ *ход'ат, но́с'ат*, але: *ху́йдаіут* ‘калышуць /дзіця ў калысцы/’. Заўважым, што перад націскным *ѣ адзначана розная рэалізацыя мяккіх *д', *т': *д'ед*, але: *ты́н*'.

Значная адметнасць дадзенай гаворкі – гэта пераход цвёрдых зычных у мяккія ў гістарычных спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *до́вн'і, куро́тк'і, куро́тк'і, тэ́х'і* ‘ціхі’; *до́вн'е, куро́тк'е, тэ́х'е* ‘ціхае’.

Істотнай асаблівасцю вывучанай гаворкі з'яўляецца таксама зацвярдзенне этымалагічных мяккіх *р, *ж, *ш у пэўных пазіцыях: *пура́док, рабе́на* ‘рабіна’, *хрых, пурьі́зав, рэ́чка, на двуры́; жа́ба, збу́жже* ‘збожжа’, *жар, на м'іжы́, жéто, ужéны* ‘ажыны’; *ша́пка, вул'ше́на* ‘вольха, алешына’, *шы́ршы* ‘шырэйшы’, *хо'ро́шы*¹, *пу°туше́те*² /уhóн'/ ‘патушыць /агоны/’, *рэшы́тн'ак* ‘рашэтнік /ядомы губчасты грыб карычневага колеру/’ і інш. [6, к. 42; 7]. Аднак гістарычныя мяккія *ч, *ц у даследаванай гаворцы як цвёрдыя, так і мяккія: *чыбрéц* ‘чабор’, *чырэ́н* ‘чарэнь’, *бл'ішча́ны* ‘бліскучы, блішчасты’, *о́че* ‘вочы’, *шчéл'іна* ‘шчыліна’, *ку́чка* ‘пячурка /ямка з боку печы, дзе сушаць што-небудзь і з дапамогай якой узбіраюцца на печ' і *шч'аву́х* ‘шчаўе’, *кл'укóч'е* ‘клякоча /пра бусла/’, *п'іч'і* ‘пячы’, *ду́жч'і* ‘дужэйшы’, *дуро́жч'і* ‘даражэйшы’, *дывч'іна* ‘дзяўчына’; *ца́цка, цеп, цéвка* ‘прыстасаванне ў выглядзе трубка, на якое навіваюцца ніткі і якое ўстаўляецца ў чайноч пры тканні’, *цыде́лка* ‘цадзілка /кавалак палатна або іншае прыстасаванне для працэджвання чаго-небудзь (пераважна малака)/’ *цковáте /субáкойу/* ‘цкаваць /сабакам/’, *хулудéц* ‘халадзец, квашаніна’ і *мулудéц'а* ‘маладзіца’, *ху́л'іц'а, купéц'а* ‘капа /сена/’, *хло́пц'і, на кун'ц'і* ‘на канцы’, *скупéц* ‘капец бульбы /звычайна круглай формы/’ і інш.

Паказальная адметнасць дадзенай гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *в, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *véне, вы́соко, véсыпав, ву́лэ, в'існа́, в'ідро́, हुлува́, куро́ва, лувéте, лáвка, пра́нда, до́вн'і, купéв* і інш. Сустракаецца губна-зубны [v] і ў пачатковым становішчы

¹ [o'] – галосны гук, сярэдні паміж [o] і [y].

² [y°] – галосны гук, сярэдні паміж [y] і [o].

перад зычнымі: *встрычатыс'а* ‘сустракацца’, *втыл'элас'а* /*курóва*/ ‘ацялілася /карова/’ і інш.

Вельмі яркай асаблівасцю вывучанай гаворкі з'яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *хулуvа, хрыбé, хрых, хóлод, хуvка, хóстры, дурóха, заháтка, дóvh'í, снyh, бéрыh* і інш.

Адрозная адметнасць даследаванай гаворкі – гэта захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы: *вуз, дуб, нуж, хóлод* і інш. [6, к. 45; 7]. Аднак у сярэдзіне слова адбылася асіміляцыя па глухасці, але непаслядоўна: *хуvка, заháтка, кáска, нушка; дужч'í, дурóжч'í, пудóлнух* ‘сланечнік’, *сыройíжка* ‘сыраежка /ядомы грыб з пласціністай крохкай яркаафарбаванай шапкай/’ [6, к. 46; 7].

Яшчэ адна істотная адметнасць дадзенай гаворкі – гэта рэалізацыя на месцы гістарычнага спалучэння “**мяккі зычны + Ъ**” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *зыл'л'е, насы́н'н'е* [6, к. 64; 7].

І апошняй выразнай і значнай асаблівасцю вывучанай гаворкі ў галіне кансанантызму з'яўляецца адсутнасць або наяўнасць пратэтычнага зычнага [h] перад галоснымі [o], [a], [y] у наступных лексемах: *óче, óз'еро, óсын', уну́ча* ‘ануча’, *ура́те* ‘арáць’; *Нал'én'а* ‘Алена’, *хóстры, ху́л'іц'а, ху́с'інец'а* ‘вусень’ [6, кк. 47, 48; 7]. Аднак ў словаформе *нівóднага* адбылося адпадзенне каранёвых гукаў: *ныднóхо*.

Характарызуецца гэтая гаворка і сваімі граматычнымі адметнасцямі.

Назоўнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне адзначаны з канчаткам *-ом*: *кун'óm, рубл'óm, нужóm, йайц'óm*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне характэрны канчаткі *-ы, -і*: *на м'іжы́, на двуры́, на кун'і́*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне зафіксаваны з канчаткамі *-е, -ове, -і*: *у хáте, у л'íce, у нусóве, у пól'і*.

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага роду адзіночнага ліку пашыраны з канчаткам *-о*: *ма́мо, ба́бо; Váл'о, Hád'о, Mán'о*.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне ўласцівы пераважна нулявы канчатак, часам – канчатак *-ув*: *нымá хат, стрых, дурóх, хулóв, йам* [6, к. 101; 7]; *бабу́в*.

Назоўнікі мужчынскага роду множнага ліку другога скланення ў давальным склоне ўжываюцца з ненаціскным канчаткам *-ом*: *л'уд'ом* ‘людзям’, *кón'ом* ‘коням’.

Прыметнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне ў становішчы пад націскам маюць канчатак *-ей*, не пад націскам – *-ы*: *мулудéй* ‘малады’, *старéй* ‘стары’, *малéй* ‘малы’; *дóбры, нóвы, хурóшы* [6, к. 111; 7].

Яркая і спецыфічная асаблівасць прыметнікаў даследаванай гаворкі – гэта т.зв. “сцягнутыя” аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі *-а, -е* ў назоўным склоне адзіночнага ліку жаночага і ніякага роду: *добра, но́ва; но́ве, суло́дк’е, хуро́ше*. Аднак пад націскам прыметнікі ў падобных умовах выступаюць тут з поўнымі двухскладовымі націскнымі канчаткамі *-айа, -ойе*: *мулуда́йа, старáйа; мулудóе, старóе* [6, к. 112, 114; 7].

Яшчэ адной паказальнай адметнасцю дадзенай гаворкі з’яўляюцца суфіксы *-ч-, -ш-* простаі формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў: *дужч’і, дурóжч’і, хуру́шч’і* ‘харашэйшы’; *шы́ршы* [1, с. 96–97; 6, к. 130; 7].

Інфінітыў з асновай на галосны ўжываецца з фанематычным варыянтам старажытнага суфікса *-ц’і -те*: *худéте, рубéте, спáте* [6, к. 173; 7].

Дзеясловам першага і другога спражэнняў ў трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку характэрны пераважна канчаткі *-е, -ыт, -ут, -ат*: *вун ідé, нысé, хóдыт, нóсыт, вунé іду́т, нысу́т, хóд’ат, нóс’ат* [6, к. 156; 7], але: *ху́йдайт’* ‘калышуць /дзіця ў калысцы/’ і інш.

Зваротныя дзеясловы ў вывучанай гаворцы зафіксаваны з постфіксамі *-с’, -с’а*: *умыва́тыс’, бра́тыс’, робéтыс’* ‘рабіцца’, *звáтыс’, бойу́с’а, купа́йт’а, бойáвс’а, купа́вс’а, шос’ зробéлос’а* ‘нешта зрабілася’ [6, кк. 164, 165; 7].

Адрозная і істотная асаблівасць даследаванай гаворкі – гэта захаванне ў дзеясловах з асновай на [к] старажытнай формы інфінітыва на *-чы* (фанематычна – *-ч’і*) з націскам на канчатку: *п’іч’і* ‘пячы’, *сыч’і* ‘сячы’ [6, к. 179; 7]. У форме ж трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу названых дзеясловаў захоўваюць у аснове заднеязычны [к]: *п’іку́т, сыку́т*. Аднак у дзеясловах з асновай на [h] у акрэсленых граматычных формах гэты зычны аднаўляецца і чаргуецца з шыпячым [ж]: *стрéнчы* ‘стрыгчы’, *стрыжу́т* [3, с. 316–318; 6, к. 158; 7; 14, с. 64, 116, 184–185].

Разгледзім яшчэ шэраг найбольш выразных і значных адметнасцей дадзенай гаворкі. Назоўнік *грудзі* ў творным склоне ў межах словаспалучэння *баліць пад грудзьмі* ўжываецца з канчаткам *-мема*: *бу́лет пуд хруд’ме́ма*. Назоўніку *чобаты* [боты] ў месным склоне множнага ліку ўласціва наступная форма: *у чобутах*. Адносна-пытальны займеннік *што*, дзеясловы *хадзіць, насіць* у першай асобе адзіночнага ліку адзначаны з фанематычнымі, дзеяслоў *ліць* у трэцяй асобе адзіночнага ліку ў словаспалучэнні *я лью ваду* – з фанематычна-акцэнтным, асабова-ўказальныя займеннікі трэцяй асобы мужчынскага, жаночага і ніякага роду адзіночнага і множнага ліку *ён, яна́, яно́, яны́*, уласна-асабовы займеннік другой асобы множнага ліку *вы*, інфінітыў *раска́зваць*, зваротны дзеяслоў *смяя́цца* ў трэцяй асобе адзіночнага ліку – з фанематычна-марфалагічнымі, дзеяслоўныя формы *лята́ць, лята́юць*, дзеяслоў *вісéць* у трэцяй асобе множнага ліку ў словазлучэнні (прэдыкаце) *гадзі́ннік (часы́) вісі́ць* – з фанематычна-акцэнтна-марфалагічнымі, няпэўны займеннік *нешта* – з уласналексічным варыянтамі: *шо; хужу, ну́шу; йа л’і́у*

vódu; вун, вунá, вунó, вунé; v'íte; рускáзувате; см'ійéц'ц'а; л'этате, л'этайт; часé v'íc'ат; шос'.

Адрозніваюць і вылучаюць гэтую гаворку і разнастайныя лексічныя асаблівасці: *бáбочка, мател'ок* 'матылѣк', *бáл'ка* 'бэлька /брус, які апіраецца на сцены і службыць падтрымкай насцілу (падлогі, столі і пад.)/', *б'ілы* 'баравік', *б'ірэмо* 'бярэма, ахапак', *бл'ішчáвы* 'бліскучы, блішчасты', *бóб'ік'і* 'фасоля', *бóч'ічка* 'ячэйка на мѣд у сотах', *брушнѣц'і* 'брусніцы', *бул'он* 'бульбяны суп /звычайна засквараны салам/', *бун'ка* 'збан /высокая гліняная пасудзіна, якая звужаецца ўверсе і мае звычайна ручку і носік/', *бурудá* 'нязжатыя каласы, якія пакідалі на полі пасля жніва /як падзяку за ўраджай і каб у наступным годзе зямля добра ўрадзіла/', *бурузнá* 'баразна', *бурунуváте* 'баранаваць', *бус'он,* *бус'ол* 'бусел', *варén'ка* 'кашэль /вялікая кашолка, звычайна з лучыны/', *vóко* 'адтуліна ў жорнах /ручным млыне з двума гладка абчэсанымі круглымі камянямі, пры дапамозе якіх пераціраюць зерне на муку/', *vól'a* 'валлѣ /у птушак/', *встрычáтыс'а* 'сустракацца', *вул'шэна* 'вольха, алешына', *вуруб'ій* 'верабей', *вым'ітáте* 'вымятаць', *Нал'эн'а* 'Алена', *л'л'энка* 'вапна', *л'л'увен* 'перакладзіна над вушкамі /бакавым брусам у дзвярной асадзе/', *л'ойданка* 'арэлі, гушкалка', *л'рыбѣ vónче, овéчче, жáбск'і* 'неядомыя грыбы', *л'рэна* 'пропуск у кашэнні', *л'уздэр* 'ніжня частка снапа', *л'уйдáйт* /*дыт'ó v колéсцы/* 'калышуць /дзіця ў калысцы/', *л'ус'інец'а* 'вусень', *дз'убáк /у пташóк/* 'дзюба /у птушак/', *л'рабэна* 'драбіны /прыстаўная лесвіца/', *л'дубэнка* 'даўбешка, доўбня /палка з тоўстым канцом/', *л'дурнѣц'і* 'буякі, дурніцы', *л'дутькнúтыс'а* 'дакрануцца', *л'дыл'эна* 'паверхня багністага балота', *л'дерновáте* 'абрабіць новае поле', *л'дерев'áнны* 'драўляны', *л'д'ад'іна* 'дзядзіна /дзядзькава жонка; цѣтка/', *л'йóжык* 'вожык', *л'жáба* 'рапуха /палявая жывѣліна, падобная на жабу, з бугрыстай скурай шэрага, земляністага колеру/', *л'жáло* 'джала ў пчалы', *л'журавѣц'і* 'журавіны', *л'жырна /курóва/* 'пражэрлівая /карова/', *л'жереб'áтко* 'жарабя', *л'жэто цv'ітѣ* 'жыта красуе', *л'зануза* 'стрэмка /востры, тонкі кавалачак дрэва (звычайна), асколак шкла, металу, які залез пад скуру/', *л'запл'ітáте* 'заплятаць', *л'затуvка* 'здор /нутранае свіное сала/', *л'збужже* 'збожжа', *л'з'ійдóбне л'рыбѣ: ко'з'ак'і, л'убѣ* 'ядомыя грыбы', *л'зловéте /кúрыц'у/* 'злавіць /курыцу/', *л'зыл'эна* 'недаспелыя плады', *л'зыл'óнк'і, л'зел'óнк'і* 'зялёнкі /ядомыя пласціністыя грыбы з зялёнай ці зеленавата-бурай шапкай/', *л'інд'ук* 'індык', *л'кавдун* 'страўнік у кабана, свінні', *л'кацá* 'пятка /тупы канец яйца/', *л'кв'ітка* 'краска /палявая кветка/', *л'к'ісле /мулукó/* 'сыракваша, кіслае малако', *л'клóмн'а* 'рыбалюўная крыга /ручная лавушка з сеткі, нацягнутай паміж двума «палазамі»/', *л'клун'а* 'гумно', *л'клькáте* 'глытаць', *л'кл'укóч'е* 'клякоча /пра бусла/', *л'кнур* 'кныр /самец хатняй свінні/', *л'кóзл'ік* 'конік /насякомае, якое скача і стракоча крыламі/', *л'кóнык* 'страказа', *л'кортóпл'а* 'бульба', *л'костéнк'і* 'касцяніцы, касцянкі /лясная травяністая ягадная расліна/', *л'кóц'уба* 'палачка для вязання снапоў', *л'коц'уба* 'качарга /прылада, якой

выграбаюць жар з печы/’, *коц’убэнык* ‘качарэжнік /месца каля печы, дзе стаяць вілкі, качарга/’, *кóц’ух’і* ‘суквецце на арэшніку’, *красн’ук* ‘падасіनावік’, *край’уха /хл’іба/* ‘акраец /хлеба/’, *кру́мкан’н’е* ‘кваканне жаб’, *кру́пе* ‘крупы’, *крéла* ‘плаўнікі /орган руху ў рыб і водных жывёл/’, *ку°нопл’а* ‘каноплі’, *кубасá* ‘каўбаса, кілбаса’, *кубéл’іц* ‘кубел /дзежка і пад. з вушкамі і векам для захоўвання салёнага сала/’, *кувнёр* ‘каўнер у кажусе’, *кудóса* ‘мяцеліца /снежная бура, завея/’, *кузák’і* ‘казяўка, кузурка /усякае маленькае, дробнае насякомае/’, *кул’ісó* ‘кола’, *кулó П’інска*, *кулó хáты* ‘каля Пінска, каля хаты’, *кун’ натурл’івы* ‘конь наравісты’, *купéц’а* ‘капа /сена/’, *курóста* ‘кастрыца /цвёрдыя адходы пасля апрацоўкі льну/’, *куру́тк’і* ‘кароткі’, *ку́рыц’а* ‘курыца’, *куса́чка* ‘здрок /куслівая муха, якой баяцца коні, конскі авадзень/’, *ку́стерна* ‘брыца /дробнае пустазелле/’, *кутáс’а*, рэдка: *л’энта* ‘кутас /пучок нітак, звязаных разам на канцы, для ўпрыгожання чаго-небудзь/’, *ку́чка* ‘пячурка /ямка з боку печы, дзе сушаць што-небудзь і з дапамогай якой узбіраюцца на печ/’, *латáте* ‘латаць, лапіць’, *Л’ікс’і́й* ‘Аляксей’, *лóтец’* ‘лотаць’, *л’ун на хрэ́бн’і у°бдыра́йут* ‘лён на грэбені чэшуць’, *лэ́ко* ‘лыка /луб маладой ліпы і некаторых іншых дрэў у выглядзе вузкіх палос, з якіх плятуць лапці/’, *л’акáтыс’а* ‘палохацца, пужацца’, *ма́тка* ‘спарыння /буйное чорнае зерне, якое часам вырастае ў коласе жыта/’, *м’ідвэд’* ‘мядзведзь’, *Мл’э́чна Дуро́на* ‘Млечны Шлях’, *мн’ак’іш* ‘мякаць у гарбузе’, *мн’áсо л’убéне* ‘нятлустае мяса’, *моркóчен’* ‘маркач /некастрыраваны самец авечкі/’, *моховéй хреб* ‘махавік /ядомы губчасты грыб з падушкападобна-пукатай жоўта-бурай шапачкай/’, *мурав’і́й* ‘мурашка’, *мутéте* ‘маніць’, *на́навéц’і* ‘штаны’, *напросткé* ‘напрасткі’, *нару́б* ‘драўляныя надмагільныя помнікі ў выглядзе калод’, *нас’і́лк’і* ‘насілы’, *ны за́сты мны* ‘засціць /засланяць загароджваць святло, агонь, перашкаджаць добра бачыць/’, *ныру́дна дучка́*, *ныру́дныц’а* ‘падчырыца, падчарка’, *ныхáйны* ‘нехайны /чалавек/’, *од’і́ялом накрéвáйуц’ц’а* ‘коўдрай накрываюцца /перад сном/’, *о́мыт’* ‘буйныя адходы пры ачыстцы абмалочанага збожжа’, *от’óса* ‘атосы, атос /драцяныя з жалезных прудоў або раменныя цяжы, што ідуць ад верхняга канца аглоблі да загваздкі/’, *откуровáте* ‘акарыць /ачысціць дрэва (бярвенні, жэрдкі і інш.) ад кары/’, *о’с’óт* ‘асот’, *пазу́р* ‘ногаць’, *п’і́в’ін* ‘певень’, *п’і́р’іе* ‘лісце цыбулі’, *п’і́я́нка*, *п’і́я́нка* ‘п’яўка’, *плéтко* ‘пра нязначную глыбіню на возеры, рэчцы, сажалцы, балоце і інш./’, *пóвден’* ‘поўдзень /адзін з чатырох напрамкаў свету, процілеглы поўначы/’, *по́но́н’а* ‘мясцовасць «прамежжавая» паміж балотам і грудом /выцерабленае месца ад хмызняку (лесу) пад сенажаць, поле і інш./’, *пóлап* ‘крысо /ніжня частка адзежыны, палавіны якой спераду расхінаюцца; пала/’, *пóлым’о* /рэдка/ ‘польшыя’, *постолé* ‘лапці’, *потáпц’і* ‘цура /страва, прыгатаваная з сырой вады, кавалкаў хлеба з соллю або цукрам ці з малака і кавалкаў хлеба і інш./’, *прач* ‘апалонік /хвастатая лічынка жабы/’, *просыка́те* ‘прсякаць’, *протыка́те* ‘працякаць’, *пта́шка* ‘птушка’, *пу°туше́те /уно́н/* ‘патушыць /агонь/’, *пу́вден’*

‘сярэдзіна дня /поўдзень/’, *пудв’іі* ‘хвароба ад віхру /імклівай, кругавой плыні ветру/’, *пудуўрок* ‘маёнтак /зямельнае ўладанне памешчыка, пана і пад./’, *пуддубен* ‘свінуха /ядомы пласціністы грыб з карычнева-бураватай шапкай/’, *пудзел’онк’і* ‘падзялёнка, падзялёнкі /ядомы пласціністы грыб з шапкай ад светла-шэрай да брудна-шэрай афарбоўкі/’, *пудло́на* ‘падлога’, *пудсо́лнух* ‘сланечнік’, *пужа́лно* ‘пугаўё /дзяржанне, да якога прымацоўваецца пуга/’, *пулупе́шок* ‘палукаш, палукашак /плечены кораб, які ўстаўляецца ў драбіны воза або сані’/, *пу́рхавка* ‘порхаўка /шарападобны грыб, мяккасць якога пры высыханні ператвараецца ў цёмны пыл/’, *переве́сло* ‘перавясла’, *переп’ёлка* ‘перапёлка’, *пересла́не са́ло* ‘свіное сала са слямі мяса’, *рабе́на* ‘рабіна’, *радно́* ‘палатняная коўдра’, *Руздво́* ‘Каляды, Коледы /народнае зімовае рэлігійнае свята дахрысціянскага паходжання/’, *рухма́на /ку́рыц’а/* ‘рахманая /курыца/’, *резуха́* ‘пілавінне, апілки’, *решытн’ак* ‘рашэтнік /ядомы губчасты грыб карычневага колеру/’, *свэне* ‘свінні’, *сверчо́к* ‘цвыркун’, *скупе́ц* ‘капец бульбы /звычайна круглай формы/’, *сл’ізен* ‘слімак, смоўж /з ракавінай у вадзе, без ракавіны на грыбах і інш’/, *слун* ‘услон’, *сн’іце́й* ‘хвароба ў выглядзе сажы ў коласе’, *со́нычко* ‘сонейка’, *со́чна /трава́/* ‘сакавітая /трава/’, *сп’іва́те* ‘спяваць’, *стоже́рво* ‘стажар’е /месца, дзе стаяў стог/’, *стро́кайуц’ц’а /курув’е/* ‘бадаюцца /каровы/’, *стр’ела* ‘кветканоснае сцябло ў цыбулі’, *сука́йло* ‘сукала /старадаўняя прылада для насуквання нітак на цэўкі/’, *сукочут /ку́ре/* ‘сакочуць /куры/’, *сусна́* ‘хвоя’, *сухосты́й* ‘сухастой /засохлыя на карані дрэвы/’, *схлусова́те* ‘нанесці шкоду пасевам’, *сы́ннык* ‘матрац, набіты саломай ці сенам’, *сыройі́жка* ‘сыраежка /ядомы грыб з пласціністай крохкай яркаафарбаванай шапкай/’, *сытн’ак /се́тнык/*, ‘сітняк /сітнік/, балотніца /расліна з гладкімі бязлістымі трубчастымі сцяблінкамі, якая расце на балоцістых месцах/’, *ту́ккане́ц’а* ‘таўчоная бульба /пюрэ/’, *тып’ер* ‘сёння’, *тёмно* ‘цёмна’, *т’ерка, т’ертка* ‘тарка /прадмет кухоннага ўжытку для раздраблення, расцірання, напр., бульбы/’, *ужэны* ‘ажыны’, *уздэ́чка* ‘аброць’, *упло́дец* ‘аплодненае яйцо’, *усаде́те /не́тку у іго́лку/* ‘уцягнуць /нітку ў іголку/’, *хвартуха́ зап’іраза́те* ‘завязаць /фартух/’, *хулуде́ц* ‘халадзец, квашаніна’, *цков’ате /соба́койу/* ‘цкаваць /сабакам/’, *цыде́лка* ‘цадзілка /кавалак палатна або іншае прыстасаванне для працэджвання чаго-небудзь (пераважна малака)/’, *це́цк’і* ‘вымя /у каровы/’, *ц’уц’ун* ‘тытунь’, *часне́к* ‘часнок’, *чо́буте* ‘боты’, *чыбр’ец* ‘чабор’, *чы́рыз /муст/* ‘цераз /мост/’, *чы́рэн* ‘чарэнь’, *шаһ, шаһ’ате* /рэдка/ ‘крок, крочыць’, *шкварка* ‘скварка /падсмажаны кавалачак сала/’, *шкудл’эва /куро́ва/* ‘шкадлівая /карова/’, *шкурлупа́* ‘шкарлупіна /цвёрдая абалонка яйца/’, *шп’ел’к’і* ‘іглаподобнае лісце хвойных дрэў і кустоў’, *шчы́н’ате¹* ‘ачышчаць абмалочанае збожжа’, *шчы́н’ате² /сы́но грабл’а́ме/* ‘пластаваць /сена граблямі/’, *шч’ел’іна* ‘шчыліна’, *шч’аву́х* ‘шчаўе’, *йун* ‘уюн’, *йажэ́ныц* ‘лось, саркадон чарапіцавы /шапкавы базідыяльны грыб сямейства тэлефоравых/’, *йал’эна* ‘елка, яліна’, *йасна* ‘дзясны’, *йат’ел’іна* ‘дзяцеліна /дзікая канюшына/’ [6, кк. 235, 266, 291, 294, 316, 323; 7].

Такім чынам, гаворка в. Белая Камянецкага раёна характарызуецца цэлым комплексам фанетычных, марфалагічных і лексічных асаблівасцей і адносіцца да заходнепалескіх (брэсцка-пінскіх, загародскіх) гаворак [8, с. 133–134; 9; 10, с. 150–157, 201–214].

Спіс прынятых скарачэнняў

<i>в.</i> – вёска	<i>км</i> – кіламетр
<i>г.</i> – год	<i>мясц.</i> – мясцовае
<i>гг.</i> – гады	<i>напр.</i> – напрыклад
<i>і інш.</i> – і іншае	<i>н.п.</i> – населены пункт
<i>і пад.</i> – і падобнае	<i>с.</i> – старонка, -і
<i>к.</i> – карта	<i>ст.</i> – стагоддзе
<i>кк.</i> – карты	<i>т.зв.</i> – так званы

Літаратура

1. Блінава, Э.Д. Беларуская дыялекталогія: вучэб. дапам. / Э.Д. Блінава, Е.С. Мяцельская. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 303 с.
2. Брестская область [Карты]: общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н.И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атлас (33 с.) : цв.
3. Булыка, А.М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы/ А.М. Булыка, А.І. Жураўскі, І.І. Крамко ; пад рэд. А.М. Жураўскага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
4. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В.Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск: Белкартаграфія, 2016. – Т. 3. – 2016. – 1 атлас (348, [3] с.).
5. Гароды і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Т. 4, кн. II. Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с.: іл.
6. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Р.І. Аванесаў [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. Р.І. Аванесава. – Мінск : АН БССР, 1963. – [2] с., VIII, 338 к.
7. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы : уступ. арт., давед. матэрыялы і камент. да карт / Р.І. Аванесаў [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. К.К. Крапівы, Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск : АН БССР, 1963. – 970 с.
8. Клімчук, Ф.Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф.Д. Клімчук // Gdzie bije zrydło...Picni ludowe pogranicza Polski i Białorusi / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Zygalova. – Lublin – Wyszynice, 2015. – S. 129–143.
9. Клімчук, Ф.Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф.Д. Клімчук ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; [рэд. М.І. Талстой]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.
10. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А.А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
11. Новік, Г. Белая / Г. Новік, М. Шум // Навіны Камянеччыны. – 2005. – 14 жніўня. – С.3.
12. Памяць : Кам. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад.: Г.П. Парафянюк, Р.Я. Смірнова ; рэдкал.: А.Л. Петрашкевіч [і інш.]. – Мінск : Ураджай, 1997. – 526 с.
13. Самуйлік, Я.Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я.Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
14. Янкоўскі, Ф.М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-аў / Ф.М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.

ЛІНГВАКУЛЬТУРНАЯ КАМПЕТЭНЦЫЯ НЕВЫТВОРНЫХ ПРОЗВІШЧАЎ ПАГАРЫННЯ

Заіка З.М.,
к.ф.н., дацэнт
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Анотацыя

У артыкуле прадстаўлены лексіка-семантычныя, фанетыка-марфалагічныя адметнасці невытворных прозвішчаў сучасных жыхароў Берасцейшчыны (вёскі Белавуша, Струга, Сямігосечы, Альшаны Столінскага раёна Брэсцкай вобласці). Прааналізаваны прадуктыўныя дэрывацыйныя тыпы і мадэлі.

Ключавыя словы:

прозвішчаўтваральная мадэль (аснова), антрапанімшчная сістэма, дэрывацыя, старажытнабеларуская спадчына, невытворныя прозвішчы, апелятыўная лексіка, гутарковыя формы імён, параксітанічны націск, кананічныя праваслаўныя імёны.

Лінгвакультурны агляд прозвішчаўтваральных асноў антрапанімнай сістэмы Беларускага Пагарыння з'яўляецца найбольш старажытнай часткай лексічнага фонду заходнепалескага рэгіёна, які мае складаную эвалюцыйную гісторыю і знаходзіцца на памежжы брэсцка-пінска-тураўскіх гаворак. Аналіз сінхроннага зрэзу прозвішчаў гэтай трансгранічнай зоны Беларусі можа мець такую ж каштоўнасць для навукоўцаў, як і дыяхранічны аналіз, які цікавіць не толькі навукоўцаў апісаннем эвалюцыі беларускай анамастычнай сістэмы ў дэрывацыйным плане, але і высвятленнем пытанняў, звязаных з гісторыяй беларусаў, міграцыяй насельніцтва, існаваўшых кантактаў паміж народамі сумежных тэрыторый.

Пагарынне Беларусі – паўднёвая гісторыка-этнаграфічная частка Заходняга Палесся, для якой характэрны спецыфічныя фанетыка-марфалагічныя рысы, лексіка-семантычныя адметнасці [3]. Прааналізаваны матэрыял вёсак Белавуша, Рубель, Струга, Альшаны Столінскага раёна (60-ыя — 90-ыя гг. XX ст.), на тэрыторыі якой пражывала каля пяці тысяч чалавек. Тэрыторыя мела складаную гісторыю: у XII ст. частка ўваходзіла ў склад Валынскага княства, а другая частка – у склад Турава-Пінскага княства. Раздробленасць земляў садзейнічала частым набегам з боку татара-манголаў, адсюль выяўлена пэўная колькасць запазычаных прозвішчаў, утваральнымі асновамі якіх з'яўляюцца цюркскія мовы. У антрапанімнай сістэме з'явіліся літоўскія элементы пасля ўтварэння ВКЛ, у склад якога ўвайшла тэрыторыя беларускага Пагарыння. У складзе Рэчы Паспалітай частка тэрыторыі папала пад уплыў Польшчы. Таму сёння у антрапанімнай сістэме сустракаецца вялікая колькасць паланізмаў, а пазней землі Пагарыння уваходзяць у склад Расіі, і гэта таксама ўнесла свой адбітак на антрапанімную сістэму Пагарыння.

Такім чынам, прозвішчы Пагарыння разам са старажытнабеларускай, старажытнарускай, старажытнаўкраінскай спадчынай у антрапаасновах, у фармантах і тыпах мадэляў таксама маюць пэўную колькасць запазычаных асноў і фанетыка-марфалагічных рыс з польскай, літоўскай, цюркскіх моў. Даследчыкі даводзяць, у першую чаргу, Лемцюгова В.П., што “палескі моўны арэал, куды уваходзіць даследуемы намі лінгвакультурны анамастычны пласт, валодае ўвогуле не толькі адметнымі рысамі ў моўным плане, а і ў плане антрапаніміі таксама. Лемцюгова В.П. мяркуе, што большасць словаўтваральных асноў у межах Палесся з’яўляецца вельмі старажытнай, уласцівай толькі для гэтай тэрыторыі. Гэта тлумачыцца, у першую чаргу, прыроднымі ўмовамі: забалочанай мясцовасцю, якая не дазваляла мець цесны кантакт з іншымі паселішчамі, а таксама мігрыраваць с аседлага месца на іншую тэрыторыю. Такі вобраз жыцця наклаў адбітак на развіццё антрапанімічнай сістэме Пагарыння. Адсюль вялікая колькасць прозвішчаўтваральных асноў, якія ўтрымліваюць пласт апелятыўнай лексікі старажытных часоў і пэўную частку якіх няма магчымасці растлумачыць з пункту гледжання сучаснай літаратурнай мовы ці яе дыялектаў, а таксама існуе вялікая колькасць невытворных прозвішчаў, што захаваліся ў выніку аседлага вобразу жыцця”.

Шматлікія невытворныя прозвішчы Пагарыння ўтварыліся семантычным шляхам – шляхам пераансавання былых назваў-характарыстык асобы (мянушкі) па тых ці іншых адзнаках, ці гутарковых формаў імёнаў. Гэта так званыя невытворныя прозвішчы. Унутраная форма ўласных найменняў, іх матывацыя з цягам часу сцерліся, і яны сталі выконваць чыста намінацыйную функцыю вылучэння чалавека сярод насельнікаў. Сёння яны дэнататывыя, але ў момант, калі яны толькі ўтварыліся або існавалі яшчэ як мянушкі, яны абывязкова мелі канкрэтныя канататывыя значэнні. Мянюшка служыла базай для ўтварэння прозвішча, у аснове якога магло ужывацца практычна любое слова, што існавала ў мове на час узнікнення прозвішчаў. Апелятыўная лексіка, што ляжыць у аснове сучасных невытворных прозвішчаў Пагарыння, характарызуецца шматпланавасцю зместу. Пасля ўвядзення хрысціянства яна засталася крыніцай для мянушкі, а затым і для прозвішчаў і таму першаасновамі для прозвішчаў з’яўляліся самыя разнастайныя прадметы, з’явы, ў залежнасці з асацыяцыямі чалавека ў розныя перыяды жыцця: 1) назвы раслінных частак; 2) назва жывёльнага свету; 3) назвы з’яў прыроды; 4) назвы прылад працы і прадметаў побыту; 5) назвы народаў і этнічных груп; 6) назвы асобы па месцы жыхарства; 7) назвы асоб па разумовых якасцях; 8) назвы асоб па знешнім выглядзе і фізічных якасцях; 9) назвы асоб па прафесіі, занятку[2] і інш. Напрыклад: Мароз, Мельнік, Кісель, Комар, Жук, Лапата, Серада, Верабей, Цар, Заіка, Бурак, Борсук і інш; так, напрыклад, *камар* – апелятыў (адз. л.), а прозвішча *Комар* (адзх. лік.). У формах множнага ліку для прозвішчаў характэрны націск для асновы толькі тады, калі ў суадносным апелятыве націск падае на флексію: *камары* (апелятыў, мн. лік), *Комары* (прозвішча, мн. лік).

Этымалогія прозвішчаў не заўсёды празрыстая, зразумелая. І таму ў некаторых выпадках наша тлумачэнне з’яўляецца гіпатэтычнымі, і яго можна

ўдакладняць на аснове новых матэрыялаў, дыялектных слоўнікаў, спісаў мікратапонімаў і інш. Так, напрыклад, прозвішча *Байда* мае два склады з аднолькавымі галоснымі, і дазваляе меркаваць, што аснова не з’яўляецца спрадвечнабеларускай, а запазычана, магчыма, з цюркскіх моў. Слоўнік Насовіча падае слова *байда* як устарэлае са значэннем “свая” (байды біць – нічога не рабіць, хадзіць без справы). Ва ўкраінскай мове слова мае значэнні 1) “гуляка, бесклапотны чалавек” 2) “няскладная жанчына” (Грынч.) а таксама 3) “акраец хлеба” [1]. У кіргізскай мове *байда* – “прыбытак, карысць, выгада” (КРС). У беларускай мове дзеяслоў *збайдаць* мае рэгіянальна-абмежавальнае значэнне “марна страціць, пусціць на вецер” [1]. У рускай дыялектнай мове *байдаць* – “бяздзельнічаць”. Такім чынам, для антрапоніма *Байда* маглі быць выкарыстаны значэнні “бесклапотны чалавек, марнатраўца”, “няскладны, непаваротлівы чалавек, слуп”. Аснова *байда* з’яўляецца прадуктыўнай і прадстаўлена ў беларускай, рускай і ўкраінскай мовах, значыць яна з’яўляецца агульнай для ўсходнеславянскіх моў [1].

У невытворных прозвішчах, што супадаюць з гутарковымі формамі імён, у многіх выпадках з мэтай адрознення іх ад імені ці мянушкі адбываецца працэс перанясення націску на іншы склад асновы ці на флексію: *Васечка*, *Грышко*, *Семянчук*, *Валадзько*, *Паўлюк* і іншыя. Яны атрымалі параксітанічны націск замест прапараксітанічнага, уласцівага для няпрозвішчаў, напр. *Васечка* (ласкавае імя) – *Васечка* (прозвішча); *бацечка* (апелятыў) – *Бацечка* (прозвішча).

Вялікі пласт невытворных прозвішчаўтваральных асноў Пагарыння базіруецца на кананічных мужчынскіх імёнах і супадае з іх гутарковымі формамі, напрыклад: *Сцепанюк* (пр.) – *Сцепанюк* (разм.) – *Стэфан* (канан. правасл. імя). Форма імені ўтварылася ад невытворнай асновы *Сцепан* – (цеканне, ужыванне зычнага [ц] замест [ф]) + суф. –юк; *Сцяпура* (пр.) утворана ад формы размоўнага імені *Сцяпура*, што ўзыходзіць да кананічнага праваслаўнага *Стэфан*. Форма імені ўтворана ад усечанай асновы *сцяп* – (цеканне, аканне) + суфікс –ур(а): *Сцяпура* – *Сцёпа* – *Сцяпан* + (размоўная ўсходнеславянская форма). Сярод невытворных прозвішчаў Пагарыння пераважаюць дэрывацыйныя мадэлі, што супадаюць з гутарковымі формамі кананічных імёнаў з суфіксамі: -чык-, -чук-, -ук-, -юк-, напрыклад, прозвішча *Макарчык* утворана ад памяншальнай формы імені *Макарчык*, кананічнага праваслаўнага *Макарыі*; -чук *Максімчук* утворана ад размоўнай формы імені *Максімчук*, што паходзіць ад кананічнага праваслаўнага імені *Максім*; *Піліпчук* утворана ад размоўнай формы імені *Філіпп*; *Саўчук* утворана ад памяншальна-ласкальнай формы *Саўчук*, якая ўзыходзіць да кананічнага праваслаўнага імені *Савва*; *Семянчук* утворана ад размоўнай формы *Семянчук* кананічнага праваслаўнага імені *Сямён*; -ук/ -юк: *Касцюк* утварылася ад размоўнай формы *Касцюк* кананічнага праваслаўнага імя *Констанцін*; *Паўлюк* утворана ад памяншальна-ласкальнай формы *Паўлюк*, якое ўзыходзіць ад кананічнага імя *Павел*; *Цімашук* утворана ад памяншальна-ласкальнай формы *Цімашук*, што

ўзыходзіць ад асновы *Цімох* – (размоўны ўсходнеславянскі варыянт імені) і інш. Прозвішча *Андрыяшка* ўтварылася ад гутарковай формы *Андрыяшка*, якая з’яўляецца памяншальнай ад імені *Адрэй*. Імя *Андрыяшка* ўтварылася ад невытворнай усечанай асновы *Андрыя-* + суфікс *-шк(а)*. Форма прозвішча *Валодзько* ўтварылася ад эмацыянальна-ацэначнай формы імені *Владимир* – *Валодзька*, якое ўтварылася ад усечанай асновы *Волод-* традыцыйна-царкоўнага імені *Владимир* (усходнеславянская форма *Володимир* ад *владеть миром*) + суфікс *-ка* пад уплывам двух фанетычных працэсаў беларускай мовы: *аканне*, *дзеканне*. Прозвішча *Васечка* ўтворана ад эмацыянальна-ацэначнай формы кананічнага праваслаўнага імені *Василий*, якое ўтварылася ад усечанай асновы *Вась-* + вытворны суфікс *-ечка-* (*-еч + -ка*) (*Васечка* – *Васька*); прозвішча *Грышко* ўтварылася ад размоўнай формы кананічнага праваслаўнага імені *Григорий*, якое ўтварылася ад размоўнай формы кананічнага праваслаўнага імені *Григорий*, ўтварылася ад усечанай асновы *Гры-* + суфікс *-шко*. (*Гры-шко* = *Гры-ша* = *Грыгор* (усходнеславянская размоўная форма *Грыгорка*) [1]. Па гэтай жа мадэлі ўтварыліся і такія прозвішчы Пагарынны, як: *Касцюк*, *Макарчык*, *Клімушка*, *Максімчук*, *Нікончык*, *Паўлюк*, *Піліпчук*, *Савончык*, *Семянчук*, *Стахейка* і інш.

Трэцяя група – гэта невытворныя прозвішчы, што супадаюць з апелятывамі-прыметнікамі і складаюць прыкладна 2% ад даследаваных, напрыклад, прозвішча *Лысы* ўтворана ад мянушкі *Лысы*, якая зафіксавана ў беларускай антрапаніміі у 16-17 ст.ст., у рускай антрапаніміі ў 17 ст., ва ўкраінскай – у 16-17 стст., са значэннем “*чалавек без валасоў*”. Прадуктыўная ў сучасных усходнеславянскіх мовах прозвішчаўтваральная аснова *лысы* з’яўляецца агульнаславянскай па паходжанню [1]. Дэрыват *Нагорны* ўтвораны ад мянушкі *Нагорны* ад (на гары). Аснова з’яўляецца малапрадуктыўнай. Прозвішчаўтваральная аснова *нагорны* з’яўляецца агульнай для усходнеславянскіх моў. Па аналагічнай мадэлі ўтвораны і прозвішчы Пагарынны *Паддубны*, *Пальчасты*, *Малажавы* і іншыя.

Невытворныя прозвішчы Пагарынны з’яўляюцца спецыфічнай неад’емнай часткай антрапаніміі Беларусі. Іх даследванне ўяўляе пэўную навуковую цікавасць, яны з’яўляюцца адной з крыніц вывучэння лінгвакультуры і этасу заходнепалескага народа. Аналіз сучасных прозвішчаў дае магчымасць глыбей зразумець і праясніць увесь працэс эвалюцыі нашых прозвішчаў, вызначыць лінгвістычную і пазалінгвістычную інфармацыю, якая ў іх схавана, дае пэўныя падставы для рэкамендацыі па унармаванні вымаўлення, правапісу і скланення невытворных прозвішчаў.

Літаратура:

1. Бірыла, М.Б. Беларуская антрапанімія. Т. 1 : Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.Б. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982.
2. Усціновіч, А.К., Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны / А.К. Усціновіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975.
3. Клімчук, Ф.Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф.Д. Клімчук ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; [рэд. М. І. Талстой]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

УДК 81'373=161.3

ББК 81.411.3

ПАШПАРТ У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСАЎ

А.В. Макарэвіч

к.філ.н., дацэнт

(Беларусь, Брэст, БрГУ імя Пушкіна)

Анотацыя

У дадзеным артыкуле аналізуецца пашпартная сістэма ў Беларусі. Першапачаткова зазначана, што продкі беларусаў выкарыстоўвалі назвы “глейт”, “ліст”, “білет” і др. У пачатку XX стагоддзя пачалі выкарыстоўваць слова “пашпарт”.

Ключавыя словы:

пашпарт, сістэма, ліст, білет, афіцыйны дакумент

У наш час пашпартная тэрміналогія ў асноўным стандартызаваная па ўсім свеце. Пашпарты бываюць: звычайны, турыстычны, службовы, дыпламатычны, часовы ці “аварыйны”, пашпарт марака, калектыўны, сямейны і інш. Лічыцца, што пашпарт мае італьянскія ці французскія карані і абазначае старажытны дакумент для праходу праз марскі порт. Насамрэч больш дакладна гаварыць, гэта дакумент для праходу праз дзверы ці вароты ў гарадской сцяне, бо французскае слова *porte* абазначае менавіта “дзверы”. Паводле “Слоўніка іншамойных слоў” А. Булыкі, лексема “пашпарт” запазычана з французскай мовы праз польскую і мае значэнні: “пашпарт (польск. *passport* ад фр. *passerport*, ад *pass* = праход + *port* = гавань, першапачаткова – дазвол на адплыццё) :

– 1) афіцыйны дакумент устаноўленага ўзору, які засведчвае асобу яго ўладальніка; 2) пасведчанне з асноўнымі звесткамі аб якой-н. машыне, абсталяванні” (т. 2, с.183).

У Вялікім Княстве Літоўскім у якасці афіцыйнага дакумента выкарыстоўвалі назву глейт. “Старабеларускі лексікон” М. Прыгодзіча і Г. Цівановай падае: “кглеить 1. Ахоўная грамата, пропуск для праезду па пэўнай тэрыторыі...” (с. 95). Нашы продкі таксама ўжывалі найменне ліст.

У Расійскай імперыі (Беларусь знаходзілася ў яе складзе) грамадзянам выдавалі дакумент, які засведчваў асобу і даваў права на жыхарства – білет.

Асобыя пашпарты мелі тагачасныя прадстаўнікі малога і сярэдняга бізнесу. На працягу амаль усяго XIX ст. у Расіі тым, хто займаўся прадпрымальніцкай дзейнасцю, выдавалі адрасны білет. Свае пашпарты мелі і прадстаўніцы адной з самых старажытных “прафесій”. Блудніцы (простытуткі) атрымлівалі пашпарт, зроблены з нізкакаснай паперы жаўтаватага колеру, таму ў народзе ён атрымаў назву жоўты білет: “*Дочь моя по желтому билету живет-с...*” (Дастаеўскі “Злачынства і пакаранне”).

Функцыю пашпарта, на наш погляд, выконвала вольная – дакумент, з якім раней адпускалі прыгонных на волю. У гэтай якасці ўжывалася і назва від.

З пашпартам беларусы сталі жыць толькі ў XX стагоддзі. У пачатку XX ст. людзям было складана выехаць з Беларусі за мяжу, напрыклад, у заробаткі. Неабходна было мець замежны пашпарт. Рэдактары ў дваццатым нумары газеты “Наша ніва” за 1908 год змясцілі такі матэрыял: “За границаю людзі няк ня могуць зразумець, на што ў Расеі заведзены пашпорты, каторыя толькі агранічваюць свабоду расейскіх падданных і затрымоўваюць гандэль... “Культурныя і нават некультурныя чужаземцы кажуць аб нашых пашпартах і сьвятах з усмешкаю і с пагардаю”. “Пашпорты ў Расеі трэба саўсім скасаваць. Труднасць дастаць заграничны пашпарт і вялікая цэна яго вельмі прашкаджаюць купцом расейскім вясці гандэль з заграю і саўсім не даюць дробным гандлярм і рэмеснікам нашым працаваць за граю. Гэтак сама ясна паказана, што карысьці ад пашпортоў няма ніякой нікому; а і рэволюцыйныя спакойне жывуць у Расеі, маючы або чужаземныя пашпорты, або фальшывыя расейскія. Пашпорты аджылі ўжо свой век, і іх трэба скасаваць. А якая балячка для ўсіх нас, а найбольш для людзей бедных тыя пашпорты, ведае кожны, каму прыходзілася абіваць за імі парогі воласьці, паліцэйскіх участкоў і т.д. – Дык можна мець надзею, што калі Дума возьмецца за справу аб пашпорты, то і ўсе падданыя расейскія будуць з ёю, і праўдзіца ня так будзе працівіцца скасанню гэтай народнай балячкі. Пашпарт заграюны каштуе 16 руб. ды і дастаць яго шмат клопатау. У нас можэ большы быу бы гандэль з Немцамі, можэ і мужыкі ездзілі б туды на работу у летку. Напрыклад, ад Вільні да Немецкага царства (да Вержбалова) ехаць вагонам 3 гадзіны 19 мин., а ад Вержбалова да Бэрліна (сталецы немецкай) ехаць ешчэ 12 гад. А ад Вільні да Мінска 6 гад. язды. Каб пераехаць, напрыклад, з немецчыны да Аустрыі, ня трэба мець ніякаго пашпарта і нікога не пытацца, усе роўна як з Смэргоні у Ошмяню” [с. 2].

У гады Першай сусветнай вайны на акупаванай немцамі тэрыторыі Беларусі выдаваліся дзвухмоўныя нямецка-беларускія пашпарты.

Грамадзяне абвешчанай 25 сакавіка 1918 года Беларускай Народнай Рэспублікі атрымлівалі пашпарты з “Пагоняй”, у тым ліку і дыпламатычныя.

У БССР савецкі пашпарт пачаў уведзіцца для больш строгага парадку ўліку і кантролю ў 30-я гады XX ст. Пашпартная сістэма была зацверджана пастановай ЦВК і СНК СССР ад 27.12. 1932 г. Аднак паводле пастановы ЦВК і СНК СССР ад 27 снежня 1932 г. №57/1917 “Аб устанаўленні адзінай пашпартнай сістэмы ў Саюзе ССР і абавязковай прапіскі пашпартоў” і пастановы СНК СССР ад 28 красавіка 1933 г. № 861 “Аб выдачы грамадзянам Саюза ССР пашпартоў на тэрыторыі СССР” пашпартызацыя на калгаснікаў не распаўсюджвалася, і яны не атрымлівалі пашпартоў. Гэта прывяло да істотнага абмежавання права калгаснікаў на працу.

Калгаснік не мог па сваёй ініцыятыве не толькі перавесціся на іншае прадпрыемства, але і звольніцца па ўласным жаданні і ўладкавацца на новую працу, паколькі прыём на працу без пашпарта быў забаронены. Паводле пастановы СНК СССР ад 19 верасня 1934 г. № 2193 “Аб прапісцы пашпартоў калгаснікаў-адыходнікаў, якія паступаюць на працу ў прадпрыемствы без дагавораў з гаспадарчымі органамі” ў пашпартызаваных мясцовасцях прадпрыемствы маглі прымаць на працу калгаснікаў толькі пры наяўнасці ў іх пашпартоў, атрыманых па ранейшым месцы жыхарства, і даведкі ад праўлення калгаса пра яго згоду на адыход калгасніка. Як дакладна адзначае О. М. Вярбіцкая, склалася сістэма пазаэканамічнага прымацавання сялян да калгасаў. Гэта сістэма, якая шмат у чым нагадвае прыгоннае права, праіснавала да канца 1950-х гг., калі пачалася паступовая пашпартызацыя сельскага насельніцтва. Напрыклад, мой бацька Макарэвіч Васіль Дзмітрыевіч (1932 г.н.) згадвае, што толькі з дазволу старшыні калгаса можна было знайсці працу ў горадзе: *“Нада была спраўка, што прадсядацель калхоза адпускае цябе на работу ў Вацэвічы”* (г. Івацэвічы)”.

Канчаткова пашпарты сталі выдавацца ўсім грамадзянам, уключаючы жыхароў сяла і калгаснікаў, толькі з прыняццем пастановы Савета Міністраў СССР ад 28 жніўня 1974 г. № 677 “Аб зацвярджэнні Палажэння аб пашпартнай сістэме ў СССР”.

“За савецкім часам, адзначае Алена Ціхановіч у “Слоўніку Свабоды”, шматлікія пашпартысты і пашпартысткі на сваіх пашпартных сталах вялі заўзятую перакоўку ўсіх нацыянальных традыцый іменаслову на адзін лад: так нарадзіліся раней нечуваныя звароты “Нурсултан Абішэвіч” ці “Ўрал Рамдракавіч”. Так і беларускі Янка, ці Ян, застаўся толькі ў песні. Савецкі пашпарт, як і мараль, меў дваіное аблічча: адзін нутраны, другі – замежны. Даўно заўважана: чырвоны пашпарт памежнікі ў Еўропе бяруць, як жабу” [с.294–295].

З 1993 па 1996 гг. герб “Пагоня” ўпрыгожваў пашпартныя вокладкі беларусаў. Пашпарт з “Пагоняй”, на думку Алены Ціхановіч, не паспеў стаць пазнавальным на межах. Але тыя, хто яго прыхаваў, берагуць для ХХІ стагоддзя.

Такім чынам, прааналізаваны матэрыял сведчыць, пашпартная тэрміналогія ў гісторыі Беларусі мае адметны шлях. Першапачаткова нашы продкі ў якасці афіцыйнага дакумента ўстаноўленага ўзору, які засведчваў асобу ўладальніка, выкарыстоўвалі назвы глейт, ліст, білет і інш. У пачатку ХХ стагоддзя ў беларускай мове замацавалася слова пашпарт. Канчаткова пашпартная сістэма ў Беларусі склалася ў другой палове 70-х гадоў ХХ стагоддзя.

INSKRYPCJE NAGROBNE NA CMENTARZACH POGRANICZA POLSKO- WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIEGO – UWAGI METODOLOGICZNE

F. Czyzewskij,
d. hab., prof sw.,
UMCS (Polen)

Streszczenie

W artykule zamieszczono również wyniki badań nagrobnych napisów z uwzględnieniem etnicznych, wyznaniowych, ekstralingwistyczny pozycji.

Analizowane napisy znalezione na dawnych cmentarzach znajdujących się na granicy Bugu, na wschodnich obszarach Lublina, w jej środkowej części, czyli powiatów Bioalskij, Włodawskij, Chełmski, w wschodniej części Parcz powiatu, Leszczyńskiego i Krasnostawskiego, czyli obszaru, który historycznie znajdowała się pod panowaniem Rosji.

Analizowane napisy na pomnikach cmentarzy, powstały w końcu XVIII-xix wieku rozpoczął., w większości chrześcijańskich, albo jednoznacznie prawosławnych, lub grekokatolickich, lub mieszanych, czyli częściowo prawosławnych, a częściowo katolickich lub uniackich.

Słowa kluczowe:

cmentarze, pogrzebowe napisy, etniczny, konfesijny, ekstralingwistyczny

1. Jak zdefiniować przedmiot opisu – z punktu widzenia językoznawczego.

Dokonując opisu inskrypcji nagrobnych występujących na dawnych, tj. powstałych w końcu XVIII i XIX w., cmentarzach chrześcijańskich usytuowanych na pograniczach etnicznych i wyznaniowych należy założyć badanie interdyscyplinarne. W takim opisie językoznawca powinien uwzględniać fakty ekstralingwistyczne.

Tak określony przedmiot badań wymaga odniesienia – zarówno w planie współczesnym, jak i, a może przede wszystkim, historycznym – do pojęcia cmentarza jako zjawiska społecznego i kulturowego. Ujęcie współczesne ukazuje, jaki jest cmentarz.

Jego obecny kształt wynika, przede wszystkim z usytuowania na etnicznym pograniczu polsko-ruskim, ale też odzwierciedla skutki dawnego zetknięcia, a następnie współwystępowania, Kościoła rzymskiego, łacińskiego i Kościoła wschodniego, grecko-bizantyńskiego, jest także rezultatem istotnej, szczególnie w drugiej połowie XIX w. roli Cerkwi prawosławnej na badanym obszarze.

Sumując, na pograniczu nadbużańskim w grupie cmentarzy dawnych (XVIII i XIX-wiecznych) cmentarzy występują cmentarze;

- a) jednowyznaniowe prawosławne i grekokatolickie (unickie i neounickie) oraz
- b) mieszane, tj w części prawosławne, w części zaś katolickie³ lub w części unickie,

³ Cmentarzem mieszanym w części katolickim, a w części prawosławnym jest cmentarz w Holeszowie.

a w części katolickie.⁴ Jeżeli chodzi o ich funkcjonowanie, są to zarówno cmentarze czynne, jak i zamknięte. Mówimy tutaj o cmentarzach występujących na obszarach wschodniej Lubelszczyzny w jej części środkowej, t. powiaty bialski, włodawski, chełmski, część wschodnia powiatu parczewskiego, wreszcie część powiatów łączyńskiego i krasnostawskiego, tj. obszar, który historycznie pozostawał pod zaborem rosyjskim.

2. Należy więc dla danego terenu, na którym planuje się badania poznać status cmentarzy. Obok bogatej literatury dokumentacyjnej o lokalizacji cmentarzy, trzeba teren rozpoznać z autopsji. Doświadczenie pokazuje, iż stan wiedzy wydobyty na podstawie literatury może być inny wiedza społeczności lokalnych. Szczególnie wtedy, gdy cmentarze pozostają poza jakąkolwiek opieką. Literaturę, w tym zakresie można pozyskać z różnych źródeł. W pierwszej kolejności są to dane z Archiwum Wojewódzkiego Oddziału Służby Ochrony Zabytków w Lublinie. Delegatury w Białej Podlaskiej i Chełmie. Dla uzyskania określonej wiedzy o stanie cmentarzy ważna jest współpraca z wojewódzkim konserwatorem zabytków lub odpowiedniej delegatury. Tutaj wymienić trzeba pracę Janusza Maraśkiewicza *Zabytkowe cmentarze i mogiły w Polsce. Województwo białkopodlaskie . Na podstawie kart cmentarzy i wizji terenowych*, Warszawa 1995.

Inne źródła to monografie i leksykony regionalne i monografie gmin oraz parafii. W pierwszej kolejności przywołać należy prace Andrzeja Wawrynika ukazujące się w serii *Monografie wschodniej Lubelszczyzny*. Seria zielona (chełmska). Leksykon miejscowości powiatu chełmskiego , wyd. 1 Chełm 2001, wyd. 2 Chełm 2002. Monografia gminy Żmudź 2010, Monografia gminy Wierzbica 2010, Monografia gminy Dorohusk 2012. Seria niebieska (włodawska) : *Encyklopedia Euregionu Bug powiat włodawski (Polska 2009)*, *Monografia powiatu włodawskiego* , wyd. I –2010, wyd. II 2012, *Monografia gminy Hańsk*, 2010, *Monografia gminy Wola Uhruska* 2012, *Monografia gminy Stary Brus* 2012, *Monografia gminy Włodawa* 2012, Seria brązowa (parczewska) Monografia gminy Sosnowica 2009 inne w przygotowaniu. Z prac innych autorów wymienić trzeba prace Dariusza Tarasiuka. Są to monografie gmin i parafii określonych miejscowości, m.in. Wisznice, Opola, Polubicz.

3. Sporządzając wykaz cmentarzy chrześcijańskich czynnych i zamkniętych (konieczne jest określenie ich przynależności do określonej jednostki administracyjnej). Większość cmentarzy podlega administracji kościelnej (parafiom), nieliczne głównie zamknięte stanowią własność urzędów gmin. Ustalenie własności cmentarzy prowadzone powinno być w dwóch perspektywach: a) jaki jest obecnie status własności cmentarzy, co jest stosunkowo proste do przeprowadzenia, b) ustalenie w perspektywie historycznej własności konkretnego cmentarza, tj. od czasu jego powstania do dziś, co jest zadaniem do przeprowadzenia bardziej skomplikowanym.

---

⁴Trzeba stwierdzić, że tak określone cmentarze są niejednolite, co do możliwości uzyskania materiału. Występują bowiem takie cmentarze mieszane, np. unicko-katolickie, na których tylko w części katolickiej zachowały się nieliczne groby z inskrypcjami, część zaś unicka stanowi zniwelowany plac cmentarza. Taki stan cmentarza jest w Wisznicach, gdzie w czasie II wojny światowej groby w części unickiej zostały zniszczone. Część rzymskokatolicka pozostaje własnością parafii Kościoła katolickiego, część unicka zaś Urzędu Gminy[Kosien]

3a. Powstaje pytanie, czy określenie własności cmentarza w jego dziejach, jest ważna dla opisu językowego inskrypcji. Czy nie można poprzestać na konstatacji ogólnej i tylko współczesnej. Aspekt historyczny jest ważny, z tej racji, że w ponad 200letniej historii cmentarzy pozakościelnych, następowały co pewien czas zmiany własności cmentarzy.

3b. Można przyjąć schematycznie, iż układ stosunków własności cmentarzy na obszarze obecnej wschodniej Lubelszczyzny (będącej w zaborze rosyjskim kształtował się następująco. W latach 90. XVIII wieku i aż do roku 1875 status własności cmentarzy podlegających określonym parafiom był z grubsza ujmując taki: cmentarze (lub ich części) podlegające parafiom unickim (grecko-katolickim) i parafiom katolickim (rzymskokatolickim), wyjątkowo jak klasztor w Jablecznej miał cmentarz prawosławny). Tak układ schematyczny trzeba zróżnicować na układ miasto (tj. mające prawa miejskie do 1867 r.) – wieś; z kolei zaś wieś na wieś włościańską i wieś szlachecką (powstała na Podlasiu w wyniku osadnictwa mazowieckiego po unii lubelskiej). Warto zaznaczyć, iż mówiąc o wsi włościańskiej, trzeba zaznaczyć istnienie dworków ziemiańskich i folwarków. We wsiach włościańskich mieszkała w tym czasie ludność wyznania greckokatolickiego, zaś we wsiach szlacheckich, dworkach ziemiańskich i na folwarkach ludność rzymskokatolicka. (Wyłączyć trzeba te nieliczne wsie o innym niż słowiańskie osadnictwo, tj. wsie tatarskie, oraz wsie w części powiatu włodawskiego o osadnictwie niemieckim powstałe w XIX w.)

Sumując do roku 1875 były cmentarze:

a) jednowyznaniowe unickie, w miejscowościach wiejskich (chodzi o wsie włościańskie), jednowyznaniowe katolickie w dużych miastach jak Biała Podl. oraz we wsiach szlacheckich, np. w Huszczy pod Białą Podl. był tu od początku cmentarz rzymskokatolicki);

c) mieszane w miasteczkach (Hanna, Wisznice, Łomazy itd.), tj. w części rzymsko-katolickie, w części greckokatolickiej (unickie). Te części mogły być ściśle zlokalizowane, n. część wschodnia cmentarza jako unicka, część zachodnia jako rzymskokatolicka, por.;

Po roku 1875 były to:

a) jednowyznaniowe prawosławne, w miejscowościach wiejskich (chodzi o wsie włościańskie);

b) jednowyznaniowe katolickie np. w Białej Podl., mieszane w miasteczkach (Hanna, Wisznice, Łomazy itd.), tj. w części rzymsko-katolickie, w części prawosławne).

Zmiany, jakie dokonały się nie polegały na administracyjnym zastąpieniu cmentarzy unickich na cmentarze prawosławne. Konsekwencje były daleko idące jak pokazał rok 1905, kiedy to ogłoszony został ukaz tolerancyjny, pozwalający dawnym unitom przejść do kościoła rzymskokatolickiego.

W świetle szczegółowych badań historycznych, prowadzonych na podstawie spisu ludności powiatu włodawskiego z roku 1913 wynika, że w okresie 1906–1913 na katolicyzm przeszło większość dawnych unitów. W roku 1913 –jak podaje

K. Latawiec – w powiecie włodawskim – wśród ludności rzymskokatolickiej liczącej 50.155 osób było 29.015 dawnych unitów⁵. W gminach północno-zachodnich (np. Brzozowy Kąt, Horodyszczce, Jabłoń, Opole, Ostrów) dominowali katolicy, w innych mimo znacznej dawnych unitów przeważali prawosławni. Oto dane z okresu 1906-1913 z innych miejscowości: Wiryki , w 1906 prawosławnych było 2159, natomiast w 1913 - już 1371; we wsi Żuków odpowiednio: 490 – 130, w Bytyniu 220 – 18⁶ itd. W parafii sosnowoieckiej na katolicyzm przeszło ponad 1000 dawnych unitów [Wawryniuk 2012, s.26]. Na części badanego terenu nastąpiła w tym czasie reaktywacja parafii rzymskokatolickich, np. w Łomazach. W tym okresie powstawały nowe kościoły, np. w Gęsi (gmina Jabłoń), w Łomazach. Świątynie wznoszono w stylu neogotyckim, dotychczas niespotykanym na tym terenie, by uniknąć ewentualnego przekształcenia ich w cerkwie⁷.

W konsekwencji po roku 1905 można obserwować wzrost liczby pochówków na cmentarzach rzymskokatolickich. Część cmentarzy katolickich, szczególnie mających status mieszanych, po roku 1905 zostało ze względu na brak miejsc zamknięta. Tak było np. w Wisznicach, gdzie dawny stary zamknięto, a otwarto nowy jednowyznaniowy zlokalizowany w innym miejscu. Jednocześnie zmniejszyła się liczba pochówków prawosławnych (ze względu na zmniejszenie liczby osób tego wyznania), Po roku 1915, tj. w czasie bieżenstwa, gdzie przed zbliżającym się frontem niemieckim tereny te opuściła duża grupa prawosławnych, oznacza to, że liczba dotychczasowych cmentarzy czynnych uległa zmniejszeniu. Według K. Pękały (tamże źródła) liczba wiernych obu wyznań przedstawiała się w b. powiecie włodawskim na dzień 1 stycznia 1915 r. następująco: przed ewakuacją prawosławnych było 58. 390, katolików zaś 52. 842 [Pękała, 101];

W kolejnych dziesięcioleciach proporcje między liczbą cmentarzy rzymskokatolickich a liczbą cmentarzy prawosławnych będzie się zmniejszał na niekorzyść tych ostatnich. Podsumujmy ten okres, zamykając datą 1918 r. Wyprowadźmy wnioski dla badacza inskrypcji nagrobnych; Jakich informacji dostarczają zachowane inskrypcje z XIX w.

1. Opis inskrypcji nagrobnych obszarów pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego wymaga zastosowania innej metodologii niż w centrum etnicznym. Interesująca jest propozycja Lubow Frolak. Stosowania kryterium lokatywno-nominatywnego. Okazuje się, że dotychczasowe propozycje klasyfikacyjne inskrypcji wydobytych z cmentarzy usytuowanych na obszarach jednolitych etnicznie okazują się niemożliwe do zastosowania w odniesieniu do różnorodnych strukturalnie i semantycznie inskrypcji pogranicza. Autorka artykułu proponuje klasyfikację zasadzającą się na kryteriach lokatywno-identyfikacyjnych i kryteriach nominatywno-identyfikacyjnych. Tę propozycję klasyfikacyjną zweryfikowała na bogatym zbiorze inskrypcji z powiatów Biała Podlaska, Włodawa, Chełm.

⁵ Tamże.

⁶ Por. K. Latawiec, *Struktura narodowościowo-wyznaniowa ludności powiatu włodawskiego w końcu 1913 roku*, [w] *Włodawa. Szkice z dziejów miasta w XX stuleciu* .red. M. Bem, A. Duszyk, i K. Latawiec, Włodawa 2012, 85-97.

⁷ Informacja uzyskana w terenie.

Z opisów inskrypcji nagrobnych przedstawianych przez badaczy polszczyzny kresowej wynika, wniosek o konieczności historycznego opisu każdej nekropolii na tle dziejów lokalnej wspólnoty z uwzględnieniem uwarunkowań kulturowo – językowych.

Cmentarze badanego terenu pokazują nierzadko takie sytuacje, kiedy to na grobach członków tej samej rodziny widnieją napisy w różnych alfabetach i językach, na ogół na grobach przedstawicieli pokoleń. Taki też stan istnieje na badanym terenie.

2. Istotne jest w analizie inskrypcji opis struktury inskrypcji : elementów stałych i zmiennych. W jakim stopniu struktura inskrypcji odpowiada strukturze danego etnosu (polskiego, ukraińskiego, rosyjskiego). Wśród stałych elementów inskrypcji są imię i nazwisko zmarłego. (rosyjskich też otczestwo). Do jakiego zasobu językowego przynależy imię , a do jakiego nazwisko. Ogólnie wiadomo, że w Kościele wschodnim (opartym na tradycji grecko-bizantyjskim) niż w Kościele zachodnim (łacińskim).

Do jakich wniosków doszli językoznawcy opisujący inskrypcje występujące na pograniczach słowiańskich i słowiańsko-bałtyckich w zakresie struktury nazw osobowych. Przywołały wnioski Haliny Karaś , Natalii Ananiewej. Hryhorija Arkuszyna Tworzone na pograniczu słowiańsko-bałtyckim dwuczłonowe struktury nazwy osobowej są wewnątrznie zróżnicowane. Halina Karaś zwraca uwagę na różnorodność formuł antroponimicznych. Są m. in. dwuczłonowe formuły, w których obok siebie antroponimy przynależne do dwóch języków. Nazwisko należy do litewskiego zasobu nazw własnych, imię zaś do polskiego. Podobne spostrzeżenia, co do tworzenia formuł antroponimicznych zwała Natalia Ananiewa. Zebrane przez nią inskrypcje, z dwóch odległych polskich cmentarzy w Wierszynie pod Irkuckiem (Rosja) i w Maćkowicach na Podolu (Ukraina) pozwoliły pokazać rezultaty oddziaływania oficjalnego języka rosyjskiego na język polski w powstawaniu formuły antroponimicznej w Wierszynie. Powszechny utrwalaony w inskrypcjach dwuczłonowy układ, w którym nazwisko występuje jako pierwsze, jest zdaniem uczoney wpływem rosyjskim [Ananiewa 2012,45].

3. Mechanizmy utrwalania nazw osobowych w inskrypcjach na cmentarzach Łucka, w warunkach bilingwizmu, przy różnym statusie języków rosyjskiego i ukraińskiego przed rozpadem Związku Radzieckiego omówił Hryhorij Arkuszyn [Arkuszyn 2011, 87]. Antroponimy ludności ukraińskiej występujące w inskrypcjach nagrobnych zostały przeniesione z paszportów, w których zapisy w alfabecie ukraińskim (często nie znormalizowanym, np. bez apostrofy) odzwierciedlały wymowę rosyjską. Często, jak stwierdza uczony, często oddziaływanie języka rosyjskiego na ukraińską strukturę było znacznie głębsze. Widać to w inskrypcjach zmarłych małżonków, w trojczłonowej strukturze nazewniczej (nazwisko-imię- tzw. otczestwo), w której formę ojcowską właściwą małżonkowi przeniesiono do trójczłonowej formuły nazewniczej małżonki, por. *Ławryszyn Mychajło Iwanowycz* –

Ławryszyna Stepanida Iwaniwna [por. Arkuszyn 2011, 87]. W opisach inskrypcji występujących na cmentarzach pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego, a także cmentarzach polskich usytuowanych w otoczeniu rosyjskojęzycznym wskazuje się na trójczłonową konstrukcję jako obcą w polskiej tradycji nazewniczej. Interesujące wnioski przywołała Natalia Ananiewa, pisząc: „Na cmentarzu wierszyńskim w inskrypcjach w języku rosyjskim na grobach Polaków przeważa trójczłonowa formuła antroponimiczna ze zwykłym umieszczeniem nazwiska (na wzór rosysisjki) na pierwszym miejscu : nazwisko + imię + tzw. otczestwo (imię ojca z patronimicznymi przyrostkami -owicz/-owwna, - ewicz, - ewna)[...]”.

Rzadko w rosyjskich napisach na grobach Polaków wykorzystywano dwuczłonową formułę antroponimiczną”[Ananiewa 2012, 44-45]. Istnienie trójczłonowej formuły nazewniczej w napisach cmentarnych na Ukrainie, jak i na grobach Polaków ma swoje uzasadnienie, zdaniem badaczy, w działaniach administracji rosyjskiej. Mechanizm powstania trójczłonowej formuły nazewniczej, którą odzwierciedlają inskrypcje Natalia Ananiewa określa następująco: „Są to formuły, które widocznie wpisywano w dowodach osobistych i innych dokumentach tych osób.”[Ananiewa 2012, s.14]. Podnoszone w prezentowanym tutaj stanie przeglądzie literatury znajdują odbicie zjawiska ogólnego w strukturach antroponimicznych zawartych w napisach cmentarnych badanego obszaru.

Mechanizmy utrwalania nazw osobowych w inskrypcjach na cmentarzach Łucka, w warunkach bilingwizmu, przy różnym statusie języków rosyjskiego i ukraińskiego przed rozpadem Związku Radzieckiego omówił Hryhorij Arkuszyn [Arkuszyn 2011, 87]. Antroponimy ludności ukraińskiej występujące w inskrypcjach nagrobnych zostały przeniesione z paszportów, w których zapisy w alfabecie ukraińskim (często nie znormalizowanym, np. bez apostrofy) odzwierciedlały wymowę rosyjską. Często, jak stwierdza uczony, często oddziaływanie języka rosyjskiego na ukraińską strukturę było znacznie głębsze. Widać to w inskrypcjach zmarłych małżonków, w trójczłonowej strukturze nazewniczej (nazwisko-imię- tzw. otczestwo), w której formę odojcowską właściwą małżonkowi przeniesiono do trójczłonowej formuły nazewniczej małżonki, por. *Ławryszyn Mychajło Iwanowycz – Ławryszyna Stepanida Iwaniwna* [por. Arkuszyn 2011, 87]. W opisach inskrypcji występujących na cmentarzach pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego i słowiańsko-bałtyckiego, a także cmentarzach polskich usytuowanych w otoczeniu rosyjskojęzycznym wskazuje się na trójczłonową konstrukcję jako obcą w polskiej tradycji nazewniczej. Interesujące wnioski przywołała Natalia Ananiewa, pisząc: „Na cmentarzu wierszyńskim w inskrypcjach w języku rosyjskim na grobach Polaków przeważa trójczłonowa formuła antroponimiczna ze zwykłym umieszczeniem nazwiska (na wzór rosysisjki) na pierwszym miejscu : nazwisko + imię + tzw. otczestwo (imię ojca z patronimicznymi przyrostkami - owicz/-owwna, - ewicz, - ewna)[...]. Rzadko w rosyjskich napisach na grobach Polaków wykorzystywano dwuczłonową formułę antroponimiczną [Ananiewa 2012, 44-45].

„Istnienie trójczłonowej formuły nazewniczej w napisach cmentarnych na Ukrainie, jak i na grobach Polaków ma swoje uzasadnienie, zdaniem badaczy, w działaniach administracji rosyjskiej. Mechanizm powstania trójczłonowej formuły nazewniczej, którą odzwierciedlają inskrypcje Natalia Ananiewa określa następująco: „Są to formuły, które widocznie wpisywano w dowodach osobistych i innych dokumentach tych osób” [Ananiewa 2012, s.14]. Podnoszone w prezentowanym tutaj przeglądzie literatury znajdują odbicie zjawiska ogólnego w strukturach antroponimicznych zawartych w napisach cmentarnych badanego obszaru.

Inskrypcje trzeba badać w kontekście pozajęzykowym, tj. z uwzględnieniem historii ogólnej, ze szczególnym uwzględnieniem dziejów regionów. Konieczna jest współpraca językoznawcy z historykiem.

Kim była narodowościowo autochtoniczna wsi nadbużańskich w okresie od czasów wejścia życie ustawy o likwidacji cmentarzy przykościelnych a zakładaniu cmentarzy poza obrębem miejscowości, tj. od roku 1797.

Złożoność sytuacji wyznaniowej zaostrzy się w latach 20. XX w., na skutek powołania parafii neounickich w Holi, Połoskach, Bubelu Starym, Kijowcu, w Zabłociu, Terespolu, w Kostomłotach, w Dokudowie i w Szóstce. Rozwój obrządku bizantyjsko-słowiańskiego miał się spowodować – zdaniem Jacka Wysockiego – przyspieszenie kształtowania polskiej świadomości narodowej⁸. Większość tych parafii po stosunkowo krótkim czasie uległo przekształceniu⁹ w parafie rzymskokatolickie, niektóre zaś uzyskały status cerkwi prawosławnych. Zapoczątkowany na początku 20-lecia proces przechodzenia prawosławnych na katolicyzm trwał przez cały okres międzywojenny, np. w Starym Brusie przeszło 184 osoby.¹⁰

Dochodzi do sporów o cmentarze między prawosławnymi a neounitami i nierzadko o własności rozstrzygał sąd. Pokazał to dr Bobrytk na przykładzie cmentarza w Holi.

W okresie międzywojennym dochodzi do konfliktów o cmentarz między prawosławnymi a katolikami. W monografiach regionalnych przywołuje się przykłady złożonej sytuacji dotyczącej pochówku prawosławnych. W Opolu (gmina Podedwórze) w 1918 r. zamknięto stary cmentarz i wybudowano nowy. Po tym roku i w nowej rzeczywistości politycznej cmentarz podlegał już jurysdykcji proboszcza katolickiego. Jednocześnie skomplikowały się sprawy pochówku zmarłych osób wyznania prawosławnego. Nowo wybudowany cmentarz był już od początku własnością parafii rzymskokatolickiej i warunki na pochówek prawosławnych określał proboszcz parafii. Zostały też sformułowane wymogi dotyczące języka

---

⁸ Zdaniem władz polskich, jak pisze J. Wysocki - „...leżało założenie, że prawosławni Ukraińcy na tym terenie to ludność niegdyś unicka, zrusefikowana przez władze carskie” J. Wysocki, *Ukraińcy na Lubelszczyźnie w latach 1944-1989*, Lublin 2011, s. 19.

⁹ Upadek neounii na Podlasiu i Chełmszczyźnie wynikać mógł, zdaniem J. Wysockiego, z obawy przed ewentualnym konfliktem między prawosławnymi a neounitami, por. Wysocki, *Tamże*, s. 20. Obawiano się także zaangażowania się w to także Cerkwi greckokatolickiej działającej wówczas na obszarze południowej wschodniej Polski, por. F. Rzemieniuk, *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w Polsce (neounia)*, Lublin 1999, s. 64-65, cyt. za Wysocki, *Tamże*.

¹⁰ Por. Przywołana liczba obejmuje okres 1919–1971, por. A. Wawryniuk 2012, s. 26.

inskrypcji: „...napisy na krzyżach prawosławnych i nagrobkach mają być sporządzone przeważnie w języku polskim”¹¹ tj.

Po ogłoszeniu zarządzenia z 1797 r. nakładało na administrację kościelną rozpatrywanych kwestii perspektywie parafii Cmentarze Mogą Wydobyte zaś z tych cmentarzy inskrypcje odzwierciedlają złożoność kulturową pogranicza. [ch musi bad przyjąć obszarach cmentarza Konieczne wydaje się rozpoznaine Konieczne wydaje się położonych granicza [Kosien] Badaniami objęto obszar wschodniej części Lubelszczyzny w jej pasie północnym i środkowym. Znajdują się tutaj powiaty – bialski, włodawski, północna część powiatu chełmskiego i zachodnia łączyńskiego. Zachodnią granicę stanowi schematyczna linia przechodząca z północy na południe przez Sarnaki (na zachód Janowa Podl.) przez Międzyrzec – Parczew – Łęczną – Krasynystaw i dalej na południe od Chełma w kierunku państwowej granicy z Ukrainą (zob. mapa 3 linia przerywana). Na wschodzie wzdłuż Bugu badany obszar graniczy z Ukrainą i dalej od Włodawy w kierunku północnym z Białorusią. Omawiany teren w kościelnym podziale administracyjnym podlega struktrom Kościoła zachodniego i Kościoła wschodniego. Parafie rzymskokatolickie na dużej części tego obszaru wraz z neounicką parafią w Kostomłotach pozostają w obrębie Rzymskokatolickiej Diecezji Siedleckiej, czyli Podlaskiej i części Diecezji Lubelskiej, zaś parafie prawosławne przynależą do Prawosławnej Diecezji Lubelsko-Chełmskiej.

Ziemie między Wieprzem na zachodzie a Bugiem na wschodzie oraz między Krzną na północy a linią południową wychodząca spod Krasnegostawu w kierunku wschodnim, cechowała od zawsze różnorodność wyznaniowa i językowa. Miało to uzasadnienie m.in. w dużej liczbie historycznych jednostek administracyjnych, które były przecież odzwierciedleniem ówczesnej sytuacji polityczno-społecznej. W okresie I Rzeczypospolitej część północno-zachodnia (okolice Międzyrzecza Podl.) pozostawała w województwie podlaskim, północno-wschodnia – w województwie brzeskim (ziemia brzeska), zaś południowa część, tj. na południe od rzeki Włodawki, znajdowała się w ziemi chełmskiej, sąsiadując od zachodu z województwem lubelskim¹².

Badany obszar, uwarunkowany złożonością czynników historycznych i społecznych, był jeszcze w latach 20. i 30. XX w. swoistą mozaiką wyznaniową i językową. Zachodnia granica tych ziem była jeszcze przed 1939 r. linią najdalszego zasięgu występowania gwar ukraińskich¹³ i stanowiła jednocześnie granicę zwartego zamieszkania ludności prawosławnej, współwystępującej z ludnością katolicką. Tę mozaikę wyznaniową i językową w pełni odzwierciedlają inskrypcje znajdujące się na cmentarzach badanego terenu (zob. dalej). [Kosien]

---

¹¹ „Decyzją komisji na czele z miejscowym proboszczem w r. 1928 wydzielono na cmentarzu rzymskokatolickim plac (120 m) przeznaczony na grzebanie prawosławnych (zamieszkałych na terenie parafii rzymskokatolickiej). Określono warunki: miały to być osoby, których zgony zostały wpisane do *Liber extraneorum*, por. D. Tarasiuk, *Kultura materialna*, [w:] *Śladami przeszłości po gminie Podedwórze. Monografia historyczna*, Podedwórze – Lublin, 2013, s. 44 [Kosien]

¹² W. Ćwik, J. Reder, *Lubelszczyzna. Dzieje rozwoju terytorialnego, podziałów administracyjnych i ustroju władz*, Lublin 1977, s. 43.

¹³ Por. W. Kuraszkiewicz, *Ruthenica. Studia z historycznej dialektologii i współczesnej*, Warszawa 1985, s. 8, 8, oraz mapy 9, linia 7, m. 12. Badania dialektologiczne prof. W. Kuraszkiewicza mają ważne znaczenie w interpretacji cech językowych analizowanych inskrypcji z lat 20. i 30 XX w.

Termin nekropolie¹⁴[Kosien] stosowany w niniejszej pracy oznacza cmentarze przynależne do Kościoła wschodniego, jak i określony rodzaj cmentarzy stanowiących własność Kościoła rzymskokatolickiego. W tej ostatniej grupie mamy na uwadze takie cmentarze katolickie, które już od samego początku swego istnienia zajmowały w obrębie mieszanej nekropolii określoną część placu cmentarnego, pozostając własnością kościoła parafii katolickiej bądź do którego prawo własności parafia nabyła w późniejszym okresie¹⁵[Kosien].

Określenie nekropolie używane w monografii odnosi się do obecnie istniejących, tak czynnych, jak i zamkniętych cmentarzy, zarówno prawosławnych, greckokatolickich, jak i mieszanych cmentarzy rzymskokatolickich¹⁶.

Badaniami objęto wyłącznie cmentarze (lub ich części, kwatery) administrowane na określonym etapie ich dziejów przez parafie przynależne do Kościoła wschodniego. Liczba cmentarzy tego rodzaju na badanym obszarze jest większa (zob. mapa 3. *Cmentarze prawosławne i dawne unickie – czynne i zamknięte. Stan współczesny*) niż liczba cmentarzy uwzględnionych w monografii (zob. mapa 4 *Cmentarze, na których zebrano inskrypcje nagrobne*). Do badań wytypowano przede wszystkim cmentarze czynne i reprezentatywne pod względem kulturowo-językowym dla danej społeczności lokalnej. Wyłączono więc na tym etapie badań inne cmentarze [Kosien].

Tak określony przedmiot badań wymaga odniesienia – zarówno w planie współczesnym, jak i, a może przede wszystkim, historycznym – do pojęcia cmentarza jako zjawiska społecznego i kulturowego. Ujęcie współczesne ukazuje, jaki jest cmentarz. Jego obecny kształt wynika, przede wszystkim z usytuowania na etnicznym pograniczu polsko-ruskim, ale też odzwierciedla skutki dawnego zetknięcia, a następnie współwystępowania, Kościoła rzymskiego, łacińskiego i Kościoła wschodniego, grecko-bizantyńskiego, jest także rezultatem istotnej, szczególnie w drugiej połowie XIX w. roli Cerkwi prawosławnej na badanym obszarze.

Sumując, bierze się tutaj pod uwagę nekropolie jednowyznaniowe prawosławne i greckokatolickie (unickie i neounickie) oraz mieszane, tj. w części są prawosławne, w części zaś katolickie¹⁷ lub w części unickie, a w części katolickie.¹⁸ Wydobyte zaś z tych cmentarzy inskrypcje odzwierciedlają złożoność kulturową pogranicza[Kosien].

---

¹⁴ W dalszej części pracy używać będzie się zamienne określeń: nekropolia, cmentarz, zarówno zlokalizowanych na wsi, jak i mieście.

¹⁵ Druga grupa cmentarzy, tj. jednowyznaniowych katolickich administrowanych przez parafie rzymskokatolickie będzie przedmiotem badań w kolejnych latach. i wszystkim Ze względu na ograniczenia Wykaz związany pomija się [Kosien]

¹⁶ Nekropolie występujące na omawianym obszarze dzielą się na chrześcijańskie i niechrześcijańskie – tatarskie i żydowskie, te pierwsze zaś na: a) rzymskokatolickie, zwane potocznie katolickimi, b) greckokatolickie, zwane unickimi i c) prawosławne[Kosien].

¹⁷ Cmentarzem mieszanym w części katolickim, a w części prawosławnym jest cmentarz w Holeszowie.

¹⁸ Trzeba stwierdzić, że tak określone cmentarze są niejednolite, co do możliwości uzyskania materiału. Występują bowiem takie cmentarze mieszane, np. unicko-katolickie, na których tylko w części katolickiej zachowały się nieliczne groby z inskrypcjami, część zaś unicką stanowi zniwelowany plac cmentarza. Taki stan cmentarza jest w Wisznicach, gdzie w czasie II wojny światowej groby w części unickiej zostały zniszczone. Część rzymskokatolicka pozostaje własnością parafii Kościoła katolickiego, część unicka zaś Urzędu Gminy[Kosien]

УДК 75.047 (476+477+438)

ББК 81.411.2

ВЕДУТЫ ПОЛЬШИ, БЕЛАРУСИ, ЛИТВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ З. ФОГЕЛЯ (ПТАШЕКА)

Л.М. Садко, к.фил.н.,
доцент БрГУ имени А.С.Пушкина
(Беларусь, Брест)

Аннотация

Статья посвящена проблеме синхронического и диахронического анализа жанра ведуты в творчестве великого уроженца Брестчины – польского художника, графика, пейзажиста, педагога Зигмунта Фогеля (Пташека) и становлению национальной живописи Польши и Беларуси.

Ключевые слова:

ведута, городской пейзаж, реалистический пейзаж, ландшафт, достоверность, национальная живопись

Первые полотна в жанре ведуты, городского пейзажа в виде панорамы с точным соблюдением масштаба и пропорций, появились еще в XV–XVI вв. Это были изображения великолепных видов Венеции. Дж. А. Каналетто, Л. Карлеварис, Б. Белотто, Ф. Гварди создали своеобразные «рекламные буклеты» для иностранных путешественников, посещавших этот город каналов.

В 1704 . Л. Карлеварис, мастер городского пейзажа, выпустил в свет книгу «Здания и виды Венеции», которая положила начало богатой истории одного из направлений культурного экспорта этой республики. На протяжении долгого времени необыкновенно популярным у европейцев стал жанр *ведуты*, а иметь у себя работы Каналетто или Белотто считалось признаком большого достатка и тонкого понимания искусства. Многие работы ведутистов – совершенные копии видов города с высокой топографической точностью. Данный жанр может составить конкуренцию самым беспристрастным мемуарным запискам и архивным записям.

В северо-западный регион Европы ведута проникла в XVIII, известны первые яркие русские мастера – М. Махаев и Ф. Алексеев. Практически в это же время были заложены и основы сразу нескольких национальных живописных традиций – современной польской и белорусской.

Говоря о знаменитом польском живописце Зигмунте Фогеле (Zygmunt Vogel, 1764–1826), работавшем под псевдонимом Пташек, часто упускают из виду, что он – уроженец деревни Волчин Каменецкого района Брестчины.

Художественное образование получил в Варшаве, был приближенным Станислава Августа Понятовского (захоронен в д. Волчин, на малой родине самого Фогеля) и по его заказу создал более сотни произведений.

Вообще, при короле Станиславе большое количество художников получили при дворе поддержку и понимание, а часть королевского дворца была отдана под художественные мастерские. Именно во второй половине XVIII века в годы правления последнего короля Польши были заложены основы национального искусства этой страны, появились мастера, обратившие внимание на историческое и культурное своеобразие своей родины. Марчелло Баччиарелли, итальянский художник, по поручению короля разработавший проект Академии изящных искусств в Варшаве, стал воспитателем для молодых художников Польши – К. Войняковского и З. Фогеля. Но на формирование творческого кредо Пташека в большей степени повлиял другой итальянский живописец, работавший при дворе короля Станислава, – Бернардо Беллотто. Именно он обращался в своих картинах к событиям современности, подлинным видам городов, тем самым подготавливая основу для реалистической исторической картины.

Собственно, рисунки и акварели З. Фогеля по сравнению с полуфантастическими пейзажами его многих художников-современников выглядели большим экспериментом, а зарисовки родных городов и местечек, лишенные показной романтичности, – шаг именно к реалистической живописи.

Произведения Фогеля – своеобразный каталог архитектурных и памятных мест Беларуси, Польши, Украины и Литвы, ведь по преимуществу картины этого живописца изображают пейзажи и ландшафты родных земель – это замки, дворцы, жилые кварталы Варшавы, Кракова, Седльце, Вильно, Казимежа, а также целого ряда малых городков.

Акварель З. Фогеля «SIEDLCE. Ogryd Aleksandry Ogickiej» (1791) в деталях воспроизводит, как выглядел перестроенный в XIX веке городской парк в Седльце.

Исторически это часть резиденции Александры Огиньской из рода Чарторыйских, но лишь ведута Пташека сохранила для нас великолепные виды ландшафтного парка с системой каналов и павильонами.

Одну из них, экзотичную постройку в итальянском стиле на искусственной скале с выходом в грот, венчает живописно разрушенная колонна. Рядом, правее – изображение бревенчатого домика, общий вид которого национально аутентичен, является привычным для застройки Полесского региона.

Так же бесхитро просто и лестница с деревянными поручнями, что спускается к каналу.

Прекрасно прописаны и детали природного пейзажа, доподлинно воспроизводящего *ad vitam naturae*, жизнь природы этого региона: тенистые кроны дубов, изящно склоненные ветви ив, залитые мягким тепловатым свечением дали за парком (см. ниже)

С одной стороны, ведуты З. Фогеля сочетают в себе знаковые черты жанра – иконографичность, архитектурную конкретизацию, достоверность деталей, а с другой – тяготеют к обобщенной, несколько романтизированной стилистике, подготавливают новую эпоху в живописи.

Еще один архитектурный памятник, представленный З. Фогелем на картине «WILNO. Końsiyi Misjonarzy» (см. ниже) предстает во всем своем историческом великолепии.

Малоэтажная застройка, как запечатлел ее Пташек, лишь оттеняет изящество главного фасада Костела Вознесения Господня – высоких башен в стиле позднего барокко. Чуть в глубине, правее примыкающего к костелу монастыря – точное воспроизведение дворца Иеронима Сангушки, первого хозяина этой резиденции, по его завещанию постройки и перешли в собственность монастыря.

Кроме документальной достоверности, картина привлекает и использованием стаффажей (групп людей и животных). В произведениях Пташека они используются в большей степени не для технических целей – оживить пейзаж, а для решения художественных задач – передать колорит, образ места.

Люди на картинах Пташека, как и на полотнах Каналетто, служат для обозначения типажей, характерных для того или иного города или местности.

Поэтому виленская площадь у Костела Миссионеров Фогеля населена представителями всех сословий. Здесь и изящно наряженные господа в дорогах

экипажах, запряженных породистыми скакунами, и купцы в высоких сапогах и поддевках в компании пестро наряженных жен и дочерей, отметим и несколько фигур нищих, просящих подаяния, тут и изображения торговков с товаром, и пеших паломников с длинными посохами:

Наследие Фогеля – это документально запечатленные мгновения ушедших эпох, разрушенных временем и лихолетьем шедевров зодчества, ностальгические пейзажи, исчезнувшие с лица земли. В каком-то смысле зарисовки архитектурных видов, созданные Пташеком, могли бы стать путеводителем или историко-краеведческой картой для всех интересующихся прошлым Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Беларуси.

3. Фогелю удастся топографически точно передать архитектуру зданий, площадей, замков, улиц и кварталов городов, однако наибольшего внимания заслуживает умение художника передать и неповторимый колорит региона, желание поэтизировать красоту родной природы, создать ощущение воздушности и покоя, если живописный разговор касается дорогих и родных сердцу мест.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Г. БРЕСТА И БРЕСТСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 ГГ.)

Лавреенко Лариса. В.,
учитель истории, магистр;
Ульчик Екатерина, учащаяся
ГУО «Средняя школа д. Скоки»
Брестского района

Аннотация

Рассматривается система школьного образования г. Бреста и Брестского района в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.). На основе широкого круга архивных материалов, в основном документов статистического характера и материалов периодической печати, составлена общая картина системы школьного образования Брестского региона в один из самых тяжёлых периодов – период немецкой оккупации (1941–1944 гг.).

Ключевые слова:

система, образование, школа, оккупация, война, обучение.

В современных условиях государственно-образовательная политика должна быть направлена на формирование сознательной гражданской позиции, воспитание патриотизма. Судьба государства и образовательных институтов были всегда нераздельными. Как важнейший социальный институт, школа является одним из факторов социальных преобразований, живительной средой духовного и морального развития личности, стабилизирующим средством в тяжёлые исторические моменты. Поэтому обращение к истории и актуализация изучения деятельности школ на территории Брестской области в исследуемый период представляет собой несомненную общественную значимость.

Политика немецких властей в отношении белорусской молодёжи была неоднозначной и корректировалась в соответствии с меняющейся исторической ситуацией. Школьное образование являлось одной из приоритетных сфер, ей уделялось повышенное внимание. Это было связано с тем, что школа рассматривалась как орудие идеологического воздействия и воспитания подрастающего поколения в духе «нового порядка». Приоритетными направлениями в школьной политике были: искоренение советского влияния в школьном обучении; внедрение в школьное обучение националистических (национальных) элементов и национал-социалистической идеологии. Содержание школьной политики имело свои особенности, что отчасти было связано с позицией высшего руководства различных зон оккупации. Так, в генеральном округе Беларуси в организации школьного дела приоритетным была беларусизация школьной си-

стемы и укоренение в содержание школьного обучения прогерманской направленности. На белорусских землях, вошедших в рейхскомиссариат «Украина», основным направлением была украинизация школы (Брестский округ входил в генеральный округ Волынь-Подолье рейхскомиссариата «Украина»). При этом в отношении Бреста ситуация с национальными школами была специфической, что выражалось в наличии здесь кроме украинских школ также польских, русских и белорусской школ.

Сведений, относящихся к системе школьного образования за 1941–1942 гг., к сожалению нет. Исходя из содержания имеющихся документов бургомистра, городского и окружного комиссаров следует, что во второй половине мая, июне были проведены работы связанные с окончанием 1942–43 учебного года. Период окончания учебного года приходился на 17 июня 1943 г. [2]. Также из архивных источников известно, что на летних каникулах и даже в сентябре ученики и учителя работали в государственных фруктовых садах г. Бреста и района, а также участвовали в сборе лекарственных растений и макулатуры. Учителям за эту работу в период каникул предоставлялся двухнедельный отпуск. С июля по сентябрь проводились мероприятия по подготовке к новому учебному году: приведение в порядок школьных помещений и обеспечение их необходимым инвентарём. Ближе к началу занятий, очевидно в августе, была проведена процедура по составлению списков детей школьного возраста. По результатам записи выяснилось, что число учеников, по сравнению с предыдущим учебным годом, увеличилось. В связи с этим руководство школьного отдела внесло, очевидно, в городскую управу, предложение о соответственном увеличении штата учителей. В период конца сентября – декабря 1943 г. условия работы школьной системы ухудшились. Связано это было в первую очередь с прибытием в город новых частей вермахта, которые заняли ряд школьных помещений. Поэтому в это время школьным отделом проводилась работа по вывозу и сохранению школьного инвентаря, а также поиску иных помещений для расположения школ. Эти здания, как правило, были небольшими по площади, не приспособленными для учебного процесса, требовали уборки и ремонта. Занятия в них проводились в 2-3 смены. Кроме данных мероприятий школьный отдел старался обеспечить школы отопительными материалами. К декабрю удалось изыскать и распределить между школами 18 м³ дров и 9 м³ торфа [1, л.12, 15, 17, 20, 29, 38]. Исходя из документов хозяйственного характера, следует, что этого запаса могло хватить на небольшое время, и обучение в школах в условиях зимы стало бы невозможным [7, л.174].

Отчёт городской управы за ноябрь 1943 г., который был составлен для уполномоченного имперского министерства восточных оккупированных территорий (den Ostsbeauftragten) в г. Бресте, довольно подробно описывал работу разного рода курсов, городского театра, библиотек и т.д. В отношении школьной системы в документе приведены некоторые статистические сведения за 1942, 1943 гг. Из отчёта следует, что в 1942–43 учебном году были открыты

14 народных школ, из которых 4 украинские, 3 русские, 6 польских, 1 белорусская. Педагогический коллектив школ к 1 мая 1943 г. состоял из 101 учителя [10, л.10]. После проведённого сокращения штатов он составил 58 человек. Из сохранившихся документов, относящихся к указанному периоду, следует, что число учителей к началу мая и на протяжении месяца составляло соответственно 94 и 68 человек [10, л.10].

Отчёты на имя бургомистра г. Бреста, датированные 23 февраля, 19 марта и 26 мая 1944 г., подписанные главой городского школьного отдела А. Гриневичем, содержали сведения о начале второго полугодия, об основных мероприятиях, проводимых в системе школьного образования на оккупированной территории и т.д. Так зимние каникулы в школах города закончились именно в конце января. Какие именно мероприятия были проведены, в отчёте не указано. Вскоре после начала нового полугодия 15 февраля школы были временно закрыты. Со следующего дня все работоспособные учителя были заняты на копании окопов. При этом школьный отдел выполнял организационную и контролирующую функции. В ближайшее время отделом планировалось подготовить школы к открытию, а также позаботиться о размещении тех из них, которые располагались на частных квартирах.

В отчёте за 19 марта 1944 г. говорилось о возможном использовании учителей на работе в лазаретах и учреждениях городской управы. Перед школьным отделом ставилась задача составления списков подростков 1928–1930 гг. рождения для биржи труда, в целях привлечения их к ремесленному труду. Возможно, этих детей в дальнейшем планировалось вывезти в Германию.

В отчёте за май 1944 г. содержались сведения о том, что в связи с эвакуацией польские школы №2, 4, 7 остались без директоров и помещений. Школьным отделом в них были назначены заместители директоров. Размещены они были в помещении школы №3. Число учителей по причине эвакуации сократилось с 62 до 42 человек [11, л.12, 29]. Помимо работы в школах учителя были заняты в различных учреждениях. Из города кроме учителей вместе с родителями выезжало большое число учеников. Тем, кто остался, выдавались свидетельства о прохождении обучения в школе. В части школ учебный год планировалось окончить к 1 июня. Школьный отдел обязался сохранять имущество школ, чьи помещения были заняты. Согласно отчётам городской управы, работа в этом направлении проводилась с сентября 1943 г. Школьный отдел планировал провести подготовку к новому 1944–1945 учебному году в соответствии с указаниями окружного комиссара [11, л.29].

Документов отчётного характера, относящихся к системе школьного образования, в Брестском районе немного. Они представлены пятью отчётами шефа района Ф. Рутковского и двумя списками школ и учителей, находящихся на территории данной административной единицы. Самый ранний из отчётов датирован 20 февраля, самый поздний 20 октября 1942 г.

В феврале 1942 г. на территории Брестского района находилось 19 народных школ, в которых работало 42 учителя. В районе полностью в данный период отсутствовали библиотеки, народные дома и другие учреждения сферы культуры [3, л.26об]. Платёжные ведомости школ за февраль 1942 г. имеются только по трём волостям (Збируги, Черни, Адамково), в связи, с чем проверить соответствие числа школ и учителей с данными отчёта проблематично. Из общего списка школ и учителей района следует, что возраст учителей, работающих в школах района, был от 19 (В. Лысяк, школа в д. Косичи) до 58 лет (А. Янчук, школа в д. Тришин). Средний возраст педагогов составлял около 35-ти лет. 4 (5) учителей района стажа работы (не известно, имелся ли в виду педагогический стаж) не имели. У 13 (31%) человек стаж работы составлял около 14 лет. В районе также преподавали педагоги, стаж работы которых достигал 28 лет (И. Тротюк, учитель Черненской школы и П. Грицук – учитель школы в Большой Курнице). Средний рабочий стаж учителей района по данным на февраль 1942 г. был около 8 лет [4, л.35, 35об].

В отчёте шефа района за март 1942 г. имеются сведения о начале в это время (т.е. с 1 марта) занятий в школах. Ученики сами обеспечивали себя принадлежностями для учёбы. Учителя снабжались продуктами по месту жительства. В отчётном документе за 20 марта – 20 апреля сообщалось о бесперебойной работе тех школ, которые находились в районах, где имеется торф. В данный период на территории Брестского района насчитывалось 29 школ [5, л.22–23]. Если говорить о количестве учеников в школах, то по сохранившимся сведениям в волостном центре Каменица-Жировичская обучалось 80 детей, а в школах в Хуторе-Романовском и Каменице-Бискупской соответственно 15 и 100 учеников [6, л.111–111об].

В апреле 1942 г. насчитывалось 28 действующих школ. Соотнеся сведения апрельского списка и данные документов, относящихся к марту 1942 г., можно выяснить, какие изменения произошли в сети школ за эти месяцы. Так в апреле, по неуказанным причинам, прекратили свою деятельность школы в д. Заболотье Каменица-Жировицкой волости и в д. Литвины Адамковской волости. 2 учителя, работавшие ранее в последней школе, перешли в новую школу в д. Радваничи. Из списка за апрель 1942 г. известно, что из 28 школ 1 была одноклассной, 2 трёхклассными, 21 четырёхклассными (начальными), 1 пятиклассной, 2 шестиклассными и 1 семилетней (неполной средней, в волостном центре Адамково). По сравнению с данными за февраль 1942 г. число начальных школ в отношении ко всем остальным типам увеличилось. Из всех школ к апрелю 1942 г. только 2 были польскими (Терпиловичская в волости Збируги и в Адамково), а остальные 26 – украинскими. В украинской школе в д. Гершоны обучение велось также и на польском языке [9, л.198–199]. По данным оккупационных властей за 1942 г. в Брестском районе помимо 21 115 украинцев и 2016 поляков проживало также 1200 русских и 760 белорусов [8, с.178]. Преобладание украинских национальных школ было явным проявлением политики

украинизации. С началом 1942–43 учебного года все школы района стали украинскими. Сведения о числе национальных школ в районе имеются только в апрельском списке. В данном документе также пофамильно перечислены все учителя, работающие в школах. Их насчитывалось всего 59 человек, это на 5 меньше, чем в марте 1942 г. Из них 43 человека (72%) относились к «местным» и 16 «восточников», которые прибыли после 1939 г. В декабре 1942 г. и январе 1943 г. состав учителей района значительно изменился, что, очевидно, было связано с отправкой 37 в качестве работников в Германию (из них – 11 «восточников»). Работу продолжало только два учителя: О. Олешкевич (школа в Лавах), А. Батраченко (школа в Гершонах). С 1 сентября 1942 г. на территории Брестского района действовало 31 народная школа, в которых работало 60 учителей [9, л.15, 19].

Документы отчётного характера, касающиеся школьной системы г. Бреста и Брестского района предоставляют не полную, фрагментарную информацию о развитии школьного дела на отдельных его этапах. О школьной системе города в отчётных документах приводится информация: о времени окончания 1942–1943 учебного года и начале следующего, занятости учителей и учеников на различных работах, условиях работы школ и педагогов. Содержатся также некоторые статистические сведения об изменении числа учителей и факты о реорганизации сети школ. В отчётных документах города и района отсутствует информация о процессе обучения в школах, содержании образования.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в г. Бресте целенаправленное проведение школьной политики было начато в сентябре-октябре 1941 г. Школьная система города была реорганизована оккупационными властями в октябре 1941 г. и сентябре-октябре 1942 г. В начале 1942–1943 учебного года была сделана попытка полной украинизации школьной системы города. В начале 1942–1943 учебного года все школы района стали украинскими. Школьная система г. Бреста и района проходила следующие этапы в своём развитии в 1941–1944 гг.: возобновление работы школ и рост числа школ; период относительной стабильности; кризис школьной системы, сокращение числа школ. Педагогический состав школ г. Бреста и района неоднократно менялся, как в количественном, так и качественном отношении. Это было связано с тяжёлыми условиями военного времени, а также политикой оккупационных властей, которые проводили сокращение штата педагогов или отправляли их на работу в рейх. Изменение численности педагогического состава практически полностью соответствует изменению числа школ.

Литература

1. Анкеты членов Украинского комитета взаимопомощи // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 192. Оп. 1. Д. 37.
2. Наша слова. – 1943, № 29. 23 липня.
3. Отчёты о проделанной работе // ГАБО. – Ф. 195. Оп. 1. Д. 173.
4. Отчёты о проделанной работе // ГАБО. – Ф. 195. Оп. 1. Д. 7.

5. Отчёты отделов городского управления и организаций о проведённой работе // ГАБО. – Ф. 175. Оп. 1. Д. 159.
6. Отчёты учреждений о проделанной работе // ГАБО. – Ф. 175. Оп. 1. Д. 173.
7. Отчёты учреждений о проделанной работе, прошения на получение средств и материалы для ремонта городских предприятий и вещей хозяйственного обихода граждан // ГАБО. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 449.
8. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста / Бысюк Р.Р.: У 2-х кн., кн.2. – Мн., 2001. – 687 с.; Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэсцкага раёна / Бысюк Р.Р.: У 2-х кн., кн.2. – Мн., 1998. – 547 с.
9. Переписка Украинского комитета взаимопомощи // ГАБО. – Ф. 195. Оп. 1. Д. 5.
10. Платёжные ведомости и счета // ГАБО. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 538.
11. Расписки сельских старост // ГАБО. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 619.

УДК 37.013

ББК 81.411.2

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛАХ Г. БРЕСТА И БРЕСТСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944 ГГ.)

Лавреенко Людмила В., учитель высшей категории
ГУО «Хотиславская СШ» Малоритского района;
Ульчик Екатерина, учащаяся ГУО «Средняя
школа д. Скоки» Брестского района

Аннотация

На основе имеющихся источников раскрыт процесс обучения в школах г. Бреста и Брестского района в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.). Проанализировано содержание основных нормативных документов в сфере образования. Сделаны выводы о том, что политика украинизации, проводимая оккупационными властями на территории г. Бреста и Брестского района, напрямую повлияла на определение приоритетов в школьной политике и в частности на содержание образования.

Ключевые слова:

учебный процесс, школа, немецкая оккупация, программа, план, предметы

Процесс обучения невозможен без нормативных документов, являющихся основой содержания образования. К ним относятся учебные планы, программы и учебники. Данные документы предоставляют информацию не только об учебных предметах, но и раскрывают ряд нюансов школьного образования и его специфику. В период 1941–1944 гг. с организацией оккупационными властями школьной системы для её полноценной работы возникла необходимость также и в определении содержания образования. Так, несмотря на условия военного времени, в г. Бресте издавались школьные планы, а также программы по некоторым предметам.

Сохранившиеся документы, отражающие учебный процесс, немногочисленны. Все они относятся к школам г. Бреста. Документы представлены учебными планами школ № 6 и № 10, учебными программами по украинскому языку и краеведению.

Учебные планы представляли собой небольшие по объёму документы. Они имелись только по двум школам и то по одному экземпляру. Оба документа датированы сентябрём 1942 г. Написаны планы были педагогами школ и подписаны их руководителями. Составлялись данные документы для школьного отдела городской управы. По нашему мнению, подобные документы составлялись и в других школах города. Учебный план школы №6 был написан на украинском языке, а 10-й – на русском. Оба плана практически одинаковы по форме и содержанию. В каждом из них имелся список учителей школы и соответствующий каждому из них перечень учебных предметов по классам с указанием часов за неделю, которые вёл педагог. Единственное отличие данных документов – в плане школы №10 имелась таблица с общим перечнем предметов и числом часов по классам. В школе № 10 помимо украинского языка преподавался и русский язык. При этом, судя по числу часов, что видно из ниже приведённых данных таблицы¹, русский был основным, а украинский – дополнительным.

Таблица 1. – Учебные планы школ № 6, 10 г. Бреста на 1942–1943 учебный год [5, л.106, 107, 261,262].

Учебные предметы	Школа № 6				Школа № 10			
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
Украинский язык	6	7	7	7	–	5	5	6
Русский язык	–	–	–	–	6	6	6	6
Краеведение	3	4	4	4	3	4	4	4
Арифметика	3	5	5	5	3	5	5	5
Рисование	1	2	2	2	1	2	2	1
Пение	1	2	2	2	1	2	2	2
Ручной труд	3	4	4	4	3	4	4	4
Гимнастика	1	2	2	2	1	2	2	2
Природоведение	–	–	4	4	–	–	4	4
Всего часов:	8	26	30	30	18	30	34	34

Так как г. Брест входил в рейхскомиссарит «Украина», в котором имела место политика украинизации, то, естественно, что украинский язык был обязательным предметом для всех национальных школ. Однако в небелорусских национальных школах разрешалось вести обучение на родном языке и изучать его в качестве учебного предмета. Следовательно, можно предположить, что школа №10 г. Бреста являлась русской школой, а № 6 – украинской. Основными предметами начальной школы в 1942–1943 учебном году были украинский язык (в 10-й школе и русский), арифметика, краеведение, ручной труд. Последний в свою очередь, должен был способствовать активному приобщению учеников к физическому труду. Из учебных планов известно общее число учебных

часов в неделю для каждого класса. Это нам даёт возможность предположить количество проводимых уроков в день. Правда, в документах не сказано, была ли в школах пятидневная или шестидневная учебная неделя. Очевидно, однако, что и в первом и во втором случае нагрузка на учеников в третьем и четвёртом классах (особенно в школе №10 – за счёт изучения двух языков) была недопустима для возраста учеников (при оккупации в школу шли с 7 лет) [3, с.86].

В имеющихся учебных планах школ города предмет «немецкий язык» вовсе отсутствовал [3, с.90]. Впрочем, немецкий язык скорее всего в школах первоначально изучался. Например, в школах Пинского округа, который также входил в состав генерального округа Волинь-Подолье, немецкий язык являлся учебным предметом с начала обучения (октябрь 1942 г.) и до марта 1942 г., когда учебные программы были пересмотрены [2, с. 233–234]. Так как имеющиеся учебные программы относятся к сентябрю 1942 г., то данные изменения, касающиеся немецкого языка, в них не отражены.

Почасовая нагрузка учителей школ была непостоянной и составляла от 8 до 34 часов в неделю. В среднем на одного учителя (согласно сведениям о 9 учителей школ № 6, 10) приходилось около 23 часа в неделю. В основном часы распределялись так, чтобы один учитель вёл все уроки в одном классе. Например, учитель М. Кичигина вела все предметы во втором классе школы № 6, а Карпук А. – в первом классе школы №10.

Учебные программы, сохранившиеся в Государственном архиве Брестской области были представлены 4 документами, различными по объёму. Написаны они были от руки, текст составлен на украинском языке. Некоторые из них подписаны директором Высшей школы в г. Бресте Дрогейко Ф. Высшая школа была создана в начале 1942–1943 учебного года. Её программа соответствовала курсу 5, 6 и 7 классов неполной средней школы. Все остальные школы города стали начальными. Из документа бургомистра г. Бреста от 27 октября 1942 г. следовало, что некоторые школьные учебные программы присылались из Луцка (административный центр Генерального округа Волинь-Подолье). Содержание документа сводилось к тому, что «луцкая» программа по украинскому языку для 5, 6, 7 классов не подходит для учеников Высшей школы, так как часть из них раньше обучалась на других языках и украинского вообще не знает. Данная ситуация характерна была для г. Бреста, где оставались неукраинские национальные школы.

Содержание учебной программы по украинскому языку для начальных классов представляет собой синтез тем по фонетике, морфологии, синтаксису и пунктуации. Помимо этого упор делался и на темы, способствующие общему развитию учеников: чёткая речь, умение составлять пересказ и рассказ. Для 3 класса рекомендовалось обсуждение легенд про св. Андрея, основание Киева, князя Олега, Кириллу Кожемяку. Таким образом, шло приобщение учеников к украинскому фольклору [5, л.313].

Программа по украинскому языку для 1 класса Высшей школы содержала схожие темы по грамматике, что и предыдущая программа. Таким образом, оче-

видно, ставилась задача повторения и закрепление учениками Высшей школы ранее пройденного материала по украинскому языку. В фрагменте документа, который предположительно относился к рассматриваемой программе, предлагались для изучения учебные темы, направленные на расширение кругозора учащихся, а также темы краеведческого и исторического плана, например: зарисовки из жизни молодёжи; путешествие по заграничным школам (очевидно в первую очередь по школам рейха), обычаи, верования, повседневная жизнь украинского народа в различные времена, биографии выдающихся украинцев (князя, гетманы, герои, писатели, учёные). Таким образом, документ был насыщен элементами украинской национальной культуры и истории [5, л.311–312].

Наиболее объёмным был проект учебной программы предмета «Наука про родной край» (предположительно иное название «Краеведения») для начальной школы. Из содержания следует, что данный предмет был универсальным предметом и объединял в себе элементы этики, эстетики, знания об основах государственного устройства, географии, биологии и истории. Для 1 класса рекомендовались темы, посвящённые национальным ремёслам, праздникам, домашнему хозяйству, семье. Также ученики должны были усвоить следующие этические нормы: уважение к старшим и родственникам, нормы поведения, поддержание чистоты, уважение к государственному имуществу. Первые темы знакомили учеников с гербом Украины, портретами исторических деятелей страны. В качестве основных форм обучения в 1 классе рекомендовались рассказы, песни, стихи, экскурсии. Во 2 классе ученики знакомились с родной местностью, городским и сельским окружением. Сюда входило знакомство со структурой городских органов управления и культурно-просветительских учреждений, а также природой, флорой, фауной города и деревни. Начиная со 2 класса вводился фольклор: легенды об основании Киевской Руси, о татарском нашествии, казачьих временах. В 3 классе ученики изучали устройство округа (учреждения, инфраструктура). Появляются темы по географии: стороны света, форма земной поверхности, климатические пояса и т.д. Особое место в программе 3 класса отводилось истории. В рамках истории шло знакомство с такими темами, как: основание Украинской державы (князя от Олега до Ярослава), крещение Украины, Галицко-Волынское княжество, начало казачества, Запорожская Сечь. Необходимо отметить, что темы по географии и истории пересекались.

Для 4 класса предусматривалось дальнейшее расширение знаний учеников по истории и географии. Темы по географии посвящались преимущественно Украине (ландшафт, население, национальный состав, части страны, приграничные страны). Полеский регион изучался в качестве части Украины. Темы по истории являлись фактическим продолжением курса по данному предмету за 3-й класс. История Украины рассматривалась в рамках таких разделов как: казачество (гетманы Сагойдачный, Хмельницкий; гайдамаки; Украина под властью Москвы (очевидно, начиная с Переяславской унии 1654 г.), борьба за волю; Украина в войне 1914–192 гг.; Украина под властью России и Польши;

война 1941 г. [5, л.318, 320]. Таким образом, особый упор делался на изучение истории Украины периодов XVI – XVII вв. и Новейшего времени. В целом необходимо отметить, что краеведение в содержании рассмотренной программы представляло собой весьма спонтанную подборку учебных тем. При этом явным является тот факт, что содержание и общая направленность краеведения носили откровенно проукраинский и отчасти антирусский и антипольский характер.

Следует отметить, что в газете «Наше слово», которая являлась печатным органом окружного комиссара Брестского округа, в сентябре-ноябре 1942 г. публиковалась специальная рубрика «Газетка маленького ученика», которая рекомендовалась в качестве учебного пособия для подготовительной школы [4]. Печаталась газета в Брестской городской типографии на украинском языке.

Открытым остаётся вопрос, действительно ли представленные нормативные документы, регулирующие образовательный процесс, применялись в данном виде в школах. Из других источников известно, что новых учебников в школах не хватало [3, с.87], а без них реализация каких-либо учебных программ была проблематичной.

Таким образом, согласно имеющимся учебным планам и программам в содержании образования в начальных школах г. Бреста периода оккупации прогерманские элементы как таковые отсутствовали (немецкий язык как учебный язык в 1942 г. не изучался). Кроме того, из предоставленных документов следует, что украинский язык и краеведение, которые, очевидно, были обязательными предметами для всех городских и, вероятно, районных школ, имели проукраинскую направленность. Поэтому можно сделать вывод, что политика украинизации, проводимая оккупационными властями на территории г. Бреста и Брестского района, напрямую повлияла на определение приоритетов в школьной политике и в частности на содержание образования.

Литература

1. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы / сост.: Г.Д. Калустова, А.Г. Карапузова, Е.С. Розенблат; редкол.: И.Э. Еленская [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2016. – 313 с.
2. Еленская, И.Э. Документы госархива Брестской области о школьной политике оккупационных властей, 1941–1944 гг. (источниковедческий обзор) / И.Э. Еленская // Берасцейсі хранограф. Зборнік навуковых прац. – Вып. 2. – Брэст, 1999. – С.231–247.
3. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мн., 1999. – 260 с.
4. Наша слова. – 1942, № 23. 18 вересня.
5. Тоже работников школы // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 202. Оп. 1. Д. 3.

РАЗДЕЛ 2. О НАЦИОНАЛЬНОМ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

УДК 82-312.3
ББК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНОГО

Л.Е. Беженару,
д. фил. наук,
доцент кафедры Славистики
«Петру Караман», Ясский
университет «Ал.И.Куза»,
Яссы, Румыния
ludbejenaru@gmail.com

Аннотация

В данной статье предпринята попытка осмысления концептуального пространства произведений национальных литератур как их автономных образований, выстраивающих систему ценностных доминант внутри своего литературного пространства, шире – концептосферы. Она может рассматриваться как микромир по отношению к миру большой литературы, в состав которой они входили. Подобное положение требует переосмысления тех ценностных доминант национальных литератур, которые, сохраняя на их основе свою идентичность, строят новые взаимоотношения с другими национальными литературами и с «большой литературой» в новом социокультурном пространстве.

Ключевые слова:

Пространство произведения, национальные литературы, система ценностей, концептосфера, микромир

Национальные литературы имеют свою многовековую историю, она связана с национальным хронотопом, временем и пространством, концептосферой (Ю.Лотман). Писатели классики и современные авторы данных литератур живут в контексте вечности и конкретного времени, в национальном локусе пространства.

В данной статье предпринята попытка осмысления концептуального пространства произведений национальных литератур как их автономных образований, выстраивающих систему ценностных доминант внутри своего литературного пространства, шире – концептосферы. Она может рассматриваться как микромир по отношению к миру большой литературы, в состав которой они входили.

Подобное положение требует переосмысления тех ценностных доминант национальных литератур, которые, сохраняя на их основе свою идентичность, строят новые взаимоотношения с другими национальными литературами и с «большой литературой» в новом социокультурном пространстве.

Особую сложность при рассмотрении данного вопроса представляет перестройка современного литературного в русской литературе, других национальных литературах, в которых происходят аналогичные процессы, ставятся задачи сохранения национальных основ литератур, нового вектора взаимоотношений с другими национальными литературами, решаются вопросы определения статуса в рамках региона, макро и микро мира.

Микромир национальных литератур мы рассматриваем как отдельный космос, семиосферу, в понятие которой вкладывается ее специфика, тематическое содержание, национальные традиции и их бытование в литературе, то есть национальный мир как целостная и единая система.

Актуальность данной работы заключается в поиске идентичных ценностных доминант национальных литератур, способствующих развитию диалога между различными литературами в аспекте освоения идентичных проблем, выстраивании общего литературного пространства.

Современная концептуальная литературная парадигма проецирует концептуальное пространство не только на язык, идеостиль произведения, но и на бытование произведения в рамках макро и микрокультуры национальной литературы. Концептосфера представляет собой глобальный образ мира, универсальную картину. Определенность этого образа происходит посредством концепта/константы, благодаря которому пространство текста становится целостным. Подобный анализ дает возможность рассмотреть конкретное произведение как художественное целое через характер динамики социокультурного процесса, закономерности развития русской, азербайджанской, румынской культур, через отношения, связи с иными национальными культурами.

Обращение к произведениям «малой родины» выверяют национальные смысловые доминанты, их поиск и выражение. В трактовке этих аспектов, явлений национальных культур мы будем опираться на труды исследователей русской литературы, культуры и истории С.С. Аверинцева, Л.Н. Гумилева, И.В. Кондакова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, А.М. Панченко. Все они, кроме Гумилева, являются выразителями идеи «культурогенеза», в рамках которого исторические события оцениваются как факты культуры.

Работа также опирается и на исследования национальных культурологов, литературоведов Мирча Мутху, Корнел Унгуряну, А.Оиштяну (Румыния), Флора Наджи, А.Гаджиев, Г.Гусейнова, И. Велиева (Азербайджан), Мирослава Лукьянчикова (Республика Молдова).

История вопроса показала, что в современной теоретической поэтике менее исследован фактор *пространственной характеристики* национальных литератур. Литература еще у своих истоков четко фиксировала связь с этнической географией, особенностями климата, спецификой формирования национального архетипа. Эти факторы оказывали влияние на формирование оригинальной литературы.

В 90-е годы XX века в период деидеологизации и смене вектора отношений, связанного с образованием стран постсоветского пространства (Азербайджан,

Россия, Молдова) изменились представления о национальных границах, национальном макрокосмосе и его рецепции также в измененном творческом сознании авторов. Конфликтные ситуации, связанные с определением географических границ, новое восприятие бытования национального макромира в диалоге с другими культурами (Азербайджан, Румыния) также оказывают влияние на формирование личностных ориентаций авторов.

Вместе с освобождением от советского методологического диктата, восприятия национальной литературы как части советской общенациональной литературы, возникла необходимость поиска путей самоопределения. Свобода творчества, к которой стремились многие авторы, о которой писалось в прессе, черевата кризисом литературы. В такой ситуации четкое представление авторов о пространственной характеристике национальной литературы, ее семиосфере, знаковой системе поможет ориентироваться в понимании своего места в этой системе ценностей. Современную литературу называют литературой творческих исканий, возможно еще долгое время будет сохраняться такое хаотическое понимание литературного пространства, однако поиск выхода из него необходим и закономерен. Теоретическая ориентация в понимании микромира национальной культуры должна содействовать этому процессу.

Сегодня принято говорить о кризисе культуры в целом. Однако писатели (Ион Друцэ, Валентин Распутин, Дан Лунгу, Камал Абдуллаев, Евгений Гришковец), которые за основу своего творческого интереса избрали художественное освоение действительности через призму *регионально-национального*, сумели создать высокохудожественные произведения, в которых «малая родина» является аналогом большого мира национальной литературы. Подобного типа произведения могут рассматриваться в аспекте межрегионального и международного диалога.

Подобный диалог на данном этапе связей столь различных в национальном отношении культур и литератур может носить координирующий характер.

Еще не выработана не только приемлемая для этих региональных общностей методология, но существуют полярные точки зрения на проблему и внутри национальных концептосфер.

Современный русский национальный литературный мир (макромир) вмещает и этническое микропространство литератур Северного Кавказа. В современной русской массовой литературе формировался в отличие от литературы классической негативный тип кавказца, связанный с радикальным исламом и терроризмом (Ильдар Абузяров, «Хуш»). Данный тип литературного героя обусловлен существованием очагов межэтнического противостояния на Северном Кавказе.

Русская литература в силу своей многонациональной культурно-исторической основы создала единое литературное пространство – советскую литературу, но потеряв этот статус до сих пор остро ощущает этот разрыв, ассоциируя этот мир как *свой/чужой*. В этом отношении существует расхождение в подходах к понятию «многообразного единства» – национального макрокосмоса в русской,

азербайджанской и румынской литературах, которые также осложняют перспективу равноправного диалога культур и литератур.

Взаимопроникновение *этического* воспринимается как единое литературное пространство, так как исторически русская литература формировалась на перекрестке нескольких регионов и была многонациональной. Такой она воспринимает себя и поныне.

С такой позиции этическое в макромире локального текста северокавказских авторов (Мамед-Расул «Хартум и Мадина», «Была зима» К.Кулиева, «Чудесное мгновение» А. Кешокова, «Быть человеком» М. Батчаева и др.), в которых авторы обращаются к национальным архетипам, восточным традициям, создают национальные жанровые разновидности. Необходимо согласиться с точкой зрения С.Шарифовой, считающей, что «специфическое симбиозное отображение в художественных произведениях этнического и общечеловеческого, формирует общероссийское пространство»[5, с. 212] .

Региональная литература в таком понимании является вариацией общероссийской литературы, являясь одновременно и самостоятельным национальным локусом. Считается, что в таком положении она может долго существовать, при этом не акцентирует свою специфичность. Поднявшись до уровня самосознания, она образует **«отдельный литературный феномен»** (подчеркнуто – Л.Б).

В данном случае, парадоксальность региональной литературы заключается в том, что литературы Северного Кавказа функционируют *внутри* этнической литературы и наряду с ней.

Таким образом, они являются микро литературами по отношению к общенациональной русской литературе. В новом качестве «отдельного литературного феномена» они вступают в диалог с другими литературами, исповедующими ислам, например, азербайджанской. Такой диалог не может в данном случае иметь полицентрический характер, в нем «общероссийская литература» выполняет функцию *медиатора*. Исследователи (Ф.Мамчуева, К.Султанов, З.Х. Толгурова, Т.Ш. Битирова, З.А.Кучукова, З.Б.Караева), пишут о том, что многие из региональных писателей Северного Кавказа являются писателями-билингвами. Так, карачаевский писатель шестидесятник Мусса Батчаев начал как русскоязычный, в прозе писал на русском и на родном языке. Исследователи региональных литератур Кавказа констатируют, что интерес к выявлению генотекста, истоков национальных основ литературы «малой родины» стал особенно актуальным на рубеже XX-XXI веков, в период, когда проблемы национальной идентичности и ее интеграции в европейское литературное пространство приобретает приоритетное направление.

Этническая идентичность макромирокарачаевской литературы, например, только с 70-х годов XX века начинает восстанавливать связь с утраченными национально-этническими традициями. В намеченном диалоге региональных литератур «малой родины» Северного Кавказа восстановлению подлежат не только утраченные традиции, но и имена.

Аналогичный процесс наблюдается и в общерусской материковой литературе: восстанавливаются *забытые, расстрелянные, запрещенные* писатели. Малая литература в таком понимании является аналогом большой литературы.

Внутри общерусской литературной концептосферы также существует *диалог*, русские авторы пишут о Северо-Кавказском регионе; таким образом, выстраивается новая парадигма взаимоотношений: региональные писатели восточного менталитета и русскоязычные авторы, пишущие о восточном менталитете. В *такой* форме произведения (Ч.Гусейнов) раскрывают образ «другого» в исламской системе ценностей, однако «легкодоступный для русскоязычного читателя формат» снижает, на наш взгляд, художественную ценность произведения.

Определение национальной специфики писателей зависит не только от состояния билингвизма, но и от бытования автора в концептосфере большой литературы. Существует, по мнению лингвиста Максима Кронгауза, и другой языковой феномен, который объединяет современную русскоязычную словесность, – языковые эксперименты или «этноэксперименты» – «дагестанский русский» Алисы Ганиевой («Жених и невеста»), «татарский русский» Гузель Яхиной («Зулейха открывает глаза»), когда современные авторы новейшей прозы употребляют русский литературный язык вперемишку с этнокультурной лексикой.

Языковой эксперимент напрямую связан с сюжетом, с текстом, с состоянием мира.

В этой связи является актуальной проблема идентификации национальных литератур, тесно связанных с художественным менталитетом и мировидением писателя как представителя своего народа.

В последние годы появился ряд фундаментальных работ, посвященных проблемам национального своеобразия литератур, динамике развития художественного сознания.

Среди них фундаментальные труды известных литературоведов К. Султанова «Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы»[3], З. Кучуковой «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии»[4]; Ф.Урусбиевой «Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза.» Исследователи национальных литератур Л. Бекизова, А. Мусукаева, К. Султанов решают проблемы художественного мировидения, национального своеобразия творчества, специфики художественных образов. Произведения, созданные писателями на родном языке, остаются малоизученными.

История бытия «малой родины» и изображение национального характера в азербайджанских романах 60 – 80-х годов XX века привлекла внимание авторов Ильяса Эфендиева (роман «Не оглядывайся, старик»), Мовлуда Сулейманлы (роман «Кочевание»).

Близкое и далекое прошлое, этнокультурная идентичность, межнациональные и межконфессиональные отношения нашли достойное и правдивое изображение в романах «Буйная Кура» Исмаила Шихлы и «Перване» Мирзы Ибра-

гимова, в историческом романе Эльчина «Махмуд и Марьям», в романе Юсифа Самедоглу «День казни».

Роман «Кочевание» Мовлуда Сулейманлы привлёк внимание в азербайджанской прозе 1960 – 1980-х годов своим своеобразным стилем и умением автора наделить героические азербайджанские натуры «психологией, в которой сочетаются причудливые душевные движения, парадоксальные переплетения разных полюсов» [2, с. 119].

Один из оригинальных художественных образцов создания национального характера, роман прослеживает истории и судьбы отдельного рода, племени и очага, и «все подробности, вся сюжетная линия и все характеры в целом объединяются вокруг ведущего образа, и отдельные человеческие судьбы, и красочные сцены быта, и неисчерпаемые краски природы интересуют писателя во взаимосвязи с родом, очагом и краем»[1]. По духу – это документ, жесткий рентген определенной эпохи, миропорядка, который приходит к синтезу тем *очага, рода и края*.

Предпринятый анализ показывает сложную панораму бытования понятия «малая родина» в его национальном и концептуальном смысле, дает возможность очертить круг проблем, связанных с проблемой роста, бытования и качественного изменения этих литератур, позволяет сделать выводы о том, что современное российское литературоведение не выделяет в отдельный жанрово-тематический аспект литературу «малой родины» как самостоятельный объект региональной литературы. Аналогичные процессы наблюдаются и в других национальных литературах, в которых вообще не закрепился термин «деревенская проза».

В литературном фонде «малой родины» Северного Кавказа восстановлению подлежат не только утраченные традиции, но и имена. Аналогичный процесс наблюдается в общерусской материковой литературе. Восстанавливаются *забытые, расстрелянные, запрещенные* писатели. Малая литература в таком понимании является аналогом большой литературы.

В азербайджанской литературе «малой родины», тематика которой намного шире «деревенской прозы», даже советский период отмечен широким планом повествования: близкое и далекое, этнокультура, межнациональные и межконфессиональные отношения, мифологизм и современность образуют национальный тип литературы «малой родины» аналога «большой родины».

Статус литературы *малой родины* сегодня не определен тематическими и жанровыми рамками, наблюдается разночтение в его терминологическом определении. В некоторых национальных литературах (азербайджанской), в которых микромир отмечен близостью или даже совместимостью с макромиром, такой термин отсутствует вообще.

Современная литературная парадигма проецирует национальное концептуальное пространство не только на язык, идеостиль произведения, но и на бытование произведения в рамках макро и микрокультуры национальной литературы.

Літэратура:

1. Гусейнов, А. *Единство разнообразия*. Баку, изд.-во «Язычы», 1983.
2. Наджи, Флора, *Современность истории и история современности. Типы отношений к истории и современности в русской и азербайджанской прозе 1970 – 1980-х годов*, Баку, Мутарджим, 2012, стр.119
3. Кучукова, З. *Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии*, Нальчик, 2005.
4. Султанов, К. *Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы*, М., 2001.
5. Шарифова, С. *Смешение романа с научными жанрами*, 2012.

УДК 81: 008

ББК 811.161.3

РОЛЯ ГЕОРГІЯ ВАЛКАВЫЦКАГА ЁЎ ГІСТОРЫІ СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАГА ВЫДАННЯ “НАША НІВА”

Н. Борсук, к. філ.наук,
загадчык кафедры
беларускай і рускай моў
(Беларусь, Брест, БрГТУ)

Анотацыя

У артыкуле разглядаецца гісторыя выдання газеты “Ніва”, асэнсоўваецца роля рэдактара штотыднёвіка Г. Валкавыцкага ёў станаўленні і развіцці беларускіх выданняў на Беласточчыне. Аўтар таксама звяртае ўвагу на працу літаратурнага аб’яднання пры рэдакцыйнай калегіі газеты і прадстаўляе геаграфію чытачоў і карэспандэнтаў. У выніку фарміруецца яркае ўяўленне аб тым, як беларусы ёў Польшчы паступова і мэтанакіравана заяўлялі аб сабе як нацыі.

Ключавыя словы:

газета “Ніва”, рубрыка, дыскусія, выданне, карэспандэнты, тыраж, літаратурнае аб’яднанне.

Георгій Валкавыцкі любіў паўтараць: “Журналістам я стаў па наіўнасці”. Гэтымі словамі і пачынаюцца нататкі рэдактара газеты “Ніва”, кіраўніка літаратурнага аб’яднання “белавежцаў”, аўтара кнігі “Віры” [1, с. 5].

На наш погляд, выбар прафесіі Георгіем Валкавыцкім быў прадвызначаны самім лёсам. Ён цудоўна адчуваў слова, яшчэ ёў школьныя гады сачыненні юнака служылі ўзорам для іншых, а любімая выхавацелька, якая ўручала выпускніку пасведчанне аб заканчэнні сямігодкі, павіншавала Георгія з выдатнымі адзнакамі і пажадала літаратурных поспехаў, хаця хлопец нават у дзіцячых летуценнях не звязваў сваю будучыню з журналісцкай працай. Цягу да пяра ёў Г. Валкавыцкага на нейкі час адбіў прафесар прафесійнай школы ёў Гайнаўцы пан Зярка. Будучы слесар прадставіў настаўніку лірычны абразок замест хатняга сачынення. Пачынаючы творца не дачакаўся слоў падтрымкі,

карыснай парады. У словах настаўніка ён адчуў недавер, ноткі абвінавачвання ў падмане: “Ці гэта самастойная праца?”

Г. Валкавыцкі быў апантаны падарожжамі. Яшчэ ў школьныя гады з асаблівай асалодай калясіў па родным краі. З гадамі Г. Валкавыцкі не страціў гэтую звычку. Будучы супрацоўнікам “Беластоцкай газеты”, не любіў ездзіць збіраць вясковы матэрыял на самаходзе. “З машыны – у хату, што з дзверцаў у дзверцы: не разгледзіш як трэба ні хаты, ні людзей, што ў ёй жывуць. А галоўнае – не адчуеш паху зямлі, у кожным кутку – рознага... Сабраны па дарозе настрой (як яго наладжваў выпадковы спадарожнік!) і быў тым зыходным пунктам, з якога я браў быка за рогі. Тады і нарадзілася мара вандроўкі па Беласточчыне” [1, с. 102].

Яшчэ ў гады вучобы на ўніверсітэцкіх курсах у Варшаве Г. Валкавыцкі вызначаўся аналітычным розумам. Сценгазете, якую яму даручылі рэдагаваць, былі характэрны канкрэтнасць і крытычнасць. Менавіта гэтым аспектам і не спадабалася выданне дырэктару навучальнай установы: “Навошта выграбаць бруд? Гэтае пытанне-аргумент неаднойчы даводзілася чуць Г. Валкавыцкаму на пасадзе рэдактара: “Ніву” чытаюць у Амерыцы!” Безумоўна, гэтыя жыццёвыя ўрокі крыўдзілі маладога энтузіяста, прыводзілі яго часам у стан духоўнага спусташэння, але павярнуць з аднойчы абранага шляху ён ужо не змог. На наш погляд, жыццёвы прынцып Г. Валкавыцкага-журналіста, пазней – рэдактара газеты “Ніва” вызначаецца ў наступных словах: “... газетка павінна быць “нашай”, яе трэба рабіць для нас, не для чужых...; з пасеянага чартапалоху можна сабраць ружы” [1, с. 7–8].

Урок нацыянальнага ўсведамлення Г. Валкавыцкі атрымаў упершыню ў школьным узросце: паступіць у школу кадэтаў праваслаўнаму “паляку” было з галіны фантастыкі, пра гімназію альбо тэхнічную школу ў Вільні хлопец не марыў, бо такое навучанне было не па бацькавай кішэні. Ваганні маладога чалавека заўважыў настаўнік гісторыі, дырэктар падрыхтоўчых курсаў у Варшаве Тадэвуш Довят падчас яго вучобы на падрыхтоўчых курсах у Варшаве, які і прапанаваў Г. Валкавыцкаву разгледзець пытанне аб навучанні ў Савецкім Саюзе замест паступлення ў Акадэмію палітычных навук.

У 1954 годзе будучы рэдактар газеты “Ніва” скончыў Літаратурны інстытут і адправіўся на Беласточчыну. Прапанову працаваць у сталіцы ён не мог прыняць, бо такая будучыня асацыіравалася для яго з творчым спусташэннем. “Жыццё багатае і чым ніжэй – гусцейшае” [1, с. 9]. Пазіцыю па гэтым пытанні Г. Валкавыцкі паэтычна выказаў у вершы “Вецер з усходу”, які быў напісаны пасля заканчэння літаратурнага інстытута і надрукаваны на старонках аўтарытэтнага альманаха “Маладая гвардыя”.

Георгій Валкавыцкі спадзяваўся, што ў родным краі адчуе духоўную раўнавагу. Але ж журналісту “Беластоцкай газеты” (узначальваў сектар культуры) давалося ўсё вывучаць “у азбучным парадку”, бо, як высветлілася, ён не ведаў ні людзей, ні спраў. На ўсё жыццё запомнілася Г. Валкавыцкаму

сустрэча з горцам Янам Кавэцкім, які заахвоціў маладога журналіста да збірання беларускіх “канапелек”. Ян Кавэцкі гэтай справай пачаў займацца яшчэ да вайны.

Г. Валкавыцкі імкнуўся ажывіць культурнае, у прыватнасці, літаратурнае жыццё ў краі, што не засталася па-за ўвагай сакратара Саюза польскіх літаратараў Яна Марыю Гігеса. Георгій Валкавыцкі звяртаецца ў бюро ВК ПАРП з прапановай стварэння беларускага тыднёвіка. Арганізацыйнага вопыту ў яго не было. Штуршком для прыняцця такога важнага рашэння паслужыў артыкул Ежы Равіча ў “Трыбуне Люду” (“Беларусы ў Польшчы”, 8 IX і 10 IX 1955 г.), у якім журналіст разважаў пра лёс беларускай меншасці, недахопы ў навучанні на беларускай мове, крытыкаваў мясцовыя ўлады ў занябанні нацыянальнай культуры беларусаў. Безумоўна, рашучасці надала пастанова аб неабходнасці стварэння беларускай арганізацыі (дарэчы, Г. Валкавыцкі прымаў актыўны ўдзел у выпрацоўцы агульных напрамкаў дзейнасці таварыства).

Будучы рэдактар газеты пачаў ад загалоўка. Адкідваў двухчленныя сказы. Разумеў, што назва павінна быць простаай, сціслай, даходлівай. Спадзяваўся, што тыднёвік будучы чытаць людзі, якія беларускую мову не ведаюць, таму неабходна, каб назва выдання выклікала ў чытачоў адпаведныя асацыяцыі. Г. Валкавыцкі яшчэ хацеў, каб у загатоўку прасочвалася і гістарычнае карэнне. І раптам адчуў “дотык працягнутаай з гісторыі рукі, таксама “адзінай” віленскай “Нашай нівы”. Шмат чаго ў нас знойдзецца супольнага – вынік той жа “адзінасці”. Значыць, з загатоўкам справа ясная. Да прастаты і даходлівасці дадаў мілагучнасць і падтэкст” [1, с. 13].

Першага кастрычніка 1955 года на пасяджэнне рэдакцыі газеты “Трыбуна люду” Г. Валкавыцкі прадставіў макет будучай “Нівы”. На дванаццаці старонках размясціў уяўны матэрыял: на першай старонцы – вялікі здымак і хроніка; другой – каментарый тыдня, фотарэпартаж, дробязі; трэцяй – рэпартаж альбо праблемны артыкул, весткі з краіны; чацвёртай – ідэалогія, грамадскія пытанні, гісторыя з беларускім ухілам; пятай – “У Савецкай Беларусі”; шостаай, сёмай – верш і культурныя справы беларускага асяроддзя; восьмай – фальклор; дзевятай – аповесць; дзесятай – папулярна-навуковыя матэрыялы з сельскагаспадарчым ухілам; адзінаццатай – карэспандэнты, адказы, новыя кнігі, настаўніцкі куток, спорт. Дванаццатай – гумар, сатыра, гульні, цікаўнасці. З часам гэты варыянт відазмняўся, дастасоўваўся да канкрэтных умоў, але ж у аснове цалкам застаўся такі.

Многія хацелі працаваць ў газеце. Спіс, які атрымаў Г. Валкавыцкі ад кадравіка беластоцкай РСВ, бадзёрыў. Але ж пасля суб'яседавання ў склад рэдакцыі трапіў толькі Міхась Хмялеўскі, астатнія не мелі ніякіх спроб у журналістыцы, не радаваў і іх узровень валодання беларускай мовай, ды і перадпенсійны ўзрост насцярожваў. Перад Г. Валкавыцкім стаяла няпростая задача – сабраць творчую, дысцыплінаваную каманду, якая наладзіць выпуск газеты. Дзякуючы намаганням рэдактара ў газету прыйшлі Васіль Баршчэўскі

(раней працаваў у “Беластоцкай газеце”), Аляксандр Амільяновіч (працаваў у кашалінскай газеце ў аддзеле лістоў), Язэп Рыбінскі (працаваў у кінатэатры на пасадзе білецёра), Мікола Матэйчук (прышоў з пасады маладзёжнага апаратчыка), Андрэй Сошка (Вацлаў Асіповіч), Вера Ляўчук (будучая Валкавыцкая, публіцыст), Зося Бусловіч (выпускніца беларускага ліцэя ў Бельску) і Сакрат Яновіч.

Афіцыйна на пасаду галоўнага рэдактара Г. Валкавыцкі быў прызначаны толькі 1 лютага 1956 года, да гэтага часу тыднёвікам ён займаўся на грамадскіх пачатках. Сакратаром газеты стаў Міхась Баравік (дырэктар беластоцкай радыёстанцыі, адзін з заснавальнікаў “Беластоцкай газеты”). З мэтай наладзіць супрацоўніцтва з беларускім насельніцтвам у “Беластоцкай газеце” з’явіўся анонс, сутнасць якога зводзілася да таго, што журналісты газеты “Ніва”, якая будзе выходзіць у хуткім часе, запрашаюць да супрацоўніцтва. Яны прапануюць дасылаць карэспандэнцыю і выказваць прапановы адносна рэдагавання тыднёвіка. Як успамінае Г. Валкавыцкі: “Ад лістоў, якія паплылі ў рэдакцыю, магла закружыцца галава” [1, с. 16]. Вось некаторыя вытрымкі з іх: “Хай тыднёвік не кладзе ў галаву чытача формул... Няхай артыкулы будуць арыгінальныя, жывыя, каб уздзейнічалі не толькі на думкі, але і на ўяўленні і пачуцці. Няхай часопіс не толькі вучыць, заахвочвае і кіруе, але таксама спрыяе адчуванню прыгажосці жыцця, хай будзе мілым адпачынкам пасля працы..., хай будзе даступным маладым аўтарам” (А. Харкевіч, Новае Варова). “Ужо ад 1953 года, калі пакінуў беларускую школу ў Гайнаўцы, не бачыў і не чытаў нічога на сваёй роднай беларускай мове. А так хочацца. Многа чаго я ўжо забыўся, так, што мне цяпер цяжка гаварыць па-беларуску, бо, праўду сказаўшы, няма з кім... Спадзяюся, што наш часопіс дапаможа ліквідаваць гэтыя недахопы” (А. Лабасюк, Познань) [1, с. 17].

Першы нумар тыднёвіка ўбачыў свет – 11 лютага, другі – 19, трэці – 26 (дарэчы гэта быў з’ездаўскі нумар, бо выйшаў да ўстаноўчага з’езда Беларускага грамадска-культурнага таварыства). Працаваць было цяжка, не хапала самага неабходнага: не было, дзе жыць, не было ўласнага транспарту, друкарня не мела беларускага шрыфту, рэдакцыя – пішучай машынкі з беларускімі літарамі.

Як ні дзіўна, газету цёпла сустрэў польскі і савецкі друк (газеты “Звязда”, “Советская Белоруссия”). Прыветлівыя лісты даслалі беларускія пісьменнікі (Ніл Гілевіч), рэдакцыю газеты наведаў Пятро Глебка, а пасля візіту Г.Валкавыцкага ў Беларусь, на Беласточчыне пабывалі Піліп Пястрак, Янка Брыль.

Але ж з боку чытачоў чуліся і зласлівыя ноткі: “Я не разумею і дрэнна чытаю нядаўна вынайдзеную беларускую мову, і вельмі здзіваюся, хто яе выдумаў і нам, беларусам, накінуў” [1, с. 20]. Партрэт польскага беларуса радавы паляк маляваў з чырвоным фарпосным сцягам у руках і пяцікутнай зоркай на ілбе. Ольштынскі двухтыднёвік “Вармія і Мазуры” ад 1 лютага

1957 года накіраваў джала свайго выдання на беларускі рух: “Ён штучны, спароджаны загадкавымі сіламі, чужы для тутэйшых людзей” [1, с. 36].

Паступова газета набывала напорыстасць, баявітасць. Гэтаму спрыялі дыскусіі, што наладжвала выданне. Так Мікалай Тарасевіч дзёрзкім артыкулам “Больш увагі праблемам моладзі” распачаў абмеркаванне маральнага вобліку маладых людзей, які асацыіраваўся ва ўяўленні журналіста з адсутнасцю творчага энтузіязму, жыццёвых ідэалаў, маральна-палітычным спусташэннем, танцулькамі, вузенькімі нагавічкамі і г.д. Безумоўна, не ўсе падзялялі пункт погляду журналіста (Лявон Майсяюк, Базыль Чачуга, Вітальд Мікульскі і інш.). Крыўда перапаўняла рэдактара “Нівы” за то, што сама моладзь у дыскусію не ўступала. Больш таго, спрабавала абвінаваціць рэдакцыю выдання ў тым, што яна “ўзяла напрамак на старэйшага чытача” [1, с. 45]. Прыемна канстатаваць той факт, што ў ходзе дыскусіі, што доўжылася амаль пяць месяцаў, была звернута ўвага на праблемы навучання беларускай мовы ў школах, адарванасць БГКТ ад вёскі, выхаванне маладога пакалення.

Што тычыцца журналіста Уладзіміра Паўлючука, то ён, дарэчы, распаліў страсці чытачоў артыкулам “Мары аб свеце адзіноцтва” (“Ніва”, 22.11.64). Яго публікацыю многія нашаніўцы палічылі шкоднай (Віктар Рудчык, Мікола Беразавец, Іван Чыквін, Мікалай Гайдук, Віктар Швед). Так Іван Чыквін пісаў: “Паўлючук узяў адзін чыста псіхалагічнай натуры факт, абагульніў яго. Даў практычную парадку “нежыццёвым” людзям: калі вы трапіце ў чужое вам асяроддзе, хутчэй шукайце сяброў, а то чакае вас самагубства. Смешна і дзіўна! Усё белымі ніткамі шыта. Інфанталізм. Аліенацыя фактаў, аліенацыя сітуацый, аліенацыя чалавечай думкі!” [1, с. 85].

З вясны да восені 1979 года бурліла ў “Ніве” дыскусія “Чаму моладзь уцякае з вёсак?” Узняў яе ўважлівы назіральнік з Белавежы Пётр Байко. Вершам “Пабяжлі зоркі ў цёмным небе” на дыскусію адгукнулася Ірына Бязрозка, якая яшчэ ў дзіцячым узросце разам з бацькамі пакінула родную Беласточчыну, а зараз жыве ў палярнай Варкуце. Паэтычны твор, на наш погляд, яскрава пераканаў чытачоў “Нівы”, што шаснаццацігадовая дзяўчынка ведае цану роднай зямлі.

Вучыцца, як вядома, неабходна на добрых літаратурных тэкстах. Невыпадкова выдаўцы прынялі рашэнне друкаваць на старонках газеты творы вядомых беларускіх пісьменнікаў. Ужо ў другім нумары была змешчана “Зязюленька” Я. Брыля. Нельга не звярнуць увагу на той факт, што маладыя аўтары з Беларусі за гонар лічылі быць надрукаванымі на старонках “Нівы”. Невыпадкова Г. Бураўкін, А. Лойка даслалі ў рэдакцыю свае вершы. Не засталася па-за ўвагай рэдактара перакладчыцкая праца. Па перакананні Г.Валкавыцкага, яна мела двайную карысць. Па-першае, творца шукаў адпаведнае слова для ўзнаўлення і, такім чынам, вучыўся беларускай мове. Г.Валкавыцкі таксама займаўся гэтым відам літаратурнай дзейнасці, выкарыстоўваў веды, набытыя у Літінстытуце на перакладчыцкім семінары.

Па-другое, знаёмства з творамі замежнай літаратуры спрыяла задавальненню духоўных патрабаванняў чытача, сталенню яго эстэтычнага густу. І з гэтым нельга не пагадзіцца.

Мела поспех анкета “Беларуская культура і я”, якую правялі сярод польскіх пісьменнікаў, пераважна выхадцаў з Беларусі. У анкетаванні не прыняў удзел Тадэвуш Канвіцкі, як ён сам патлумачыў гэты факт – “з-за ленасці”. Па перакананні Г. Валкавыцкага, у польскай літаратуры – гэта найпрыгажэйшае слова аб беларусах і Беларусі” [1, с. 114].

Дыскусія “Якія мы людзі?” цягнулася амаль год і дала пачатак аднайменнай рубрыцы. З радасцю ўспрынялі чытачы рубрыкі: “Ад родных ніў” (у ёй пераважна выступалі выхадцы з народа); “Сустрэча з землякамі”, на старонках якой чытач мог пазнаёміцца з жыццёвым і творчым лёсам прадстаўнікоў беларускай дыяспары, сатырычна-гумарыстычную “Арцель Андрэя Самасея” – новае пераўтварэнне Віктара Шведа. Пазней арцельшчыкамі сталі Міхась Красоўскі і Янка Беразавец.

З прыходам у рэдакцыю тыднёвіка Міхася Шаховіча, студэнта беларускай філалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, маладога хлопца са схільнасцю да сатыры, газета папоўнілася рубрыкай “З-за плоту”. Жарт “Беларуская карчма”, што з’явіўся з-пад пера Г. Валкавыцкага 1 красавіка 1973 года, даў пачатак новаму напрамку ў газеце – “Турыстыка”. Лірычны герой жарта марыць пабудаваць пры дарозе беларускую карчму, дзе будуць прадстаўлены народныя рамёствы, легенды, музыка, народная гастронамія. Г. Валкавыцкі быў упэўнены, што чытачы падхопяць яго ідэю і пашыраць акрэсленую тэму. Адазвалася Ларыса Геніюш з Зэльвы, Мікалай Гайдук (выдаў “Краязнаўчы слоўнік”).

Рубрыка “Шляхам гадоў”, якую ўзначальваў Мікалай Гайдук, па словах рэдактара, была ўведзена, “каб не заснуць навечна”. Ясных адносін да нацыянальных меншасцей у Польшчы ніколі не было. Г. Валкавыцкі іранічна ў сваіх нататках накіраваў гэтага пісаў: “Улада прыкмячае нас толькі тады, калі ёй кепска”. Нягледзячы на “несамавіты вэрхал”, па словах рэдактара газеты, беларусы гучна і ўпэўнена заявілі аб сябе як нацыю. У выніку – улады вымушаны былі праламіць сцяну маўчання ў нацыянальнаменшасным пытанні.

Так у васьмідзясятых гадах асабліваю ўвагу да беларусаў праяўляў Мікалай Казак, родам з Белавежы, выпускнік гайнаўскага белліцэя. Ён арганізаваў першую нараду (21 кастрычніка 1983 года) прадстаўнікоў нацыянальных таварыстваў і іх друкаваных органаў. Вырашана было, што такія сустрэчы павінны адбывацца прынамсі два разы на год.

Г. Валкавыцкі – чалавек, апантаны беларускай ідэяй, таму і прапанаваў Аляксандру Баршчэўскаму заняцца праблемамі беларускага літаратурнага працэсу (рубрыка “Беларуская літаратура”).

Газета “Ніва” штодзённа вяла змаганне за чытача. Ці не таму Г. Валкавыцкага хвалюе і тэхнічнае афармленне “Нівы”, за што адказваў сакратар газеты Міхась Баравік. З мэтай удасканаліць знешні выгляд газеты

рэдактар узяў у штаты прафесійнага мастака. Але ж ні адзін з іх, на думку Г. Валкавыцкага, “месца ў рэдакцыі не сагрэлі [1, с. 57]. Таму тэхнічны нагляд таксама клаўся на плечы галоўнага рэдактара “Нівы”.

Нягледзячы на напружаны рытм работы, супрацоўнікі газеты знаходзілі час і для творчай працы. Ужо ў канцы 1956 года Сакрат Яновіч “Роднай глухаманню” даў заяўку на добрую прозу, “Мішкава жаніцьба” Васіля Баршчэўскага сведчыла аб з’яўленні таленавітага празаіка, “Партызаны” Аляксандра Амільяновіча сталі пачаткам пісьменніцкай кар’еры аўтара і г.д.

Без перабольшванняў можна сцвярджаць, што газета дала пачатак паэтычнаму руху, да якога далучыліся прадстаўнікі розных прафесій і сацыяльнага палажэння: беластоцкі рабочы Уладзімір Сасім, селянін Аляксандр Баршчэўскі, студэнт Мікалай Красоўскі, пенсіянер Сцяпан Луневіч, пачынаючы паэт з Гарнопаля Уладзімір Гайдук, рэпатрыянт Мікола Базылюк.

Супрацоўнікі газеты адкрывалі новыя імёны. Хочацца ўзгадаць (згодна ўспамінам Г. Валкавыцкага) дэбют Алеся Барскага на старонках “Нівы”. Пачынаючы паэт даслаў некалькі вершаў у рэдакцыю з прыпіскай: “Калі падыдуць, друкуйце. Як выдрукуеце, прышлю яшчэ, можа нават больш цікавых. З пашанай (нейкія каракулі)” [1, с. 49]. Рэдактар на яўны шантаж не звяртаў увагі, яго падкуплялі вершы, амаль пастаўлены голас, шкада, што не было ніякіх каардынатаў аўтара, а расшыфроўкі патрабавалі і імя аўтара, і некаторыя паэтычныя радкі. З цяжкасцю, падключыўшы “Рэдакцыйную пошту”, Г. Валкавыцкаму ўдалося ўстанавіць імя аўтара.

З баявым запалам стартаваў у 1960 годзе на старонках газеты “Ніва” Віктар Рудчык. З вершамі пачаткоўца рэдакцыя пазнаёмілася дзякуючы старэйшаму брату Віктара Уладзіміру. Неспакойны нораў паэта, неабыякавае стаўленне да жыцця, мэтанакіраванасць былі вызначальнымі рысамі вышэйназванага творцы: “Быў нашай разведкай і сілай хуткага рэагавання. І адышоў ад нас з байцоўскай хваткай”, – успамінаў Г. Валкавыцкі [1, с. 61].

У 1961 годзе на майскай літстаронцы адбыўся паэтычны дэбют Георгія Валкавыцкага як паэта. На старонках “Нівы” ён з’явіўся засакрэчана пад псеўданімам Юрка Зубрыцкі. Верш дэбютанта “Касмічны сон” – гэта адзін са сноў, што мучылі яго кожную ноч у Белавежы пасля вяртання з вайны. Сваім снам Г. Валкавыцкі адвёў нават спецыяльны сшытак. Паэт заўважыў цікавую заканамернасць: як толькі ён перасяляў сон на паперу, той пераставаў праследаваць маладога чалавека.

У маі 1963 года Г. Валкавыцкі прачытаў у “Вожыку” верш-плагіят свайго цёзкі. Абураны нахабствам плагіятара, свой гнеў Г. Валкавыцкі скіраваў на псеўданім, адмовіўся ад яго, а пачуўшы абвінавачванні пра “несацыялістычнае” нутро вершаў, Г. Валкавыцкі ўвогуле на нейкі час пакінуў гэты няўдзячны занятак.

Сёння да гонару Г. Валкавыцкага неабходна адзначыць, што дзякуючы яго намаганням і вопыту пры рэдакцыі было створана літаратурнае аб’яднанне. Яно

працавала семінарскім метадам, з творчым варштатам – літаратурнай старонкай. Г. Валкавыцкі, як старшыня літаратурнага аб’яднання, кіраваўся жыццёвым прынцыпам: сапраўдны талент абавязкова праб’е сабе дарогу, а калі яму падсабіць – праб’ецца хутчэй. Менавіта таму рэдактар газеты “Ніва” перш-наперш звярнуў увагу на літаратурны талент ліцэіста Івана Чыквіна і прасіў дырэктара бельскага белліцэя Яраслава Кастыцэвіча падтрымаць таленавітага маладога чалавека. Пры правядзенні семінарскіх заняткаў для пачаткоўцаў старшыня абапіраўся на вопыт літінстытуцкіх творчых “чацвяргоў”, у якіх “паваленых было больш, чым пераможцаў, як любіў гаварыць Г. Валкавыцкі, але не было палеглых”. Безумоўна, літаратурная сябрына апраўдала сябе. Аб таварыцкіх зносінах творчых людзей можна атрымаць уяўленне з даведніка Г.Валкавыцкага “Літаратурная Беласточчына”. Кніга аб беларусах у Польшчы была выдадзена невыпадкова па-польску, а з мэтай пашырыць веды аб беларусах у польскім грамадстве.

Рабіць газету, як успамінае галоўны рэдактар, было няпроста ва ўсе часы. Перш-наперш, дакучалі кадравыя пытанні. 1966 год. Здаецца, склад рэдакцыі неблагі, але гэта пераважна студэнты-завочнікі. Г. Валкавыцкі добра разумеў, што для іх не газета, а вучоба на першым плане. Па гэтай прычыне перад рэдактарам востра паўстала пытанне пазаштатных карэспандэнтаў. Г.Валкавыцкі ўдзячны быў Карпюку і другім беларускім пісьменнікам, якія згадзіліся на бясплатнае перадрукаванне сваіх твораў на старонках “Нівы”. Як вядома, грашовыя ашчаднасці ішлі на павышэнне “стыпендый” рэдакцыйных студэнтаў.

Нельга не ўлічваць і той факт, што змены ўлады, гістарычныя ўмовы адбіваліся найчасцей адмоўна на лёсе газеты, здароў’і галоўнага рэдактара. Г.Валкавыцкі на інтуітыўным узроўні адчуваў небяспеку для свайго дзецішча. Пасля закрыцця тыднёвіка “Папросту” рэдактар “Нівы” разумеў, што бяда набліжаецца і да яго выдання, якое знаходзілася напярэдадні выхаду ў свет сотага нумару. І гэта было не проста прадчуванне. Гальяш Федаровіч, важны чыноўнік Управы ўнутраных спраў, знаўшоў у “Ніве” усе заганы “Папросту”. Г.Валкавыцкі вырашыў заняць нейтральную пазіцыю, ён не спрабаваў нават адбівацца, бо ў выступленні “пракурора” была адна фантастыка, з якой, як вядома, змагацца безнадзейна. Выратавала адчайная здагадка рэдактара: – Ці вы чытаеце “Ніву”? – паўжартам паставіў пытанне Г. Валкавыцкі. – Не, не чытаю. Але, добра пашукаўшы, і ў “Ніве” ўсё можна знайсці. Пасля такога дыялога суд над газетай адклалі на невызначаны час.

Гром над газетай разразіўся наступны раз у студзені 1972 года ў сувязі з перафарміроўкай ваяводскіх вярхоў. Нораў новапрызнанага гаспадара найболей спазналі беларусы. Адзін з падданных Куроўскага (кіраўніка партыйнай арганізацыі) учапіўся, як клешч, у першы лепшы нумар газеты “Ніва”. З канкрэтнага артыкула ён узяў радок, у якім Я. Чыквін параўнаў вершы Шведа да ананімнай паэмы “Лысая гара”, а далей пачаліся фантазіі, якія завяршыліся

даволі непрыемнай высновай: “У “Ніве” апафеоз антысавецкага твора!” [1, с. 131]. Як вядома, на гэтую лухту вымушаны быў рэагаваць старшыня камісіі партыйнага кантролю, што ў сваю чаргу ўнесла негатыўныя карэктывы ў змест тыднёвіка.

У газеце за 2 красавіка 1972 года была апублікавана гутарка з Адамам Мальдзісам аб праведзеных пошуках беларускага даследчыка ў польскіх архівах. Апавед ішоў пра паэму “Мачыха”, напісаную ў 1950 годзе і падпісаную псеўданімам Анэля з Устромя. Даследчык радаваўся, што адкрыў першую беларускую паэтэсу. Але занятак Мальдзіса не прыйшоўся да душы польскім мусаўцам. Яны абвінавацілі даследчыка ў тым, што ён перашывае польскіх светачаў у беларускую скуру: “Немцы адымаюць ад нас Каперніка, літоўцы – Міцкевіча, і вы прысвойваеце палякаў?!” [1, с. 134]. Тым не менш, нягледзячы на хітрыя падкопы, злыя нагаворы, не спыняўся беларускі рух. І як вынік – сямідзясятая гады вызначаліся стабільным і высокім тыражом “Нівы” (у сярэднім 7500 экзэмпляраў).

Паступова пашыралася геаграфія чытачоў. У 1970 годзе аб’явіўся чытач газеты “Ніва” аж у Ташкенце. Беларус Іосіф Грыцук у пошуках хлеба і свабоды пераехаў у Аргенціну, дзе прымаў актыўны ўдзел у арганізацыі беларускага жыцця. У вайну прыняў савецкае падданства, трапіў у Ташкент. У 60-ыя гады пабываў у родным краі (родныя Валілы), пазнаёміўся з “Нівай”, пасля чаго сваякі з Беластока перасылалі яму рэгулярна газету.

Пашыралася і геаграфія карэспандэнтаў. На старонках “Нівы” былі надрукаваны вершы беларускага паэта Славаміра Хадаронка з Калінінграда. Падтрымаў яго Г.Валкавыцкі невыпадкова. Хадаронак вучыўся ў Літаратурным інстытуце ў Ягора Ісаева, у якога ў свой час вучыўся і рэдактар “Нівы”. А жыве Славамір Хадаронак у горадзе, у які вайна закінула ў свой час і Георгія Валкавыцкага. На здымках з фотаальбома, які даслаў паэт з Калінінграда ў рэдакцыю беластоцкай газеты, Валкавыцкі пазнаў залацістую алейку над азярцом, дзе падчас штурму горада ён перажываў крытычныя хвіліны.

Са словамі ўдзячнасці ў рэдакцыю газеты звярнуўся Уладзімір Клішэвіч, які жыў на паўднёвым захадзе ЗША, і выпадкова даведаўся, што на старонках тыднёвіка “Ніва” былі перадрукаваны яго вершы. Эміграцыйная прэса гэты факт замоўчвала. Г. Валкавыцкі ўзяў вершы Ул. Клішэвіча з альманаха “Ля чужых берагоў”. Рэдактарам кіравала адзінае жаданне – пазнаёміць беларускага чытача, што жыве ў Польшчы, з цудоўнай паэзіяй. Але не наўмысна Г.Валкавыцкі наклікаў гнеў эміграцыі на Уладзіміра Клішэвіча, на творы якога было накладзена вета.

У 1977 годзе чытачом і аўтарам “Нівы” стаў венгр Іштван Дабі. Цікавы факт: ён ніколі не сустракаўся з беларусамі, беларускую мову вывучаў па слоўніках, валодае дзевяццю еўрапейскімі мовамі, перакладае з дваццаці, з 1971 года жыве ў Гданьску.

У тыднёвік “Ніва” дасылаў свае паэтычныя творы, “пялёсткі”, як іх называў Г. Валкавыцкі, Фёдар Сухаў. Ён жыў у Расіі, у Горкаўскай вобласці (мястэчка

Красны Асёлак), у гады вайны прымаў удзел у вызваленні Белавежы, ляжаў у Беластоку ў шпіталі, пазней разам з Валкавыцкім вучыўся ў літінстытуце. З творамі вышэйпералічаных мастакоў слова можна пазнаёміцца ў рубрыцы “Адгалоскі”, якая з’явілася на старонках газеты дзякуючы намаганням галоўнага рэдактара.

З гадамі Г. Валкавыцкаму ўсё часцей хацелася вызваліцца ад рэдактарскіх пут, пайсці на пенсію, пахадзіць па краі, запісаць мімаходнае. Тромбафлебін пастаянна нагадваў аб сабе. Г. Валкавыцкі часам ледзь дабіраўся да рэдакцыі. Пасады трымаўся, як ён сам ацэньвае адносіны да свайго сацыяльнага статусу, – па прычыне слабога характару: то газеце вось-вось павінны выставіць воўчы білет, а на вызваленым месцы плануюць стварыць польскамоўны тыднёвік, аб чым ён даведаўся ад Сакрата Яновіча, у рукі якога выпадкова трапіў план культурнага развіцця Беласточчыны; то злёг у бальніцу графічны рэдактар Стэфан Рыбі, таленавіты мастак, і няма каму рабіць макет газеты. А магчыма, праца і яшчэ раз праца – гэта самая звычайная спроба супрацьстаяць хваробе.

Калі ж канчаткова вычарпаўся стрэсавы запас, Георгій Валкавыцкі адмовіўся прымаць удзел у выбарах на пасаду старшыні БГКТ (1984 год). І адразу на з’ездзе (X з’езд БГКТ, 06.05.1984), як ён піша ў нататках “Віры”, – адчуў камфорт незалежнага чалавека: “Хоць і пасадзілі ў прэзідыум, але ўпершыню быў я звычайным дэлегатам – ніякіх функцый, ні заданняў: глядзі і слухай” [1, с. 175]. Ад нахлынуўшай вольніцы пачаў сумаваць, хаця паранейшаму рэдагаваў “Ніву” і рабіў сваю гумарыстычную старонку, наведваў аўтамабільныя курсы. У 1987 годзе, як не балюча было, але ж вырашыў: “Усё. Закончаны мой летапіс, кропка” [1, с. 181]. Марыў пакінуць пасаду рэдактара светлым акордам. І толькі аб гэтым падумаў, як яго ветліва запрасілі павесткай прыняць удзел у пленарным пасяджэнні ГП БГКТ (22 лістапада 1987 г.), у парадку дня якога – “ацэнка тыднёвіка “Ніва”. “Значыць, засвярбелі гэпісцкія рукі! За тыдзень іду на пенсію. Хочуць працасаць мае нервы. Арыгінальны гасцінец. Г. Валкавыцкі хоць і слыў чалавекам з жалезнымі нервамі, многія яго пабойваліся, але ўпершыню вырашыў паступіць па-свойму, пагрэбаваў ветлівасцю “ацэншчыкаў” [1, с. 181].

Амаль трыццаць гадоў Г. Валкавыцкі быў нязменным рэдактарам газеты “Ніва”. Да гонару заснавальніка тыднёвіка неабходна дадаць і наступны факт: “Тыя, хто хоць адзін раз зацікавіліся “Нівай”, у 80% становяцца яе сталымі чытачамі (згодна апытальніка, на аснове якога і рухалася гаворка на пленуме)” [1, с. 182]. Як бальзам на душу былі лісты, якія атрымаў Георгій Валкавыцкі ў разгар пакут расставання. “Я стаў падпісчыкам вашага пекнага і вельмі карыснага не толькі для беларусаў Беласточчыны, але і ўвогуле для ўсіх беларусаў, часопіса “Ніва”. Дагэтуль, на жаль, я не меў магчымасці выпісваць яго, хоць упершыню пазнаёміўся з Вашым цудоўным выданнем яшчэ будучы студэнтам беларускага тэатральна-мастацкага інстытута. Маю вялікую надзею застацца аж да канца дзён сваіх гарачым прыхільнікам Вашага часопіса.

... Працую я пробашчам каталіцкай парафіі на Гродзеншчыне... Добра знаёмы з пробашчам парафіі Вішнева кс. Уладыславам Чарняўскім, які (адзін на ўсю Беларусь) адпраўляе набажэнства на беларускай мове. Ён таксама атрымоўвае “Ніву”.

... Я закаханы ў творы пісьменнікаў Вашага краю, у асаблівасць і непаўторнасць іх мовы” [1, с. 183].

Завяршаецца кніга “Віры” невялікім творам “Адгалоскі”, які напоўнены шэрагам пытанняў і сцверджанняў. Г. Валкавыцкага хвалюе: ці прачытае гэтыя нататкі ўнук? Нашчадкі беларускай справы? Для нас важна ведаць, што і як рабілі нашы папярэднікі, каб адрадзіць беларускі рух, у прыватнасці, на Белавежы.

Літаратура:

1. Валкавыцкі, Г. Віры. Нататкі рэдактара / Г. Валкавыцкі. Бібліятэчка беларускага літаратурнага аб’яднання “Белавежа” пад рэдакцыяй Яна Чыквіна. – Беласток, 1991. – 184 с.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ПЛАМЕННЫЙ ЗАЩИТНИК СВОБОДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Т.Б. Лиокумович,
д. фил. н., проф.
(США, Чикаго)

Аннотация

В статье представлены материалы, рассказывающие о судьбе украинского писателя поэта, прозаика, публициста, критика А. Гаврилюка и его связях с Брестчиной. Анализируются его стихотворения, поэма «Песня из Берёзы», документальная повесть «Берёза», рассказывающая о Берёзокартузском концлагере – кровавом застенке, затерявшемся среди полесских болот, где довелось ему испытать тот ад, который существовал в концлагере.

Ключевые слова

Народ, писатель, творчество, служение, борец, Брестчина, узник, историческая память

Географическое пограничное месторасположение Брестчины веками определяло напряжённую судьбу её обитателей. Вихревые исторические ветры часто пролетали над ней разрушительными ураганами и тайфунами. Чтобы выстоять в жестоких грозах и бурях, жителям приходилось проявлять самоотверженность, мужество, непоколебимую веру в своё право на мирную жизнь и созидательный труд.

Среди славных имён, связанных с Брестчиной, почётное место принадлежит украинскому писателю и общественному деятелю Александру Гаврилюку – че-

ловеку пламенной жизни, жизни-горения, жизни-подвига, посвящённой служению трудовому народу.

Убеждённый борец за национальное и социальное освобождение населения Западной Украины и Западной Белоруссии от панского гнёта, при котором жизнь крестьянской бедноты была настолько нищенской, что даже не имелось достаточно хлеба ни для взрослых, ни для детей, а белорусы к тому же ещё презрительно считались холопами, бескорыстно служил правому делу, несмотря на неминуемые крайне жёсткие преследования.

«Это был человек добрый, мужественный и смелый», – вспоминал о нём товарищ по подпольной работе [4]. И другой его соратник свидетельствовал: «Был добрым человеком, пламенным пропагандистом, несгибаемым и неподкупным революционером /.../ Жизненный опыт, поэтическое дарование заметно выделяли его среди сверстников. В чутком сердце его со всей силой отдавались стоны измученной нашей земли, горе народа» [3].

Сын полесского крестьянина страстно разоблачал близорукую ограниченность агрессивного польского национализма и узколобую оголтелость клерикализма, обличал отвратительный облик фашизма. А.Гаврилюку за 10 лет (1929-1939), как особо опасному для властей возбудителю к действию народных масс за воссоединение со своими восточными единокровными братьями, за воссоединение искусственно разорванного народного тела довелось пережить 14 арестов польской полиции, следствий и судебных процессов. Он прожил короткую жизнь, всего лишь 30 лет (1911-1941, погиб в первый день нападения фашистов на Советский Союз во Львове во время бомбёжки), из которых половину пришлось провести в тюрьмах, дважды сидеть в концлагере Берёза Картузская, считавшегося из-за бесчеловечного отношения к узникам лагерем смерти.

Свой литературный талант, своё вдохновенное слово, как и свою жизнь, писатель – поэт, прозаик, публицист, критик – посвятил активному служению трудовому народу. Его жизнь и творчество – наглядный образец несломленного духа борца за народное счастье.

Поэзия А. Гаврилюка – это песни борьбы, песни-призывы, песни-мобилизации, песни-плакаты:

Рвуться слова, снуються, тчуться пісні-плакати, –
кину я їх через ґрати над стріхи селянської хати,
а друзі там їх підхоплять і розгорнуть грудьми молодими,
і пісня плакатом зависне, –
хто ці плакати зніме! [1, с. 17] *«Плакати» (1933)*

Поэт считал, что именно такие стихотворения нужны, потому что «на нашій не своїй землі» [1, с. 21]

Бастілії лиш там, де лад спорохнявів,
їх творить тільки той, кому шляху не стало. [1, с. 19]
«Береза» (1937)

А. Гаврилюк вопрошал:

І чи не був за хліб насущний
тобі і гніт, і піт, і труд,
і чи не все, що зніс твій люд,
це зніс і ти, і чи не слушно
казать, - така й душа твоя?
- Так є! – відмовив тихо я. [1, с. 28]
«Львів» (1939)

Поет призывал укреплять «між народів дружби дух» [1, с. 23],

де в боротьбі, немов у кузні,
виковувала кривда й гнів
щдяхи у сяйво інших днів.... [1, с. 27]
... Знімись же, пісне, і гори,
вогнем розсвічуючи вичність,
і клич її: вона прийде,
Весна нова для всіх людей! [1, с. 30]
«Львів» (1939)

Стихотворение «Голова ти моя нелегальна» воспринималось как гімн стойкости политзаключённых, неукротимых предвестников осуществления народной воли.

В. Ласкович почти через столетия вспоминал: «С первыми освободившимися из тюрьмы политзаключёнными стих стал крылатым. Мы тогда не знали ни автора стиха, ни места его рождения, но постоянно декламировали на вечеринках, массовках, в ночном.

Местные «композиторы» как могли перекладывали слова стихотворения на музыку, в каждом месте придавая оттенок, свой колорит, чтобы ещё больше подчеркнуть силу духа, непреклонность борцов, воспетых в произведении» [3].

Олицетворяя в себе сочетание политического и трагического, стихотворение стало народной песней, т.к воплотило в своих воодушевлённо пылких строках нравственную негибаемую и неподкупную суть страстотерпцев за торжество свободы.

Подтверждением того, что «этот крестьянский парень умеет блестяще говорить языком нашей эпохи» [1, с. 8], как отметил один из современников А. Гаврилюка, наглядно свидетельствуют его поэмы «Песня из Берёзы» и «Львов», воспевшие представителей народной массы, не смирившихся с угнетённым положением, поднявшихся на борьбу за освобождение из-под панского гнёта.

Поэт показал себя в них мастером композиции, умело воплотившим в поэтических строках мысли и идеи, чувства и настроения своих мужественных героев. Автор сочетает в поэмах ироническое и сатирическое изображение, удачно пользуется аналогиями («щоб кості зворушились знову, Залізняка і Пугачова / і щоб прорвався з усіх віків / народний, буреносний гнів» [1, с. 21],

выразительными сравнениями («слова б я важив, як каміння» [1, с. 20] , “тут панський гніт, мов мур, стоїть» [1, с. 22], точным употреблением слов, придающих фразе афористический характер («не кожний любить, щоб по місті / ходив за ним слідами хтось...» [1, с.25], «лови в житті весни хвилини / і світ цей, знову молодий, / всім тілом безтурботно пий!» [1, с. 29]. В центре художественных произведений образ самого писателя. Их автобиографичностью объясняется неразрывное переплетение гражданских мотивов с личными переживаниями, с непрерывными размышлениями об общественных заботах. Автор плодотворно продолжает традиции Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки («Вкраїно гнівна чорніх мас, / яку на пана вів Тарас, / де Лесині слова говорять / і духа вільного ведуть / на посту і волі путь» [1, с. 26].

Свои стихотворения, свою «Песню из Берёзы» А. Гаврилюк создавал в абсолютно непригодных условиях для творчества. В концлагере не разрешалось иметь при себе ни бумаги, ни карандашей. Возникшие поэтические строчки необходимо было держать в голове. У одного из товарищей поэта по заключению, любившего поэзию, к тому же была исключительная память. Он и запоминал строки, которые автор доверял ему. А. Гаврилюк вспоминал: «Так створив я в Березі три розділи поеми, яку закінчив вже після звільнення з концтабору /.../ І до цієї своєї дитини я відчуваю найніжнішу любов, мабуть, не за художню вартість твору, а за спомин про обставини, в яких я укладав ці вірші» [1, с. 120].

Центральное место в небольшом творческом наследии А. Гаврилюка (часть, из написанного им, не дошла до читателей, поскольку погибла в застенках дефензивы, изъята при арестах и обысках, сгорела в пламени войны) вместе с поэмой «Песня из Берёзы» занимает повесть «Берёза». В этих произведениях, взволнованно повествуется о жестоких издевательствах в лагере смерти в Берёзе Каргусской. В их основе изложение жутких событий, перенесённых мучительных истязаний самим автором и выпавших на тернистую долю других народных заступников.

Документальная повесть «Берёза» гневно разоблачает тот ад, который существовал в концлагере. Она состоит из выстраданных авторских наблюдений и размышлений о пекле, которое власти уготовили для тех, кто протестует против неволи и добивается справедливости. Её страницы написаны кровью сердца, воспринимаются жгучим обвинением диких порядков.

Отвращение вызывают образы здоровенных верзил со звериным обликом: жестоких, злобных, коварных охранников с хищными взглядами, ограниченных, тупых, с безрассудным удовольствием издевающихся над заключёнными, изуверски исполняющие своё грязное дело, наслаждаясь муками жертв. Писатель разоблачает садизм обладателей отвратительных морд, изошрённо вероломно и подло измывающимися над находящимися под арестом. Мерзкий собирательный образ полицейских негодяев перерастает в олицетворение гнусной панской вампирско-эксплуататорской политики в отношении к народу, который не может и не хочет смириться с тем тяжёлым нечеловеческим держимордовс-

ким режимом, с тем ярмом, в которое насильно загнан свирепыми стражниками существующего насильственного порядка.

Берёзокартузский концлагерь – кровавый застеноч, затерявшийся среди полесских болот, олицетворявший мерзостный мир подлости, был призван полицейским террором защищать господство угнетателей, позволял и вдохновлял изуверов издеваться над лучшими представителями народа так, как заблагорассудится извергам, в итоге воспринимается как гнойный государственный нарыв, от инквизиторской пакости которого необходимо очистить землю.

Зверское отношение к себе усиливает у узников, поставленных в невероятно невыносимые условия существования, презрение и ненависть к угнетателям, ещё сильней убеждает в правильности избранного ими тяжкого пути борьбы за избавление народа от деспотической власти, преследующей в стране всё прогрессивное. Находящиеся за тюремными стенами всё больше убеждаются, что жить в навязанном им несправедном обществе и не бороться против него невозможно.

Из узника Берёзы Картузской, прошедшего через конспирацию и подполье, преследования и тюрьмы, преднамеренно пытались выбить всё человеческое, изощрённо унижить его достоинство во имя того, чтобы запугать, сломить, заставить отказаться от своих взглядов, от идеала верного служения бесправному народу, перестать быть защитником людей труда. Проходя через мучительные пытки, через невыносимые страдания, он не отказывается от своих убеждений, от своей порядочности, от своей веры в необходимость освобождения родного народа от национального и социального угнетения, сохранить честь борца за народное дело и своё право на дальнейшее сопротивление. Сквозь маску слепого послушания, сквозь видимость отступления от своих взглядов, под покровом якобы инертности и пассивности вынашивает отпор издевателям, формирует солидарность заключённых. Становится понятным, что не подлые и угодливые жестоким властям надсмотрщики, как злющие собаки, охраняющие существующий порочный строй, а измученные узники, презирающие своих мучителей, не теряющие верности нравственных позиций, хотя загнаны, как звери в клетку, и подвергаются нечеловеческим глумлениям, выйдут победителями из несправедливого поединка.

Автор детально изображает Берёзу Картузскую как изворотливый синтез омерзительных пороков одичавшего мира, как предсмертную агонию отмирающего античеловеческого клана. Он описывает конкретные детали, наглядно передающие вопиющие варварские картины концентрационного лагеря как смрадную опору и охрану существующего антинародного государственного устройства. Берёза Картузская вырастает в образ маньяка, в безжалостную машину уничтожения, как порождение враждебных интересов трудового народа полицейского аппарата, который вызывает негодование и презрение к себе.

Закономерно, в повести «Берёза» рассматривается роль художника слова во всенародной борьбе против угнетателей. Главное для героя – выдержать суровые испытания, выпавшие на его долю в лагере смерти, когда он даже лишился имени и значится под номером 820. Его беспокоит только одна мысль: «Чи можна стати таким твердим, щоб видержати й не поддатись?» [1, с. 82]. Повесть

и отвечает на этот животрепещущий вопрос. Шаг за шагом, день за днём писатель фиксирует, как закаляется характер измученных людей, которые под полицейскими резиновыми палками, униженные и оскорблённые, вынашивают ответ своим истязателям, готовы в любую минуту погибнуть, но ни в коем разе не перейти в позорный лагерь господствующих повелителей и свирепо их охраняющих мучителей-надсмотрщиков.

А. Гаврилюк с полным правом гордится тем, что над ненасытной утробой зла, дряни и предательства торжествует правда, которая поддерживает настоящих людей и не позволяет им в самых ужасных ситуациях сойти с избранного пути. Он признавался, что испытывал наибольшую радость от того, что нигде не запачкался и никогда не согнулся.

Повесть наполнена внутренними монологами, что придаёт ей сильное эмоциональное воздействие на читателей.

Благодарное отношение к защитникам бесправного многострадального народа выражено в сочувственном отношении полешуков к бывшим узникам, протестовавшим против мучительной неволи, в горячем одобрении простыми людьми, душевно приветствовавшими тех, кто не щадя своей жизни боролся за избавление от бед, нищеты, гнёта и бесправия, ведя разъяснительную работу среди крестьян в обстановке слежки и преследований: «Стара, сива білоруська селянка з довгою закривленою палицею кажа до мене:

– Ох, і натерпілися ви, голубчики. Ми здалеку лише бачили ваші страждання – і то важко було витерпіти. Ну, хлопці, може хочете їсти, може, вам що потрібне?» [1, с. 139];

«Ми йшли – колона воскреслих трупів, – і білоруські селяни виносили нам їсти: ось з подальшого хутора біжить хлопчина, ледве несе обіруч цеберку з молоком /.../ Ось жінка несе кіш сиру, а дідусь, підпираючись палицею, підходить до нас з яблуками». [1, с.141].

А. Гаврилюк был прав, заявляя: «Везде мы есть, везде мы будем, так как нам принадлежит будущее, ибо мы из народа, ибо мы народ...» [3]. В достоверность мнения народного заступника позволяет убедиться признание космонавта Петра Климука, родившегося в тех местах, в которых проходила подпольная деятельность А. Гаврилюка. Он узнал о своём земляке-бунтаре, вступившем в открытую борьбу против господствующего класса угнетателей, ещё до того, как научился читать: «Мать рассказывала мне о секретаре подпольного райкома компартии Западной Белоруссии Александре Гаврилюке. На земле родной моей Брестчины прошли годы его сурового подполья /.../ «Песня из Берёзы» – книга о мужестве, о силе человеческого духа. Эта книга зовёт к борьбе за мир на нашей планете, за счастье будущих поколений, за то, чтобы никого, никогда и нигде не встретила Берёза Картузская /.../ Его пламенные строки несли в своих сердцах лучшие сыны и дочери украинского и белорусского народов» [2].

Произведения А. Гаврилюка, проникнутые уважением и заботой о человеке, воспринимаются символом борьбы против деспотизма, дикости, несправедливости, угнетения, агрессивного национализма и предвзятого клерикализма, от-

стаивают гуманистические принципы человеческого содружества. Они находятся в одном боевом ряду с книгами стойких борцов против любой формы насилия болгарина Николы Вапцарова, поляка Владислава Броневского, чеха Юлиуса Фучика, татарина Мусы Джалиля. Пламенное слово писателя по-прежнему призывает к мужеству и стойкости во имя счастья народного, убеждает в торжестве правого дела, в необходимости преемственности поколений.

Вся жизнь, вся насыщенная борьбой непокорная судьба Александра Гаврилюка, его произведения напоминают людям о пережитых страданиях, взывают к человечности, убеждают, что социальная справедливость, национальное равенство, братские взаимоотношения содействуют благополучию, что мирное сосуществование предпочтительней и полезней враждебных козней.

Произведения А. Гаврилюка набатно возвещают, что историческая память упорно сопротивляется предвзятым нарушениям её истинности, разному роду фальсификациям в угоду надуманному переосмыслению в авантюрных интересах, воспринимаются не просто как художественные сочинения, но ещё и как исторические документы. Правдивые, достоверные, честные, служащие упрёком тем, кто тужится переписать историю, представить её в ложном свете, не понимая, что без объективного восприятия прошлого невозможно правдиво обустроить настоящее и надеяться на светлое будущее.

Брестчина высоко чтит память об Александре Гаврилюке – героическом борце, патриоте и вдохновенном творце, имя которого вписано в историю белорусского и украинского народов. Его произведения перенесены и на белорусский язык. К переводу поэмы «Песня из Берёзы» обращались Рыгор Семашкевич и поэты-берестийцы Нина Матяш и Михась Рудковский. Внимательно отнёсся к исследованию жизни и творчества писателя брестский литературовед Владимир Колесник.

В 1965 году открылся Берёзовский исторический музей, в котором представлены материалы о жизни писателя и его книги. Экспонаты о нём помещены и в других краеведческих музеях области.

Литературный клуб имени А.Гаврилюка действует в школе деревни Комаровка, в которой учился космонавт Пётр Климук. Праздники, посвящённые памяти А.Гаврилюка, проводятся совместно с писателями Брестской и Волынской областей, которые выступают перед трудящимися заводов и фабрик, в высших и средних учебных заведениях, в городских и сельских школах, высаживают аллеи дружбы.

Статьи о писателе помещены в ряде белорусских энциклопедий.

Пламенному защитнику свободы и справедливости суждено вечно жить в благодарной памяти потомков.

Литература

1. Гаврилюк, Олександр. Вибрані твори / О. Гаврилюк. – Львів: Каменяр, 1976. –160 с.
2. Климук, Пётр. Рядом со звёздами / П. Климук. - М.: Молодая гвардия, 1979. – 224 с.
3. Ласкович, В. Сквозь вихри враждебные / В. Ласкович - «Заря». 7.08.1981. №151.
4. Цит. по: Дмитрів Г. Ми зачаровани на Схід / Літ. Україна. 21.09.1976.

УДК 811.161.2

ББК 81.411.4

“БИТВА НАРОДІВ” У ВЕСІЛЬНИХ ПЕРЕСВАРКАХ ЗАХІДНИХ ПОЛЩУКІВ: ІСТОРИЧНА ОСНОВА ОДНОГО ДРАМАТИЧНОГО МОТИВУ

В.Ф. Давидюк, д. фил.н., професор
кафедри української літератури
Їсходневропейські національні
університет імя Лесі Українки
(Україна, Луцьк)

Аннотация

В статье анализируются тексты западнорусских песен о «битве» между местными девушками или женщинами и их близкими соседями, обозначенными «литвой». В практическую плоскость ставится дилемма происхождения такой дифференциации: то ли она этнонимического плана (литвины - нынешние белорусы) то ли хоронимического. На основании как в прежние времена, так и донныне локаций в этих рамках единого этноса автор приходит к выводу, что в основу описываемого различия легла линия разграничения между Великим княжеством Литовским и Волынской землей во времена правления Гедимина. Эта линия разделения была актуальна с 1315 по 1340. По мнению автора, именно в это время она могла отразиться и в песенной традиции.

Ключевые слова

Великое княжество Литовское, Волынская земля, западнорусские песни, этнос, песенная традиция

На нинішньому етапі розвитку фольклористичних досліджень вже недостатньо зупинятися на виражальних засобах фольклорних текстів та таких собі суто філологічних зрізах. Фольклор увібрав у себе чимало історичних, економічних, демографічних фактів, які не потрапляють і до відповідних галузей, допоки на них не звернуть уваги фольклористи. Самим же фахівцям із вивчення традиційної вербальної словесності часто бракує елементарних знань з суміжних галузей, які б дозволили розкрити фольклорний сюжет чи мотив у всій повноті закладеної в ньому інформації. На сьогодні це загальна тенденція не тільки української науки, а й багатьох інших у межах пострадянського простору. І хоч кожна дискретизована з загальнорадянської національна традиція намагається знайти свій шлях із цього тупика, тенденційність все ще заважає повноцінному новітньому осмисленню в рамках свого, традиційного. Якщо науковці відриваються від цього звичного берега, то неодмінно потрапляють до іншого – припасовування західних теорій до національного матеріалу. Однак ще ніколи копія не перевершила оригіналу. Тому-то ні на що більше, ніж на секундарність у світовому науковому процесі ці дослідження претендувати не

можуть. Свої їх не сприймають в цілому, чужі – всерйоз. Часто ще й тому, що для західних національних традицій це вчорашній день, а шлях наукового пізнання, як до прикладу, структуралізм, визнаний і там тупиковим.

Водночас у нас на поверхні лежить чимало матеріалу, який може бути цікавим не тільки нам, а й представникам інших країн, які знайдуть у ньому й своє втрачене коріння, свою історію. Історичне прочитання фольклорних текстів, яке втратило свою актуальність від середини ХХ ст. через існуючі рамки офіційного потрактування минулого, тепер отримало новий шанс. Доступ до чужоземних архівів відкрив історикам очі, що існує ще й інша не татіщевська історіографія а відтак і зовсім інша інтерпретація відомих подій.

Зовсім не згадується в цій історії про належність окремих українських етнічних земель до Великої Горватії, непомітне місце відводиться утвердженню на них Великого князівства Литовського. Тому історія українських земель Х – ХІІІ ст. нагадує підручник з багатьма вирваними сторінками, а ХІV ст. – книгу, ще не викуплену з книгарні. Водночас ця історія, так і не зійшовши в пам'яті нових поколінь, не загубилась у народній пісенності, адже «з пісні слова не викинеш».

Мета цієї розвідки звернути увагу на один з рідкісних текстів з інтерполяцією описуваних подій у далеке минуле. У ньому згадується про Литву як нападника, а місцеве населення як оборонця. Як неважко встановити, напад, як і багато середньовічних, відбувається не без переслідування мети захоплення нападниками іншоетнічних дівчат. А на передньому плані оборони постає «військо дивоцькое».

Тема дівочих воєн доволі популярна на Західному Поліссі. Одним із перших на неї звернув увагу професор Іван Денисюк, присвятивши цій темі окрему працю [6]. Увагу вченого привернула пісня:

*Круз наше сило турецькоє
Пройшло войсько дивцькоє.*[6. 15]

Дослідник звертає увагу на військову організацію «війська дивоцького». Рухаються вони «полком», з хоругвою, з барабаном. Участь у поході іде в доле-носний залік кожній з його учасниць залежно від проявлених старань і рангу, визначеного дівочим гуртом, тому:

*Которая хоругву нисла,
Тая перша замуж пушла.
Которая в барабан била,
Тая виросла, як кобила* [1].

Минулий час оспівуваних подій дозволяє сприймати їх як спогад. Одначе він подається в динаміці, знаходячи своє продовження. Але це не далеке мину-

ле, а порівняно недавнє, яке відбулося за пам'яті одного покоління. Ключове слово «виросла» розкриває віковий маєстат учасниць як під час «походу», так і згодом. На час походу це ще дівчата підліткового віку, які тільки бавляться у свої війни.

Інший вік дівчат, які «воюють» у купальських піснях Західного Полісся:

*Сьоння Купала, а завтра Ян.
Підим, дивойки, в зилений гай.
Будем битись, воювати,
Своїх женишків ни 'ддават... [1].*

Тут уже не дитячі забавки. Цілком дорослі стосунки із серйозними причинами і намірами. Оскільки вибір пари визначався окремими «доленосними» ритуалами, пов'язаними з мантикою, перелюби цієї ночі були нормою. Та навіть такі оказіональні зв'язки між молоддю обох статей, як дає зрозуміти купальська пісня, закінчувалися сватанням і відповідно згодою обох родів на шлюб.

*На Купали була,
Спідницю забула.
Не піду додому –
Боюся сорому.
Тільки я пуд хату
Батько за лопату.
Піду до сусідув
Спудниці прохати [1].*

*Була на Купали
Посмалила гали.
Сором дівко, сором,
Вже свати за столом [1].*

Якщо порівняти з попереднім «військом дивоцьким», складається враження, що йдеться про два різних «походи» і дві різні «війни». Так воно й є насправді. На Купала дівочий гурт очолює «молодая молодиця», колишня подруга, яка від часу минулорічного відзначення цього свята останньою вийшла заміж. Хоч загальноприйнято вважати, що відзначення середини літа було за давніх часів водночас і весіллям, тобто фактично заміняло його, купальські пісні відображають цивілізованіші шлюбні стосунки, ніж весільний обряд західних поліщуків. У своїй основі він імітує шлюб через викрадення нареченої з її подальшим переховуванням та погонею з боку скривдженого її роду.

Справжні наміри викрадачів проявляються не одразу. Спочатку пробують взяти дівчину начебто без зайвих ексцесів:

*Добрий день, свате, до твої хате.
А де ж тее дитьо, що нам є взате?
Чи виписане, чи намальоване?
Се виписане, то нам узети
Се намльоване к стині прибетти [7, 98].*

Проте це тільки хитрий підступ. Справжні наміри молодого проявляються ще з моменту збору боярів у похід по молоду:

*Розходився Іванко по роду,
Збираючи бояри до столу:
– Збирайтеся, буярки, до столу,
А поїдем до тестейка на войну,
Та звоюєм тестейка в тім дому,
І візьмемо Гальочку молоду [7, 67].*

Інша пісня описує й головний об'єкт нападу – оборонну стіну, яку спеціально зводили перед хатою до приїзду молодого, яку самому йому не здолати, необхідна допомога всього роду:

*Збирайся, родойку, та до столойку, 2
То поїдемо всі на вуйноньку. 2
То ми пруб'ємо новую стінку 2
То й заберемо й од тестя дівку. 2 [7, 67]*

Така «війна» була звичною сценою весілля в хаті молодої, адже закінчувалася удаваним «грабежем» тестевої хати та подвір'я. Однак колізія таких дійств обмежувалась міжродовим протистоянням і ніколи не виходила на «міжнародний» рівень. Міжетнічні шлюбні не вважалися нормою, тому й весільна пісенність про такі не згадує.

Єдиний текст, який побутував на всій території Полісся, згадує про наступ Литви. Вперше цей текст записав Дмитро Яворницький на Чернігівщині. Згодом його фіксували на Полтавщині, Житомирщині і навіть серед українських переселенців у Башкирії [3, 809]. Пояснення його змісту коштувало немалих зусиль для радянських фольклористів. Врешті-решт спромоглися на пояснення, що «литва» – це такий же узагальнений образ ворога, як «дунай» – води. Однак з приміткою, що призвідниками до появи такої семантики слова були литовські феодалі, які в XIV ст. «захопили частину земель України, Білорусії й Росії... та здійснили агресивні напади на Московське князівство» [3, 809]. Таке пояснення на той час не викликало жодних зауважень із боку цензури.

Та попри таку широку географію поширення найповніший текст пісні з численними варіантами побутує на Ратенщині, що служить вагомим аргументом і на користь локусу її походження.

В одному з таких текстів, колізія розгортається в етнополітичній площині. Один із родів чи то з Литви, чи то представляє етнічних литвинів, тобто в сучасному розумінні цього слова білорусів.

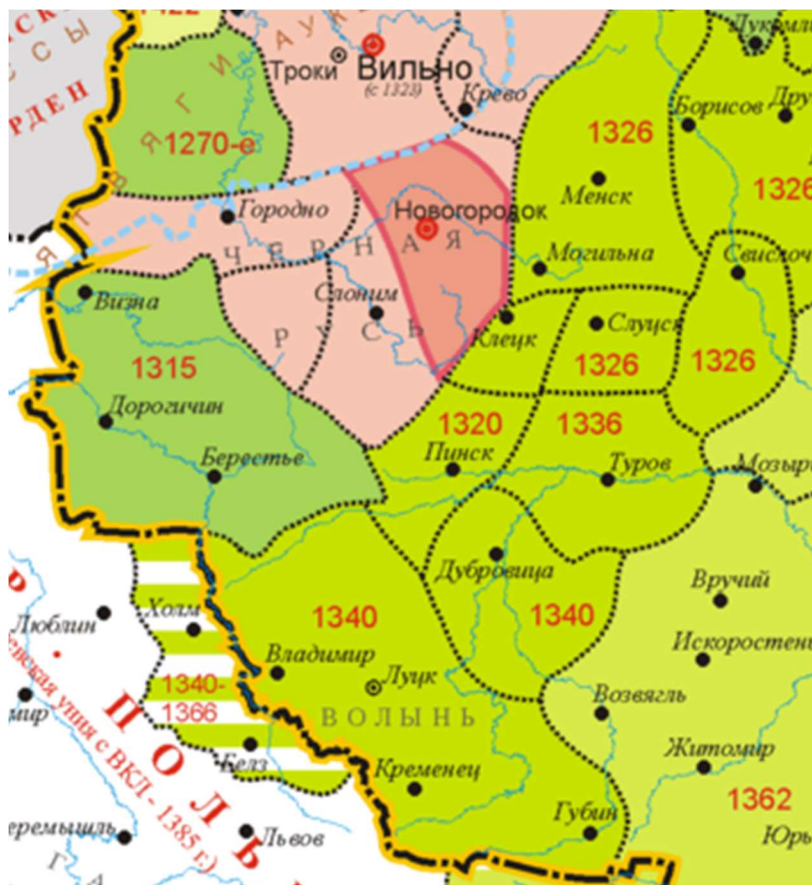
–Не наступай, Литва,
Бо буде в нас битва.
Будемо воювати,
Маріки не 'здавати [7, 99].

Вже наступний куплет пісенного діалогу, переконує, що мова таки не так про етнос, як про державу:

–Ми люди ни з Литви,
Ни любимо битви,
Ми близькі сусіди,
Позвем Маріку навсіди [7,99].

Український текст пісні з поліськими діалектними особливостями та побутування її в кількох варіантах однозначно виказують місцеве походження. Більше того й учасники діалогу стверджують, що вони місцеві:

– А ми не з Литви люди,
Ми тутешні будем
Ми ваши сусіди,
Ми не будем тут всіди –
На час, на годину,
По хорошу дитину [7, 99].

Чому тоді сусідів, які відспівуються тією ж мовою, що й господарі, сприймають як представників Литви? Як би це сміливо не звучало, але корені цієї колізії, мабуть, лежать в далекому минулому. Воно скеровує до часів існування на теренах Полісся Литовської держави, причому коли одна частина одного й того ж поліського субетносу знаходилась у межах Великого князівства Литовського, інша ж вірогідно належала до Володимирського князівства. Муровані пам'ятні стовпи по лінії цього розмежування в с. Кримно згадує Микола Теодорович на початку ХХ ст. На той час збереглися й перекази про прикордонні функції цих «пам'ятників» [8, 253] Неважко прорахувати, який саме період відображає цитований текст.

До 1340 р. Литовська держава охоплювала все Західне Полісся. З 1315 по 1320 р. до ВКЛ входили тільки західнополіські землі біля витоків Прип'яті. Навіть без Пінська. На південь і схід знаходилась Волинська земля. Тобто пісня відображає територіально-адміністративний поділ часів правління Гедиміна.

Коли справа доходить до визначення віку пісні, вступає в силу позитивістська методологія з її прецедентним підходом. Сьогодні більшість фольклористів орієнтуючись на першу писемно підтверджену згадку вважає гранично допустимим віком української народної пісні три століття. Нам уже доводилось на гіпотетичному рівні посунути цю межу до ХІІІ ст. [5]. Історія про трьох дочок волинського князя, котрі «усі троє без долечки», оспівана в щедрівці, яка зберегла календарну прив'язку до весняного відзначення новолітування, тому на місці виявлення й до цього часу вважається веснянкою, хоч за формальними ознаками, це щедрівка, підтверджена візантійськими генеалогічними картами [4, 225 – 226].

На Західному Поліссі в місцях колишньої вотчини Романового сина Василька записана й весільна пісня про «реквізицію» «Романом з сином» «рукава з сиром», везеного в подарунок друзкам:

«Судосив (перестрів – В.Д.) нас Роман з сеном.

Одобрале рукав з сиром [1]

Ім'я Роман не було поширене серед простолюду ні за княжих часів, ні в час найактивнішого продукування весільної пісенності. Та й який ще Роман, хай навіть із сином удвох, могли відібрати сир у цілої весільної ватаги, супроводжуваної кінними «боярами»? Тільки ті, хто мав на це вище право.

Часи правління Романа з синами – це теж ХІІ – ХІІІ ст. То чому тоді не може весільна пісня відображати часи, на ціле сторіччя пізніші. Здається крапку в наших сумнівах може поставити один із варіантів тексту уже наведеної весільної пересварки:

*–Наїхала литва, 2
Буде між нами битва.
Будем бити, воювати
Дівоньки не дават...
–Ми, люди, не з Литви, 2
Не буде між нами битви.
Ми – люди, не татари,
Іванкові бояр...[2, 126]*

Цей текст записано в с. Серкизів Турійського району, дещо віддаленому від тих територій, які першими увійшли до складу Литви, яка тут подається в значенні хороніма, хоч перша згадка на початку тексту, більше схожа на етнонім. Важливо, що він протиставляється татарам-нелюдам. Отже, в ній ще свіжа пам'ять і русько-татарських протистоянь, проти яких литовсько-руські нагадують дитячі застрашки.

Отже, з великою долею вірогідності можемо стверджувати чи то глибоку історичну пам'ять, яка ставала імпульсом для пізніших сюжетних колізій весільних пісенних текстів, що, з погляду нашої едиційної практики мало ймовірно, чи то збереження до наших днів тексту, складеного на основі свіжих вражень. Питання можливості існуючого мовного оформлення відпадає, та це вже тема окремої нашої наукової розвідки, зробленої на основі прочитання деяких пам'яток дохристиянського походження і поки що неопублікованої.

Література

1. Архів Інституту культурної антропології.
2. Весілля у селі Серкизів Турійського району // Фольклористичні зошити. 2005. Вип 8.– С.119 –148.
3. Весільні пісні. У 2-х книгах. – Київ: Наукова думка, 1982. – Кн 1. – 872 с.
4. Войтович, Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.) / Леонтій Войтович. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000. – 649 с.
5. Давидюк, В. Князь Роман героєм поліської щедрівки / Віктор Давидюк. – Луцьк, 2005. – 70 с.
6. Денисюк, І. Амазонки на Поліссі / Іван Денисюк. – Луцьк: Надстир'я, 1993. – 28 с.
7. Денисюк, І. О. Пісні з-над берегів Турського озера / І.О. Денисюк. – Луцьк: Надстир'я, 2004. – 250 с.
8. Теодорович, Н.И. Волынь в описании городов, местечек и сёл в церковно-историческом, географическом, этнографическом и друг. отношениях: Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т.V.: Ковельский уезд / Н.И. Теодорович – Почаев: Типография Почаево-Успенской Лавры, 1903. – 580 с.

УДК 159.9

ББК 88.3

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ МОЛДАВСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Л.И.Кобылянская,
д. псих. наук, конференциар
университар (доцент)
Славянского университета
Республики Молдова,
(г. Кишинев, Республика Молдова)
larisakobylyanskaya@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена результатам исследования нового и активно развивающегося в молдавской психологии направления – психологии совладающего поведения, или психологии копинга. Изложены основные стратегии совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях в возрасте 20-45 лет в аспекте молдавского менталитета.

Ключевые слова:

совладающее поведение, стратегии совладающего поведения, трудная жизненная ситуация, менталитет, Молдова.

Феномен трудной жизненной ситуации является предметом изучения и в психологии человеческого бытия, и в неразрывно связанной с ней психологии совладающего поведения [В.В. Знаков, 2016, с. 32].

Критические события и трудные жизненные ситуации являются основным предметом исследования в психологии совладающего поведения, которая в последние годы интенсивно развивается в российской психологической науке (Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровской, С.А. Хазовой и другими).

В их исследованиях предпринята продуктивная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними. Проведенный анализ переживания субъектом трудных жизненных ситуаций привел к получению научно значимых результатов о психологических механизмах совладающего поведения (в частности, внутренних и внешних ресурсах совладания), а также к интеграции представлений о закономерных тенденциях развития сложного и многомерного феномена совладания. В этих исследованиях феномен совладающего поведения проанализирован с позиций психологии субъекта.

При этом внимание исследователей фокусировалось на том, как субъект осуществляет выбор стратегий и стилей совладающего поведения. Под выбо-

ром определенного поведения субъектом в данном случае имеется в виду то, как человек – источник собственной активности и самоорганизации – взаимодействуя с трудной ситуацией, осознанно выбирает один из нескольких альтернативных вариантов поведения. *Копинг-поведение* (coping behavior – совладающее поведение) – осознанное поведение субъекта, направленное на психологическое преодоление стресса. *Копинг-стратегии* – это актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, способ управления стрессором (Т.Л. Крюкова, 2010) [13]. Понятие "coping behavior" ("совпадающее поведение", "поведение по преодолению") используется для характеристики способов поведения человека в различных трудных ситуациях. Р. Лазарус (R. Lazarus) и С. Фолкман (S. Folkman) определили его как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека [14].

Согласно системному подходу в психологии (Б.Ф. Ломов, 1984), психика является целостной системой, и потому ее познание возможно лишь во множестве внешних и внутренних взаимосвязей и отношений с учетом совокупности свойств различного уровня и порядка. Соответственно, совладающее поведение (coping) также изучается через соотнесение его с другими свойствами психики и личности.

Наряду с продолжающейся теоретической разработкой понятия копинга, ведется и его эмпирическое изучение, что привело к получению множества интересных и разнообразных данных о его специфике в зависимости от вида ситуации и деятельности, взаимосвязей со свойствами личности и социально-психологическими явлениями и т.д.

Развернувшийся в Молдове процесс европейской интеграции, а также неопределенность и противоречивость внутривластных, социально-экономических процессов заставляют личность осмыслить происходящее: резко изменить мироощущение, мировосприятие, в целом привычный образ жизни.

Сегодня совершенно очевидно, что развал социалистической системы и великого союзного государства под общие разговоры о перестройке и рыночных реформ, помимо экономической разрухи и полной финансовой зависимости от развитых стран Запада и международных валютных фондов, грозит народу еще и потерей его духовной «безопасности», утратой ценностных и культурных потенций, угасанием самосознаний, утратой идентичности.

Драматический характер современного молдавского кризиса не может не вызвать у многих наших соотечественников чувства крайней обеспокоенности и тревоги, желание что-то предпринять, как-то отреагировать, наконец, воспротивиться – и не только криком души и болью в сердце, но и делом, словом, научным аргументом, жизненным актом и т.д. – всем тем деструктивным процессам и силам, которые неумолимо разрушают исторический потенциал стра-

ны, делают проблематичной саму возможность ее достойного существования и развития как государства.

Этим чувством руководствовались и мы при комплексном теоретико-экспериментальном исследовании проблемы психологических детерминант выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях в аспекте молдавского менталитета [3].

В большом толковом словаре по культурологии (Б. Кононенко, 2003) читаем: «менталитет (от лат. *mens* или (род. *падеж*) *mentis* – душа, дух (в более узком смысле – ум) и суффикса прилагательного 'al') совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности».

Термин возник в исторической науке, однако в настоящее время часто используется в психологии, социологии. Понятие менталитета включает в себя взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу людей [12].

В соответствии с заявленной темой перед автором стояла принципиальная задача – взглянуть на проблему совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях через призму молдавского менталитета, попытаться раскрыть молдавскую «бытийность» совладающего поведения в связи с национально-психологическими особенностями молдавского народа, самобытности его судьбы. При этом мы исходили из идеи о том, что выбор стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях молдавских граждан в возрасте 20 – 45 лет напрямую связан с мотивацией личности, с миром ценностных отношений и приоритетов, представлений народа о высшем и желанном. А также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия мира, что является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета.

Подобная «менталистская» ориентация нашего исследования не является, конечно, случайной. Но было бы неверно видеть в ней одно лишь желание следовать модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли и связанной с ним проблематики. Для нас этот выбор имеет более глубокие основания: он определен внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований, проведенных начиная с 2003 года и за последние годы, а также гражданской позицией автора, его глубокой озабоченностью ситуацией, в которой оказались сегодня и молдавское общество в целом и молдавский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях и смыслоразличительных ориентаций.

Фактологическим фундаментом анализа являются материалы эмпирического исследования, проведенного в Республике Молдова.

В эксперименте участвовало 200 испытуемых, работники обувной фабрики «Зориле» города Кишинева, пережившие самую сложную, по их мнению, ситу-

ацию, с которой они столкнулись в своей жизни за последнее время и с которой не смогли эффективно совладать. Из них: по полу – 74 мужчин и 126 женщин; по возрасту – 98 испытуемых 20 – 27 лет (60 женщин и 36 мужчин); 102 испытуемых 28 – 45 лет (66 женщин и 36 мужчин).

Одной из задач нашего исследования явилось: выявление стратегий и способов совладания в трудных жизненных ситуациях (далее – ТЖС) в аспекте молдавского менталитета [3].

Для решения поставленной задачи в качестве конкретной методики мы использовали «Опросник способов совладания» – OCC (Ways of Coping Questionnaire) Lazarus R., Folkman S. [15] (русская версия И.А. Джидарьян, 2001) [1].

В целях анализа всей совокупности данных, полученных путем использования OCC и группировки полученной информации по принципу однородности, был проведен кластерный, а затем факторный анализ данных. На основе общей оценки значения коэффициентов корреляции между исходными признаками и главными компонентами были определены наиболее статистически существенные факторы (стратегии). Их 13: «*социальная фасилитация*» (24.7% общей дисперсии); «*социальный риск*» (11.9%); «*компромисс*» (10.0%); «*фатализм*» (9.1%); «*фантазирование*» (7.2%); «*планирование*» (6.8%); «*эмоциональное дистанцирование*» (5.6%); «*воля и поиск*» (5.1%); «*творчество*» (4.6%); «*опыт*» (4.4%); «*уход*» (4.1%); «*самоконтроль*» (3.9%); «*компенсация*» (2.9%). Первые четыре фактора, на которые приходится более половины общего распределения (55.7%), объединили 17 способов совладания. Следующие 9 стратегий совладающего поведения составили меньшую долю (44.3%), однако же, в них объединены 35 способов совладания. В дальнейшем мы обсудим данные только по четырем главным факторам (стратегиям поведения в трудных жизненных ситуациях).

Первый фактор (24.7% от общего распределения) представляет доминирующую стратегию совладающего поведения и объединяет семь способов совладания: «*обращался к кому-то из тех, кто мог что-то конкретное сделать в отношении этой проблемы*»; «*обращался за советом к родным или другу, которого уважал*»; «*принимал профессиональную помощь*»; «*принимал сочувствие и поддержку от других людей*»; «*я говорил себе нечто такое, что могло бы улучшить мое состояние*»; «*разговаривал с людьми, чтобы больше узнать об этой ситуации*»; «*говорил кому-то другому, как себя чувствую*». Определение корреляции между данными способами совладания показало коэффициенты от 0.497 до 0.141 (при пороге значимости $<0,01$). Данные находятся в положительной корреляции. Этот фактор был назван в соответствии с содержанием способов совладания «*социальной фасилитацией*». Действительно, содержание объединенных в данном факторе способов совладания указывает на стремление обратиться за помощью, за советом к социальному окружению: родным, друзьям, специалистам в определенной области, вообще к людям. Но, как отмечает в

своем исследовании И.А. Джидарьян, «содержательный анализ приведенных пунктов показывает не конкретные цели и намерения <...>, а сам факт обращения и установления контактов с другими людьми выступает здесь как факторообразующим началом» [1, с. 207]. Наибольшие факторные нагрузки, составляющие 52,6% общего распределения данных, представляют два способа совладания: «*обращался к кому-то из тех, кто мог что-то конкретное сделать в отношении этой проблемы*» (38,3%) и «*обращался за советом к родным или другу, которого уважал*» (14,3%). Содержание этих двух способов совладания показывает на выбор проблемно-ориентированной стратегии совладающего поведения. Однако остальные способы совладания относятся к эмоционально-ориентированному типу совладания. Таким образом, мы получили смешанную стратегию совладания. Видимо, данная стратегия, непосредственно указывающая на ведущую роль общения в решении ТЖС, отразила две его основные стороны: коммуникативную (удовлетворение потребности в информации) и интерактивную (эмоциональной поддержки).

Второй фактор (11.9%) содержит три способа совладания: «*шел ва-банк или предпринимал что-то очень рискованное*»; «*подготавливал себя к самому худшему*»; «*старался убедить лицо, ответственное за случившееся, изменить свое мнение*». Содержание этих способов совладания указывает на ценностно-смысловые, мотивационные переориентации личности, наступившие под воздействием социальных изменений. Третий способ совладания указывает на попытку оценить и решить ТЖС на уровне проблемы через изменения доминирующей мотивации личности.

Назвав этот фактор «*социальным риском*», мы хотели подчеркнуть очевидность особой стратегии поведения, присущей современному молдавскому обществу. Почему люди прибегают к риску в трудной жизненной ситуации? Мы предположили, что риск является свидетельством неблагоприятного эмоционального климата, вызванного отчаянным состоянием, который можно считать невротическим. Отсутствие перспективы выхода из создавшейся трудной жизненной ситуации, граничащей с потерей смысла, ведет к явно деструктивному способу совладающего поведения, к отказу от поиска проблемно-ориентированных стратегий совладающего поведения. Вот почему мы это расцениваем как невротический тип поведения в ТЖС. Не прибегая к пространному анализу, можно привести различные свидетельства данного феномена, в том числе массивный отток граждан в поисках «лучшей жизни» за границей, зачастую с нарушением правовых и нравственных норм. Выявленная стратегия является проблемой нашего общества, ее решение видится нами в комплексном подходе к человеческому фактору.

В третий фактор (10.0%) также вошли три пункта ОСС: «*я извинялся или предпринимал шаги к примирению*»; «*давал себе обещания, что в следующий раз все будет по-другому*»; «*шел на соглашения или компромиссы, чтобы полу-*

чить какой-нибудь «позитив» в этой ситуации». Определение корреляции между данными способами совладания показало положительную прямую связь.

Мы обозначили этот фактор и отражаемую им стратегию как «компромисс». В него вошли способы совладания, указывающие на готовность субъектов идти на соглашения (с другими и с собой), необходимость искать «обходные пути», отступая при этом от своих личных принципов и целей.

Возможно, исчерпав свои более решительные средства, в четвертой основной стратегии совладающего поведения (9.1% от общего распределения), субъекты проявили другую тенденцию – фаталистическую направленность поведения в ТЖС. Она представлена четырьмя способами совладания: «надеялся на счастливый случай»; «подчинялся судьбе: временами у меня бывают одни неудачи»; «я проявлял злость в отношении лица (лиц), кто был виновен в случившемся»; «молился».

Итак, все четыре ведущие стратегии совладающего поведения содержат эмоционально-ориентированные способы, которые в общем раскладе доминируют. Мы полагаем, что эмоции являются следствием глубокого переживания ТЖС, но, вместе с тем, представляют необходимый и переходный этап к конструктивному решению проблем менталитета Молдовы.

Особенно это проявилось в первой основной стратегии совладающего поведения, где переплелись различные способы, отражающие одинаковую тенденцию – к общению. Но, к сожалению, ТЖС остаются на уровне переживаний, не подвергаются анализу и не становятся поводом для мотивации к действию.

Психологическое совладание – это комплекс когнитивных и аффективных действий, поступков, которые проявляются в виде реакции у человека на возникшие трудные жизненные ситуации [3].

Трудная жизненная ситуация – это такая психологическая ситуация, в которой человек испытывает эмоциональное тяжелейшее потрясение; психологическое состояние «взрыва», когда человек, порой, теряет смысл существования или у него происходит переоценка ценностей, мотивации поведения [3].

Анализ основных отечественных, российских и зарубежных психологических исследований по проблеме «человек в трудных жизненных ситуациях» позволяет говорить о том, что для исследования этой проблемы характерна тенденция постепенного перехода от анализа «человека изолированного» к исследованию «человека в контексте его реальной жизни в обществе»; к целостному взгляду на особенности «мира в человеке и человека в мире».

Согласимся с мнением профессора В.В. Знакова: «Очевидно, что феномен трудной жизненной ситуации, являющийся предметом изучения и в психологии человеческого бытия, и в неразрывно связанной с ней психологии совладающего поведения, потребует от психологов еще немало усилий, направленных на его тщательное исследование и более глубокий психологический анализ» [2, с. 32].

Литература

1. Джидарьян, И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. – 242 с.
2. Знаков, В.В. Понимание экзистенциальных событий и критических ситуаций человеческого бытия // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Междунар. науч. конф. Кострома, 22-24 сент. 2016 г.: в 2 т. / отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. - Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. - Т. 1. С. 30-32.
3. Кобылянская, Л.И. Психологические детерминанты выбора стратегий поведения в трудных жизненных ситуациях. Дисс.... доктора психологии. Кишинэу: КГПУ им. «Иона Крянгэ», 2007. 237 с.
4. Кобылянская, Л.И. Совладающее поведение человека в трудных жизненных ситуациях: Теоретико-экспериментальное исследование. Монография /Л.И. Кобылянская. Ch.: Славян. ун-т Респ.Молдова, 2013. 378 с.
5. Кобылянская, Л.И., Негурэ И.П. Основные стратегии и способы совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях // Probleme ale științelor socio-umane și modernizării învățământului. Chișinău. V. 1. 2004. P. 147-151.
6. Кобылянская, Л.И. Программа психологического тренинга “Эффективный поиск стратегий совладающего поведения (Coping behavior) в трудных жизненных ситуациях” // Revista «Psihologie. Psihopedagogie specială. Asistența socială». Chișinău. 2007. Nr. 2(7). P. 1-21.
7. Кобылянская, Л.И. Некоторые аспекты исследования проблемы совладающего поведения (Coping behavior) в трудных жизненных ситуациях (ТЖС) // Revista «Psihologie. Psihopedagogie specială. Asistența socială». 2009. №. 3 (5). Chișinău, 2009.
8. Кобылянская, Л.И. Изучение совладающего поведения (Coping behavior) в психологической науке: методологические предпосылки // Revista «Psihologie. Pedagogie specială. Asistența socială». 2011. №. 1(22). Chișinău. P. 11-24.
9. Кобылянская, Л.И. Выбор стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях мужчинами и женщинами в возрасте 20-27, 28-45 лет // Revista științifico-practic «Psihologie». Chișinău, 2011. №. 2. P. 3-11.
10. Кобылянская, Л.И. Развитие прикладных исследований совладающего (копинг) поведения в трудных жизненных ситуациях в молдавской психологии // Актуальные проблемы современной экзистенциальной психологии и психотерапии. Сборник статей Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2015 г. Одесса. Изд-во ХГЭУ, 2015. С. 80-102.
11. Кобылянская, Л.И. Личностный потенциал как ресурс совладающего поведения в юношеском возрасте // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Междунар. науч. конф. Кострома, 22-24 сент. 2016 г.: в 2 т. / отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. - Т. 1. С. 205-207.
12. Кононенко, Б. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003.
13. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. - Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2010.
14. Lazarus, R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. N.-Y.: Springer Publishing Company, 1984. P. 140-146.
15. Lazarus, R., Folkman S. Manual for Ways of Coping Questionnaire. Palo Alto, CA, 1988.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Л.А. Камалова (Россия, Казань, КФУ)

В.Г. Закирова (Россия, Казань, КФУ)

Аннотация

В статье сделана попытка обобщить теоретический аспект взаимопроникновения культур, осмыслить проблему с точки зрения общенационального в «общении» русской и татарской культур и литератур, подчеркнуть «характер отношений цивилизации к культуре».

Ключевые слова

Фольклор, диалог культур, литература, типы литератур и культур, взаимопроникновение

Литература как искусство слова тесно связана с культурой. Она обогащает сознание и эмоции человека, развивает его художественный вкус, дает представление о жизни, национально-исторических традициях своего и других народов. «Литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры», – утверждает М.М. Бахтин [1, с.17]. Литература каждого народа имеет свою специфику, обусловленную историческими и социальными особенностями развития данной нации: «... ее нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами» [1, с.18].

К проблеме преемственности литературных явлений обращались многие эстетики и литературоведы, такие, как М.М. Бахтин, Ю.Б. Борев, М.С. Каган, Н.К. Гей, В.В. Волкова, Ю.М. Лотман, Ю.Н. Тыняков, С.С. Аверинцев, А.С. Бушмин, В.М. Жирмунский, С.Т. Бочаров, Т.А. Гуковский и др. В конце XX века в трудах философов и эстетиков В.С. Библера, Г.Д. Гачева, М.М. Бахтина, литературоведа Ю.Г. Нигматуллиной и др. возникает термин «диалог культур».

Теория «диалога культур» В.С. Библера объясняет взаимопроникновение культур как «общение культур», которое подразумевает «общение разных разумов, то есть общение через пропасть целого непонимания и - в насущности - истинного взаимопонимания» [3, с. 296]. Произведение культуры живет и развивается в движении истории, в огромном пространстве бытия. «Вместе с развитием этой, всегда равной себе, формы развиваются два неразрывных полюса, средоточия этого общения, отделенные друг от друга и столь же сопряженные плоскостью произведения» [3, с. 298]. По мнению Библера, художественные произведения путешествуют в веках и втягивают, преобразуют в своих личностных средоточиях целостные, потенциально всеобщие исторические культуры. Таким образом, происходит взаимовлияние и взаимопроникновение разных художественных смыслов двух культур, «как бесконечное развертывание и

формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культуры...» [3, с. 297].

Важным связующим элементом, «диалога культур» в понимании В.С. Библера является наличие сквозной «проблемы – воронки», вобравшей в себя все основные вопросы бытия. Такая проблема «втягивает в себя не только всю «свою культуру», но «втягивает и преобразует всю «свою» цивилизацию, все свои предметные и социальные структуры ... весь бесконечный внекультурный «дикий» мир...» [3, с. 294]. Только тогда возникает «стремление понять бытие – понять его в смысле этой культуры» [3, с. 294]. Диалог понимается В.С. Библером как «общение актуальных и (или) потенциальных культур». Ученый приводит ряд доказательств.

Во-первых, «культура всегда существует в одновременном «пространстве» многих культур...» .

Во-вторых, «время культуры – всегда – настоящее, то сегодня, в котором общаются и диалогизируют все прошлые и будущие культуры...».

В-третьих, «в этом общении каждая культура реализует себя как отдельная культура, самобытная, закругленная и неисчерпаемая в своей неповторимости и вечности».

В-четвертых, «общение культур... осуществляется как... общение личностей» [3, с. 299].

Концепция В.С. Библера дает понимание «диалога культур» как общение «различных культур» (культур мышления и разума) и процесс бесконечного развертывания и формирования все новых смыслов каждого.

Теория М.М.Бахтина о культуре как диалоге базируется на концепции В.С.Библера. Основой культурно-исторического процесса является столкновение и соотнесение различных творческих индивидуальностей, художественных «точек зрения». «Диалог культур» понимается М.Бахтиным в двух значениях.

Во-первых, как способность оценивать факт культуры прошлого с позиции сегодняшнего дня. Он утверждает, что «ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», какого мы теперь знаем», и что это не есть результат модернизации или искажения, а следствие того, что в его произведениях было и есть то, что «ни сам он, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи» [2, с. 332]. Происходят диалоги писателя с читателем – современником и с читателем, отделенным определенной временной дистанцией, которые отличаются друг от друга, что и дает возможность по-разному интерпретировать художественные произведения в разные исторические периоды, по-разному воспринимать и истолковывать отдельные культурные реалии.

Во-вторых, «диалог культур» понимался М.Бахтиным как диалогическая встреча «чужой культуры» и родной, когда «они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность» [2, с. 332].

Таким образом, трактуя «диалог культур» как процесс «творческого понимания» разных культур во времени и в пространстве, М.М. Бахтин обосновывает концепцию нового взгляда на искусство вообще и национальную культуру в частности.

Понимание «диалога культур» Г.Д. Гачевым строится на принципах «обоюдопознания», «удивления» и «столкновения» культур. Чтобы понять чужую культуру, необходимо изучать национальные образы, представления, мировоззрения. Исследовать русский образ мира, значит, исследовать «национальный Космо – Психо – Логос» [4, с. 42], т.е. национальный характер и национальный дух необходимо изучать через «Логос» – ум, «Психею» – душу, «Космос» – тело. Чтобы явственно проступила национальная логика, «надо целостность бытия одного народа сравнивать с аналогичной целостностью другого» [4, с. 42]. Национальный образ возникает из всего бытия данного народа, который включает и особый склад природы, быт, язык, историю, культуру, этнос и характер. Инструментом познания себя, а значит, и другого народа Г.Д. Гачев считает «столкновение» национальных миров, в результате которого возникают искры «взаимудивления» [4, с. 45]. Это тот «свет», что проливается на объект исследования – национальную культуру данного народа. Каждый новый изученный национальный тип культуры становится, по Гачеву, своеобразным «прожектором – объяснителем» всех предыдущих. Он вносит поправки к предыдущим мыслям, «бросает на них новый свет и добавляет им в доказательности» [4, с. 45], т.е. открывает то новое в национальном мирозерцании данного народа, что прежде было сокрыто от глаз исследователя. Самый верный способ глубоко изучить культуру своего народа – это войти в национальный образ мира другого народа. Чтобы «увидеть наше не только изнутри, но и со стороны, надо отдаляться, отстраняться и делать заходы в иные народы и мировоззрения» [4, с. 44]. Тогда русская версия бытия проступит не только там, где исследуется Толстой, считает Г.Д. Гачев, но и там, где анализируются «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. «Таким образом, целью познания других народов является самопознание того, на котором мы строим и изнутри которого смотрим на мир», – делает вывод ученый [4, с. 45].

Весьма важной в идее «диалога культур» является мысль Г.Д. Гачева о тождественности и непохожести разных национальных культур. Эти два фактора выступают как «взаимодополнительные», позволяющие разными способами анализировать национальные образы мира и находить в них «свое другое» (по терминологии Гегеля) [4, с. 13]. Такой путь позволяет увидеть взаимопроникновение общенациональных черт в произведениях литературы разных народов. Ученый предостерегает от возможных искажений понятия «диалога культур». Г.Д. Гачев советует внимательно и глубоко изучать культуру своего и других народов, быть осторожнее с односторонними выводами и определениями: «Менее всего поддается национальное своеобразие лобовой атаке, когда подступаешь к нему с четкими формулами и определениями... Ибо описать национальное – это вывить уникальное» [4, с. 46].

В работе Ю. Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» [5] ставится теоретическая и методологическая проблема изучения литературы в аспекте типов культур и цивилизаций. На основе анализа произведений татарской и русской литератур разных исторических эпох рассматривается национальное своеобразие этих литератур и сходные закономерности их развития на уровне типов культур и цивилизаций.

Опираясь на концепцию Л.И. Новиковой, Ю.Г. Нигматуллина в качестве критерия разграничения типов цивилизаций выдвигает «характер отношений цивилизации к культуре» и выделяет три основных типа цивилизации: *стационарный, адаптивный, динамический*.

В результате сопоставительного изучения цивилизаций Ю.Г. Нигматуллина относит русскую культуру и культуру Волжской Булгарии, а затем и Казанского ханства, основанного на ее месте после распада Золотой Орды, к одному типу цивилизации – адаптивному, или ассоциативному. В цивилизации адаптивного типа «искусство выполняет интегративную функцию по отношению к разнородным культурам, на почве которых оно возникает и развивается» [7, с. 7]. «Российская цивилизация, как пишет В.И. Пантин, по самому своему происхождению... была ориентирована на межцивилизационные, межэтнические, межкультурные связи внутри себя самой. Она постоянно была ориентирована на ассимиляцию и освоение новых культур, новых технических достижений, новых пространств» [7, с.10].

Культура татарского народа до определенного времени также развивалась в рамках адаптивного типа цивилизации арабо-мусульманского мира. Основанные на единстве религии, обусловленные торговыми, политическими, идеологическими и другими факторами, эти многовековые контакты наложили отпечаток на многие сферы татарской жизни, особенно духовную.

Ассимилятивные процессы в татарской литературе имели обращенный во вне (экстравертивный) характер, так как усвоение и адаптация происходили между культурами, относящимися к одной цивилизации (арабо-мусульманской), но развивающимися в разных государственных образованиях [7, с.11].

Особенности адаптивного типа цивилизации сохранились в культурах русского и татарского народов и в более поздние эпохи их развития, когда оба народа «шагнули» в иное цивилизационное измерение – в пору развития динамического типа цивилизации. Возникает вопрос: в какой взаимозависимости находятся российская и татарская цивилизация? Россия не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизации в чистом виде. В российское общество входит конгломерат народов, относящихся к различным типам развития, но объединенных русским ядром. Поэтому на российском обществе сказались как западное, так и восточное влияние.

Татарская культура до XIX века являлась частью цивилизации мусульманского Востока. С XIX века усиливаются западноевропейские и русские влияния. Русская культура часто оказывалась в роли «посредника» между татарской и западноевропейской культурой. С конца XIX века происходит процесс активного «синтезирования» восточных и западных культурных традиций, что при-

водит к существенному изменению характера содержания и структуры татарской литературы.

Таким образом, русская и татарская культура, относясь к адаптивному типу цивилизации и находясь в непосредственной территориальной близости, сближаются как две разнородные цивилизации. Но одновременно они относятся к разным национальным культурам. В особенностях стиля художественного мышления татарского народа проявляется такая его особенность, как внешняя сдержанность и внутренняя эмоциональность, или выражаясь словами Мариэтты Шагинян, обращенность «всеми своими страстями внутрь, как окна мусульманского дома» [7, с. 66].

Многие искусствоведы отмечают, что татарам свойственна некоторая внешняя суровость, сдержанность чувств при душевной мягкости, доходящей порой до сентиментальности. Татарский народ не выражает открыто своих чувств. «И горе, и радость народ переживал про себя», внутренне стараясь скрыть свои чувства от других» [7, с. 66]. Поэтому в художественном мышлении татар преобладают нюансовость и ассоциативность.

Эти важные особенности художественного мышления татар необходимо учитывать в методике преподавания русских народных сказок в школе с родным (нерусским) языком обучения в контексте «диалога культур», когда идет сопоставительное изучение русских и татарских народных сказок. Процесс художественного мышления в татарских народных сказках протекает не как едва уловимое движение сходных, почти тождественных ассоциаций, или, наоборот, как развитие совершенно разных, несоединимых представлений, сближающихся на основе оттенков, значений, нюансов чувств, варьирования известного мотива.

Идея «диалога культур» позволяет учитывать особенности каждой национальной культуры и характерные для нее «национальные картины мира» [6, с. 105-111]. Через «диалог культур» происходит взаимопроникновение культур татарского и русского народов и взгляд на чужую культуру как свою, родную. Выявляются типологические общности и общечеловеческое содержание сказок русского и татарского народов.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975.–502с.
3. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., Изд-во полит. литер., 1991. – 413 с.
4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Курс лекций. – М., Academia, 1998. – 432 с.
5. Гачев, Г.Д. Наука и национальные культуры. Гуманитарный комментарий к естествознанию. – Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского ун-та, 1993. – 320 с.
6. Kamalova, L.A. Studying of Russian Folk Tales in the Context of Intercultural Dialogue at Schools with (Non-Russian) Language Learning// Review of European Studies; Vol. 7, No. 4; 2015. P.105-111.
7. Нигматуллина, Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: Фэн, 1997. – 190 с.
8. Черкезова, М.В. Литература и культура. Пособие для учителя национальной школы.- М.: Наука. – 125с.

“БІЛОРУСЬКЕ КУПАЛЛЯ” НА ПІВНІЧНОМУ ЗАХОДІ СУЧАСНОЇ ВОЛИНИ

Ю.И. Келемен, преподаватель
Волынского государственного
колледжа культуры и искусств
(Україна, Луцк)

Аннотация

В статье рассматривается механизм внедрения в купальський обряд сёл Ратновского, Старовыжевского, Шацкого районов Волынского Полесья белорусских традиций и новаций. Главным детерминатором, по мнению автора, стала художественная самодеятельность 60-70 годов прошлого века. Ради достижения большей зрелищности в сценарий праздника привлекался материал, заимствованный у соседей. Таким образом, получили распространение такие элементы, как своз хлама на купальський костёр с помощью телеги, в которую впрягались парни, вбивание в землю шеста, вокруг которого складывалось топливо, а также связывание в его верхней части «крижа» (креста), обвитого льном и цветами, што напминало играющее солнце, разжигание одного общего костра вместо нескольких, привлечения к выполнению купальських песен хора.

Ключевые слова

Купала, Волынское Полесье, белорусские традиции и новации, художественная самодеятельность

Останнім часом усе більшої популярності набуває реконструкція народних свят, у тому числі і в сценічній інтерпретації. Особливою популярністю користується свято Купала. Воно не тільки найбільш видовищне, але й має найбільше ритуальних елементів, придатних для сценічного відтворення. Рідко хто з постановників обтяжує себе опитуванням респондентів про те, як відбувалося святкування колись. Цей метод фактично втратив свою інформативність. Більшість опитаних говорять, що на їхній пам'яті його уже не святкували або ж переказує зміст постановок колективів художньої самодіяльності чи телевізійних передач. Відтак матеріалом для постановників служать переважно друковані джерела. Серед них праці Михайла Максимовича, Олександра Потебні, Миколи Сумцова, В'ячеслава Камінського, Лесі Українки, Михайла Пйотровського, Адама Богдановича, Олексія Дея, Юрія Климця, Віктора Давидюка, Ольги Наталевич, Алли Дмитренко та ін. Через те, що і їх зазвичай обмаль, рідко звертається увага на регіональну специфіку.

60–70-і роки минулого століття позначилися оновленням змісту традиційних свят. Особливо плідно працювали культурологи над сценаріями Купала та Нового року. На традиційну пісенну основу накладалися карнавальні елементи, які на думку організаторів мали посилити емоційну складову. Засоби особливо

не добиралися. Так у сценарії купальських святкувань увійшли перебрані «русалки», «водяник» із піонерського свята Нептуна, каруселі, слизька тичка з торбою продуктів нагорі (випивка і закуска). З традиціями регіонів ці свята мали мало спільного, але саме ці видовищні елементи поширювалися неймовірними темпами.

Наше ознайомлення з архівними матеріалами Інституту культурної антропології в Луцьку відкрили очі, що в крайніх північно-західних районах Волинської області (Шацький, Ратнівський, Старовижівський), які етнографічно належать до Західного Полісся, трапляється чимало елементів, не відомих на решті території цього етнікону. Завдання цієї розвідки – з'ясувати причини такої винятковості. До цього часу це явище не привертало увагу дослідників, а тому не ставилось і в наукову площину.

Труднощі у номенклатурному означенні цих районів на відміну від сусідніх Брестської області, які так само належать до Західного Полісся, змушує нас означити їх адміністративно – північно-західними районами Волині та південно-західними Берестейщини. Адже різниця у змісті святкувань Купала, принаймні у тих хронологічних межах, які становлять історіографію питання, у них все-таки існує.

Традиційність купальської пісенності в цих краях potwierджується наявністю в околицях с. Тур Ратнівського району унікальної назви на їх означення «копали», яка поширена й у сусідньому селі Збураж на території Берестейщини.

Найдавніший запис купальських ритуалів в цих краях належить П. Абрамовичу і має понад сторічну історію. Автор описує, як у с. Мизові на Купала «діти беруть яку сивеньку (солом'яну коробку – Ю.К.) та й один суне, а другі б'ють по тій сивеньці (певно, відьму чи колька їх відає)». Цей обряд має назву «бити козуба»[1, с. 9]. На даний час цей обряд забутий.

Найбільш описаним етнографами в плані купальських обрядів, мабуть, можна вважати с. Піщу Шацького району. І це зовсім не випадково. Воно належить до тих рідкісних західнополіських сіл, де відзначенню Купала надавали особливого значення. Про це свідчить, покликаючись на розповіді респондентів, сучасна дослідниця Алла Дмитренко: «У с. Піща Шацького району Волинської області, розміщеному на кордоні з Білоруссю, традиція розпалювання купальського багаття ніколи не переривалася. Його палили і в усіх навколишніх хуторах. Хутір Верекінці, скажімо, мав лише шість хат, але невелику «купальницю» запалювали щороку». Щоправда, її інформатор з 1933 р.н., тому може пам'ятати тільки з кінця 30-х років [4, с. 20]. Давніші свідчення знаходимо в архіві Інституту культурної антропології: «Ми почали жити тут з 1927 року. І тоді і зара святкують тут Купала. Настягують багато гуляк і роблять, як хату. Потім підпалюють. Дівчата до війни співали, плели вінки, коси плели з льону, щоб свої добре росли. Раній співали, а тепер вбирають Івана. Зараз святкують по-іншому. Є хор. Приїжджають зи Львова, з Луцька машинами. Коли вогонь стане менший, хлопці перескакують через нього»[6].

Антитеза «до війни – і тепер» однозначно виказує зміни, які сталися у відзначенні свята. До речі, про коси з льону згадує й П.Абрамович: «Дівчина на Купалу вінка в'є з льону, положить на голову, опережеться льоном і ляже чи не присниться жених»[1, с. 10]. У післявоєнний період ця традиція, вочевидь, відпала – льон сіяли тільки в колгоспі, нарвати на вінок кваліфікувалось як «розкрадання соціалістичної власності». Хоч і прями і ткали полотно, а отже мушили вкрасти, тільки не так показово.

Зміна характеру свята в Піщі відбулася 1967 року. Двічі у статті Алли Дмитренко респонденти згадують цю дату. До цього часу в селі палили дві «купальниці». Що ж сталося, що почали палити одну, не важко здогадатися. Керівництво у свої руки взяли, мабуть, культпрацівники, бо звідки ж міг узятися хор?

Зміни, схоже, сталися і в способі розкладання вогнища. Його розкладали Івани, але тільки парубки. Накладали багато, щоб полум'я сягало високо. На спід клали солому. На ній викладали хрест із сухого «ломаччя». Потім все решту з зібраного матеріалу. Насамкінець все це обкладали зеленим березовим гіллям, а з самого верху прилаштовували завітчаного «крижа» (хреста) з двох палок, щільно перев'язаних льоном[8]. Дехто з дослідників вбачає в цьому християнізацію обряду. Але яка християнізація була можлива в 60–80-х роках? Інша справа – естетизація, карнавалізація. Подібно відбувалося в Швеції і, мабуть, що й у Литві. Радянський культпроп тримав у полі зору традиції всіх республік і ліпив «єдиний радянський народ» з його єдиною культурою з усіх можливих компонентів.

Зовсім інакше це відбувалося по той бік адміністративного кордону. У малоритських селах основним компонентом купальського вогнища була велика жердина, яку вбивали в землю і обкладали солом'яно[11]. Від початку й до кінця за вогонь відповідали хлопці. Вони його не тільки розпалювали, а й пильнували, поки догорить. Те саме спостерігалось і по цей бік у Піщі та в Гуті. Це незважаючи на те, що в піснях дівчата закликають до цієї справи «молодую молодицю»: «Купал, Купайлиця, вейди, молодиця. / Ой вейди, вейди молодиця, / Розведи дівкам Купайлицю. / – Мої дівчата-сестриночки, / Не було калі виходити, / в мене свекруха не матюнка, / в мене свекорко не батийко»[5]. Категорично стверджувати місцеве походження цієї пісні немає підстав, хоч поза межами Західного Полісся фольклористи її не фіксували. На Ратенщині та Старовижівщині діалектизмів ще менше, та до того ж усі вони фонетичного характеру. В цьому й ховається головна підстава сумніву в її винятковій регіональній оригінальності. Дослідники вважають (знову ж таки на поодиноких прикладах), що початково розпалювали вогонь тільки жінки [2, с. 27]. Віктор Давидюк до всього наводить близькі типологічно аналогії в болгар, коли вогнище розпалювала жінка, яка останньою вийшла заміж. Вона й звалася протягом року, а точніше до наступного Купала молодицею [3, с. 77]. Алла Дмитренко вважає побутування цієї пісні «фольклорними свідченнями», що колись відбувалось саме так [4, с. 21]. Аналогічно, виходячи з тексту пісні, авторка вважає, що розпалювати

вогнище повинна була та, яка останньою народила дитину, бо молодиця відмовляється виходити через те, що в неї «дитинка маленькая». Однак такий аргумент бачиться нам недостатньо вмотивованим. Більше того в кінцевому результаті молодиця так і не виходить на вулицю. І саме через дитину. Найчастіше пісня має самостійне життя, вона може побутувати як після того, коли обряд уже віджив своє, так і тоді, коли він тут і не появлявся. До прикладу, важко однозначно стверджувати, що матеріалом для вогнища на Поліссі слугувала солома, проте в пісні така згадка існує в с. Гута: «Допалимо соломоюку,/ Та ходімо додомойку» [9]. Солома була основним матеріалом для купальського вогнища в лісостеповій зоні. Ряд науковців вважає, що з появою в Європі на межі II – I тис. до н.е. солом'яних зольників великих розмірів пов'язане виникнення купальського обряду. Такі виявлено в Італії, Сербії, Чорногорії, Словенії Іспанії, Австрії [12, с.10, 40, 46, 344, 250, 265]. Віктор Давидюк, хоч і не поділяє думки про таке пізнє походження купальських звичаїв, на території України пріоритет появи кострищ до 50м в діаметрі віддає Закарпаттю, де вони простежуються в культурних шарах племен фракійської культури Ноа [3, с.77].

Окремим пунктом стоїть питання заготування дров на купальське вогнище. В описі Лесі Українки крім притягнутого хлопцями солом'яника з усяким мотлохом, який годився хіба на розпал, дрова зносили самі учасники свята, бо «хто прийде без поліна, назад піде без коліна». Інакше відбувалося в білорусів, де хлопці звозили возом цілу гору різного роду зламків. Подібна традиція існувала і в селі Гута Ратнівського району. Тут хлопці ходили селом і збирали з дровіть тріски, «задавнілі» поліна та зламані господарські речі. Господарі знали наперед про цей обхід і самі виносили для купальського вогню зношені дерев'яні відра, старі кошики, граблі та лопати. Усе це вантажили на віз і везли до того місця, де мало відбутися дійство [9].

В Піщі сухе “ломаччя” звозили до призначеного місця кінями. Однак, як стверджують старожили, раніше, коли коней в селі було дуже мало, парубки самі впрягалися у віз [10]. Брак коней – це вагома причина, бо віз на господарстві у поліщуків був багато в кого, а ось протримати цілу зиму коня вартувало неабияких зусиль, бо сіна на зиму коневі потрібно було в чотири рази більше, ніж корові чи бикові. Тому у віз для власних потреб господарі запрягали волів, а той корів. Об'їхати волами чи коровами все село, якщо воно велике, за день було б неможливо. Безумовно, не остання роль у впряганні самих хлопців у віз мала ще й традиція, але не українська, а білоруська. Як і використання для купальського вогнища жердини, на території Волинського Полісся вона не має підстав вважатись автентичною.

Тут варто ще раз нагадати про розрізнення респондентами з Піщі двох типів святкування: до 1967 р. і після. Схоже, що коли святкуванням почали опікуватись керівники художньої самодіяльності, воно не тільки змінило свій зміст, а й почерпнуло дещо від сусідів, де тими ж художніми керівниками та методистами народної творчості був розроблений свій білоруський сценарій «купалля». Зрештою всі привнесені елементи легко пізнавані в монографії Галини Тавлай

«Беларускае купалле» [14]. Ще більше їх описано у фольклорно-діалектологічному збірнику «Поліська дома» [13].

Отже, окремі елементи записаних на Волинському Поліссі «обрядів» не можна вважати традиційними, частина їх походить навіть не з Берестейщини, а зі значно віддаленіших країв Білорусі, а ще якась із творчого доробку методистів народної творчості сусідньої республіки в радянські часи. Записи 80–90 років, представлені в «Поліській домі» переконують нас у тому, що для більшості західнополіських сіл відзначення Купала обходилося збиранням ягід, розповідями про цвіт папороті та про відьом[13]. Витівки останніх на Купала – улюблена тема не тільки українців та білорусів, а й жителів багатьох інших країн. Цікава особливість, що в купальських піснях як українські так і білоруські відьми в цей день летять до Києва: « Ой, летіла відьмешча / С Пирова до Києва, / А метую відьмешчу / Проводеле кіяме, / А неїн слідочок / Заложим каміняме» [7].

Література

1. Абрамович, П. Етнографічні записи: Західна Волинь. – Село Мізов і околиці 1912–1913 рр. / П.Абрамович. – Ч. 1. – Б/м. і б/р. – С. 9.
2. Грябан, В. Відгомони культу вогню у літній обрядовості українців/ В.Грябан // Друга всеукраїнська науково-практична конференція молодих науковців “Національні та етносоціальні процеси в Україні”. Матеріали. – Чернівці, 1997.– С. 141.
3. Давидюк, В. «Купала, Купала, де ти літовала?» // Поліська дома. Вип. III/ Зібрав, впорядкував і прокоментував Віктор Давидюк. – Луцьк: Твердиня, 2008. – С. 45 – 103.
4. Дмитренко, Алла. Свято Івана Купала в селах українського порубіжжя / А. Дмитренко // Матеріали до української етнології: Зб. наук. пр. — К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2008. — Вип. 7(10). — С. 20 – 25.
5. Зап. від Пелагії Глушук, 1923 р. н., уродженки с. Яревище Старовижівського району, жительки с. Гута Ратнівського району Волинської області, 2004 р.
6. Зап. ад Яўгеніі Дрозд 1913 р.н. , с. Піща Любомльського району Валынскій вобласті 1988 р. – Архів ІКА. – ФОК. – Од. зб.2. – Арк. 94.
7. Зап. від Залешук Марії Кирилівни, 1926 р. н., с. Пирове Малоритського району Брестської області, 2003 р.
8. Зап. від Олексія Ковальчука, 1933 р. н., уродженця хутора Верекінці, жителя с. Піща Шацького району Волинської області, 2004 р.
9. Зап. від Ганни Куцевич, 1927 р. н., с. Гута Ратнівського району волинської області, 2003 р.
10. Зап. від Євдокії Поліщук, 1931 р. н., с. Піща Шацького району Волинської області, 2003 р.
11. Зап. від Марії Свіржевської, 1921 р. н., с. Гута Ратнівського району Волинської області, 2003 р.
12. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. – М.: Наука, 1978. – 296 с.
13. Климець, Ю. Д. Купальська обрядовість на Україні / Ю.Д. Клімець. – К., 1990. – С.27.
14. Поліська дома: Фольклорно-діалектологічний збірник / Упоряд. В. Давидюк і Г. Аркушин. – Луцьк: Редакційно-видавничий відділ Волинського обласного управління по пресі, 1991. – 188 с.
15. Тавлай, Г. Белорусское купалье : Обряд, песня / Г. В. Тавлай; АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск : Наука и техника, 1986. – 172 с. : ил., нот.;
16. Українка, Леся. Купало на Волині / Леся Українка. Зібрання творів у 12-ти томах. – Київ: Наукова думка, 1977. Т.9 : Записи народної творчості. Пісні, записані з голосу Лесі Українки. – С.9 – 29.

РАЗДЕЛ 3. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 378.147
ББК 81.411.2

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

В. Ф. Габдулхаков, д.п.н., проф., рук.
научно-исследовательского Центра
педагогических исследований Института психологии
и образования ФГБОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»
(Россия, Татарстан, Казань)

Аннотация

В статье рассматривается специфика подготовки учителя в условиях двуязычия, указываются и анализируются проблемы формирования личности педагога, в том числе и его языковой подготовки. На примере результатов исследования, проведённого в Казанском федеральном университете, анализируются достигнутые результаты и описываются перспективы образования в поликультурной России.

Ключевые слова

Языковая личность, транспозиция, поликультурная среда, подготовка, педагог

Подготовка учителя в условиях двуязычия, которое активно развивается в Казанском федеральном университете, имеет свои особенности, и часто в дискуссиях об этих особенностях не разглядеть истинных проблем формирования учителя, настоящих прорывов в них и возможных перспектив развития достойного для поликультурной России педагогического образования [1, 2, 3].

Причин такого положения много. Рост экономической нестабильности, социального расслоения населения, национальной самоидентификации, религиозности и религиозной нетерпимости, рост спекуляций СМИ вокруг педагогов и их профессиональной деятельности, провокаций против образования от сомнительных источников через социальные сети, – все эти факторы влияют на детей, студентов, школьных учителей, преподавателей вузов, руководителей образовательных учреждений. В таких условиях не все из них способны сохранить стержень интеллигентности, конкурентоспособности, миролюбия, веротерпимости, гражданственности и патриотизма.

Болезненным вопросом остается вопрос языковой подготовки. *Понятно, что язык – это политика и на его судьбу часто влияет не народ, а правящая партия. Язык – это ещё и душа народа, а душа требует очень нежного, трепетного отношения. Поэтому правящие партии часто спекулируют этнокультурными ценностями своего электората. Это не всегда положительно влияет на развитие образования, воспитание гражданственности и патриотизма.*

Исследования, проведенные учеными Института психологии и образования КФУ в 2017 г. в школах Татарстана, показывают, что из трёх изучаемых языков – русского, татарского, английского – выпускники казанских школ (русские и татары) на первое место по значимости ставят английский (81%), на второе место – русский (12%), на третье – татарский (7%).

Аналогичные исследования в сельских татарских школах (где нет русских детей и учителей) показали другую картину: там выпускники на первое место по значимости поставили русский язык (83%), на второе место родной татарский (15%), на третье место английский (2%).

Вопросов по результатам этих исследований возникает много. Во-первых, эти результаты не являются неожиданными: такие данные фиксировались и в прежние годы. Но в 2017 г. значимость иностранного языка оказалась самой высокой за последние 10 лет (с 20% в 2007 г. поднялась до 81% в 2017 г.), падение престижа русского языка тоже оказалось беспрецедентным (всего 12% считают его значимым, в 2007 г. их было 78%). Во-вторых, непонятно, можно ли таких выпускников называть патриотами России, если русский язык для них потерял всякое значение. В-третьих, почему в татарской деревне всё наоборот: растёт авторитет русского языка (83%, в 2007 г. их было 48%).

С гражданственностью и патриотизмом тоже не всё так просто. Если раньше ценностное отношение респондента к языку воспринималось как подтверждение его национального, гражданского выбора, то сейчас факты говорят о другом: выпускник, хорошо знающий английский язык и проявляющий ценностное отношение к нему, может быть патриотом не Америки, а России и испытывать недоверие к странам, например, Западной Европы, а выпускник татарской школы, плохо говорящий по-русски, но ставящий русский язык на первое место, может находиться под сильным влиянием экстремистских религиозных идей и ненавидеть Россию и всех, кто говорит по-русски.

Иначе говоря, в XXI веке языковые предпочтения не всегда коррелируют с гражданственностью и патриотизмом, а сам патриотизм иногда балансирует на грани с национализмом и религиозным экстремизмом.

Решая вопросы поликультурного образования нельзя ограничиваться общими вопросами национальной культуры, литературы (сказками, мифами, легендами, сюжетами, мотивами, моралью разных народов), необходимо активно использовать ресурсы языка – ресурсы лингводидактики и связанные с ней явления транспозиции (положительного влияния языковых универсалий) и интерференции (отрицательного влияния универсалий одного языка на другой). Именно такой – лингводидактический – подход стал концептуальной основой поликультурной подготовки учителей в Казанском федеральном университете. Этот подход основан на учёте языковых предпочтений студентов и построении специальных лингводидактических технологий, ориентированных на формирование у будущих учителей полилингвальных и на их основе поликультурных компетенций.

Таким образом, для развития в России достойного педагогического образования необходимо учитывать её поликультурные особенности. Этот учёт не должен быть декларативным (на уровне знакомства с культурами разных народов), он должен быть связан с проникновением в языковые трудности, с кото-

рыми сталкивается обучаемый, с определением характера и глубины интерференции (отрицательного воздействия языковых универсалий и национальных культурем) на язык, культуру, сознание и подсознание обучающихся. А это требует от педагогов не только знания национальной культуры воспитанников, но и знания их родного языка на уровне профессионального владения лингводидактическими компетенциями по реализации транспозиции (положительного переноса), по выявлению и преодолению интерференции (отрицательного воздействия одного языка на другой).

Литература

1. Valerian F. Gabdulchakov, Evgeniya O. Shishova. Educating Teachers for a Multicultural School Environment. Intercultural Communication: Strategies, Challenges and Research. Monograph. Chapter 1. Nova Science Publishers. Hauppauge, NY, United States. 2017. Pp. 1-41.
2. Valerian F. Gabdulchakov (2016). The Target Model of Strategic Interaction & Kazan Federal University and the Region in the Field of Education. International Journal of Environmental of Science Education. 2016, 11(6), 1065-1072.
3. Gabdulchakov Valerian Faritovich, Bashinova Svetlana Nikolaevna, Yashina Olga Vladimirovna (2017). Strategies Of Continuing Psycho-Pedagogical Education. **Conference:** IFTE 2017 - 3rd International Forum on Teacher Education. 23-25 May 2017. Kazan Federal University, Russia.

УДК 37. 018.11: 316. 362. 3
ББК 81.411. 2

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОТРАДИЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА

З.С. Левчук, к.п.н.,
доцент кафедры педагогики
БрГУ имени А.С. Пушкина
(Брест, Беларусь)

Аннотация

В статье рассматривается диалог культур как форма сохранения этнотрадиций в образовательной среде. Раскрывается значение этнотрадиций в культуре народа. Анализируются наиболее устоявшиеся традиции в культуре туркменского народа, которые активно сохраняют обучающиеся из Туркменистана.

Ключевые слова:

культура, диалог культур, поликультурное образование, толерантность, межкультурные компетенции, этнотрадиции

Диалог (полилог) культур является универсальной формой сосуществования различных культур и интерпретируется как способ взаимодействия представителей разных народов и как средство их взаимоотношений с объектами, явлениями различных культур в исторической перспективе, что исходит из философской концепции М.М. Бахтина о диалоге культур.

Следуя концепции В. Библера, важной характеристикой образования является диалог культур. По мнению автора концепции, культура – это форма одновременного бытия и взаимодействия людей разных культур, форма диалога.

Личность способна развиваться не только в своей культуре, но и на «границах культур», в диалоге с другими культурами [1], чему способствует поликультурное образование.

Поликультурное образование является собой единство педагогического процесса и социокультурной среды, характеризующееся открытостью различных культурных традиций для диалога, созданием условий для активного ознакомления с социокультурным опытом и культурным наследием других народов [3].

Основные понятия, необходимые для осмысления концепта «поликультурное образование» – культура и образование. Выделяется также круг понятий, имеющих смысловые связи с поликультурным образованием: *поликультурная (кросскультурная) грамотность, национальный характер, ментальность, идентичность, межкультурная компетентность, толерантность.*

Формирование способности к интеграции в другую (чужую) культуру на основе понимания этой культуры, сформированность *межкультурной толерантности, межкультурных компетенций* у обучающихся есть цель поликультурного образования,

Понимание толерантности не однозначно в разных культурах, потому что связано с различным культурно-историческим опытом, который сложился у тех или иных народов. К идеям толерантности люди обращались давно. К примеру, толерантность в XVI-XVII вв. рассматривалась как *веротерпимость, понимание людей, принадлежащих к другим верам и религиям.*

В английском языке, согласно Оксфордскому словарю, толерантность - это «*готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь*», во французском языке – «*уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов*». В китайском языке быть толерантным человеком – это значит «*позволять, допускать, проявлять великодушие по отношению к другим людям*».

В русском языке существуют два слова со сходным значением – толерантность и терпимость. Термин «толерантность» обычно используется в *медицине и гуманитарных науках* и означает «*отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию*».

Межкультурные компетенции рассматриваются как результат поликультурного образования, синтез когнитивного, практического и личностного опыта, способность к коммуникации в сфере пересечения различных культур, способность продуктивно взаимодействовать с представителями иной культуры.

Сегодня важно формировать более тесные связи между представителями разных народов, с одной стороны, и сохранять национальные особенности, культурные традиции, т.е. принимать *этновитальность*, с другой стороны.

Поликультурная образовательная среда Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина детерминирована присутствием студентов из Центральной и Восточной Азии: Южной Кореи, Туркменистана, Китая как носителей своей культуры. Наибольшее количество обучающихся представлено из Туркменистана. Носители туркменской культуры интегрируют в себе узбекскую, турецкую, иранскую культуру.

Присвоение культурного опыта субъектами образовательного процесса не происходит спонтанно, оно требует осознанных усилий, специально организованной деятельности. Поэтому с целью постижения родной культуры в условиях поликультурного образования все более актуальным становится формирование потребности у обучающихся понимать иную культуру через сохранение культурных традиций народа.

В связи с этим создан и функционирует клуб «Диалог культур» как форма работы со студентами разных национальностей.

Программно-содержательное наполнение работы клуба определяется *культурологическим подходом* в качестве основного методологического принципа, который реализуется в следующих положениях:

культура как совокупность идеалов, ценностей, верований, отношений между людьми, норм поведения, этикета;

культура как пространство с наличием разнообразия культурных моделей, необходимых для реализации потребности личности в идентификации с группой себе подобных и одновременно в дифференциации от членов других групп;

культура как субъективная категория, характерные для каждой культуры способы, с помощью которых ее носители познают мир.

Задачи, которые решаются в процессе взаимодействия представителей разных культур:

1. Овладение историко-культурными знаниями о культурном разнообразии мира.

2. Изучение культурных моделей через традиции, обряды, обычаи тех народов, представители которых обучаются в университете.

3. Формирование творческого отношения к собственной культуре и уважения к иной культуре.

4. Формирование понимания о равенстве культур в поликультурной среде.

Для представителей других этносов и народов важным является сохранение этнотрадиций в образовательной среде университета, что и осуществляется через клуб «Диалог культур».

Традиции (от лат. *traditio* – «передача ценностей от поколения к поколению») составляют фундамент культурной жизни общества. Традиции охватывают объекты наследия, процессы передачи этого наследия от поколения к поколению, а также процедуры и способы наследования. Традиция жива, пока ее содержание передается и повторяется следующими поколениями [2].

Так, опираясь на этнотрадиции в белорусской культуре, студенты с интересом представляют «Кола народных святаў беларусаў». Для белорусов народные праздники являются важным условием их жизнедеятельности. Наши предки тщательно готовились к каждому празднику, а в сменяемости праздников прослеживали закономерную связь годового цикла работы на земле.

Актуально представлен проект «Беларуская гасціннасць у Піліпаўскія вечары», где раскрывается значимость в жизни наших предков зимней поры, большого Пилиповского поста как периода отдыха и встречи Рождества, подготовки к весне. В белорусской культуре весна начинается с празднования Масленицы, что связано с культом природы, с возрождением сил земли. Приходу весны посвящен вечер «Сонца засвяціла – вясну прабудзіла».

Особое значение этнотрадициям придают в Азии. Традиционные ценности туркменской культуры среди других включают: гостеприимство, почитание старших, традиции нравственности, традиционные свадебные ритуалы и уходят в далекое прошлое.

Из поколения в поколение передается в туркменской культуре ритуальное танцевальное исполнение. Современная студенческая молодежь туркмен прекрасно воссоздает национальные танцы, среди которых – «Кушт дэбди», «Лязги», «Ля-ле», «Билезик», «Иыххыммал».

Туркменское гостеприимство – самая определяющая сущностная характеристика народа. Туркмены часто складывают мнение о человеке по тому, как он принимает гостей. При встрече гостя обязательно произносятся ритуальные фразы: *«Как мы рады вас видеть! Какую честь вы нам оказали!»*. Скатерть, на которой расставляют блюда с едой, расстилают на полу и считают ее священной. Прежде чем приступить к приему пищи, каждый по традиции возносит хвалу Господу.

У туркмен священными продуктами считаются хлеб и соль, поэтому к ним относятся очень трепетно. Указанные продукты оберегаются человеком, а неуважительное отношение к ним означает приближение беды.

Туркменское гостеприимство активно культивируется в студенческой среде, что можно видеть на праздниках: «Курбан Байрам», «Навруз Байрам».

На Востоке уверены: *«Гость – от Аллаха!»*. Отсюда следует, что хорошо принять гостя – это не только обязанность, но и священный долг хозяина. Данная традиция зародилась в древности и прочно укоренилась в сознании современных туркмен. В далекие времена это была элементарная форма защиты от стихий природы. Люди не перенесли бы тягот пустыни, не выжили бы без поддержки друг друга. Человеку, не оказавшему гостеприимство путнику, выражали презрение.

Почтительное отношение к старшим также основано на древних традициях. Недопустимо не выполнить их просьбу, спорить с ними, выражать свое недовольство, ждать благодарности за оказанную услугу или напоминать о ней. Обычай туркменской семьи требует от детей почитания родителей и старших, что зафиксировано в поговорках как философии народной мудрости. Туркменская поговорка гласит: *«Золото и серебро не стареет, отец и мать цены не имеют»*.

В семье туркмен особым вниманием окружена мать, которая является хранительницей домашнего очага. Дети с благоговением относятся к матери и уважают ее. Малейшее проявление непочтительного отношения или невнимания к матери осуждается окружающими. Отец как глава семьи имеет право оценивать поступки своих детей, а также имеет обязанность их защищать.

В туркменской культуре далеко в историю уходят традиции нравственности. Туркмены – высоконравственный народ. В своем отношении к жизни они культивируют скромность, благородство, правдивость, честность, смелость, душевную щедрость. *«Благородный человек, если обещает, обязательно сдержит свое слово»*, – утверждает туркменская пословица.

Туркмены дорожат чувством дружбы и любви, поддерживают добрые отношения с соседями. Традиции Туркменистана очень дружелюбные. Есть множество народных поговорок на эту тему: *«Прежде чем построить дом, узнай,*

кто твой сосед», «Близкий сосед лучше, чем далекий брат». Уважение к соседям воспитывается у туркмен с раннего детства. Такое же доброжелательное отношение проявляют туркмены и в студенческой среде, а такие совместные творческие программы белорусских и туркменских студентов, как «Разам у творчым карагодзе», «Мы желаем счастья Вам!» усиливают чувство дружбы и взаимопонимания.

К семейной жизни туркменские девушки и юноши относятся очень ответственно, без разрешения и благословения родителей молодые не имеют права создать семью. **Свадьба – самый значительный и долгожданный праздник для любой туркменской семьи.** Однако сегодня традиционные свадебные обряды в городе из культа превратились в дань этикету. Наиболее ярко **свадебный ритуал** выполняется в сельской местности.

Свадьбы у туркмен «окружены» множеством различных обычаев и обрядов. Главную роль в их исполнении играет одежда, даже имеет магическое значение, выполняя функции оберега и очищения.

В свадебном ритуале большое значение имеет платок. На «гелин той» (свадьбу невесты) женщины со всего села несут свадебные гостинцы, сладости в узелках из платков. При уходе от невесты им возвращают узлы с подарками, равноценными принесенным.

Не меньшее значение для невесты в период подготовки к свадьбе имеет платье. Для кроя и шитья свадебного платья выбирают определенные дни, считающиеся у мусульман удачными. От этого зависит благополучие невесты. Мастерят платье в доме невесты из ткани, подаренной женихом.

Наряд новобрачной состоит из различных амулетов, призванных защитить её от вредоносных сил, помочь сохранению здоровья и принести благополучие.

На жизнедеятельность туркмен, их поступки и поведение решающее влияние оказывает *Ислам*, религия, которая сохранила свои вековые традиции и сегодня активно влияет на воспитание, являясь духовной основой развития человека. Моральные постулаты ислама заложены в священной книге Коран. Для народов востока заповеди Корана являются наивысшим авторитетом.

Главная истина ислама заключается в том, что Аллах считается единственным истинным Богом, а Мухаммед – пророком Аллаха. Слово «мусульманин» означает «подчиняющийся Аллаху». Приняв эти простые убеждения, человек может обратиться к пророку за советами, поддержкой.

Очень почитаемы в Туркмении такие духовные праздники, как *Новруз Байрам* и *Курбан Байрам*.

Праздник *Новруз* или *Новый земледельческий год* на Востоке отмечается весной, когда природа естественным образом просыпается, когда день равен ночи и наступает Новый солнечный год. Все «праздники» в природе располагаются по особым точкам Годового круга - точкам Силы, когда Солнце, Луна и вся природные явления имеют особые качества.

В день весеннего равноденствия рождается новое Солнце и просыпается Земля (день Земли отмечается именно 21 марта). В этот день принято накрывать праздничный стол и угощать знакомых, соседей и каждого гостя «новогодними» яствами, главные из которых – *халиса* и *сумаляк* (они готовятся только раз в году – на Новруз). На Новруз праздничный стол обязательно должны украшать блюда, символизирующие возрождение и новую жизнь: проросшие

зерна пшеницы. И чем больше разнообразных блюд и сладостей будет на праздничном *дастархане*, тем благополучнее и урожайнее будет грядущий год.

Праздник жертвоприношения Курбан Байрам является частью мусульманского обряда паломничества в Мекку. Отмечается праздник в долине Мина вблизи Мекки в 10-й день 12-го месяца мусульманского лунного календаря Зуль-Хиджа и длится 3-4 дня.

Мекка – город в западной Саудовской Аравии, расположенный около 100 км от Красного моря. Является центром паломничества для мусульман. Представителям другого вероисповедания в Мекку вход запрещён. В центре Мекки находится главная и крупнейшая в мире мечеть Аль-Карам (Заповедная, Великая), во внутреннем дворе которой располагается главная святыня Ислама – Кааба.

В 630 году мусульмане мединской общины во главе с пророком Мухаммедом, усилив свою позицию, вошли в Мекку. Город сдался без боя, а его жители приняли ислам. Мекка со священной Каабой была превращена в религиозный центр, и мусульмане, где бы они ни находились, стали молиться лицом в сторону Мекки. Не все мусульмане могут совершить хадж в Мекку, участвовать в главном празднике мусульман и в священном месте лично принести жертву, поэтому каноны Ислама предписывают мусульманам исполнять кульминационную часть обряда не только в Мекке, а всюду, где могут оказаться мусульмане.

Празднику жертвоприношения *Курбан Байрам* предшествует пост Рамазан, который длится один месяц и заканчивается праздником разговения Ораза Байрам. В Туркменистане Курбан Байрам – один из самых любимых народом праздников. Каждая мусульманская семья совершает традиционный обряд жертвоприношения и готовит в своем доме блюдо из мяса жертвенного животного. Прийти угоститься им может каждый желающий.

В дни празднования Курбан Байрама чаще всего таким животным является баран. Однако можно жертвовать и более крупным животным, например, верблюдом или быком, и пригласить на праздник еще больше гостей. В первый день Курбан Байрама после утреннего намаза принято ходить в гости и принимать гостей у себя.

Таким образом, культурные традиции народа активно продолжают и сегодня и являются ценностью для молодого поколения, а диалог культур способствует сохранению этнотрадиций в образовательной среде.

Литература

1. Библер, В.С. Цивилизация и культура: Философские размышления в канун XXI века / В.С. Библер. – Москва, 1993. – 148 с.
2. Бондырева, С.К., Колесов, Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества : Учеб пособие / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М. : Издательство НПО «МОДЭК», Воронеж, 2007. – 280с.
3. Дмитриев, Г. Многокультурное образование. – Москва, 1999.
4. Жигалова, М.П. Этновitalность и мультикультурность в литературе. Интерпретация и анализ: монография / М.П. Жигалова. – Саарбрюккен. – 2012. – 305 с.
5. Лаптенко, А. Подготовка старшеклассников к жизни в поликультурном мире, Минск: НИО, 2012.
6. Панькин, А. Формирование этнокультурной личности, Издательство НПО «МОДЭК», Воронеж, 2006.

УДК 372.882
ББК 811.411.2

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В АСПЕКТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Ж.Н. Критарова, к.п.н.,
ст. научный сотрудник Центра
филологического образования Института
стратегии развития образования РАО
(Россия, Москва)

Аннотация

В статье представлена проблема взаимодействия русской и родной литературы. Обозначены специфические методы преподавания русской литературы в иноязычной языковой среде, предлагается перечень аспектов сопоставления произведений русской и родной литературы. Сравнительное изучение русской и родной литературы в школе с двуязычной образовательной средой (как пути реализации диалога культур) рассматривается на примере сопоставительного изучения народных сказок.

Ключевые слова:

художественное взаимодействие, взаимопроникновение литератур, сказки, ФГОС, методы изучения, диалог культур.

Одна из главных особенностей литературного процесса заключается в постоянном взаимодействии литератур, в усвоении одной литературой художественного опыта другой. Прав был В.М. Жирмунский, что «ни одна великая национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов, и те, кто думают возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на "блестящую изоляцию", а на провинциальную узость и самообслуживание» [2, с. 177-186].

История мировой литературы включает в себя историю разнообразных и всеобъемлющих связей, взаимно обогащающих национальные культуры. Начиная с 60-годов XX века, разработка типологических категорий, сближающих разные национальные (региональные) литературы, была одним из основных направлений в развитии отечественного литературоведения.

Обоснование понятий типология и типологический принцип в русской науке и их сопоставление с терминологией предшествующих ученых дано в работах В.М. Жирмунского.

В работах Ю.Б. Борева под типологическим принципом подразумевается художественное взаимодействие, которое предполагает разнообразные влияния одних художественных явлений на другие, взаимосвязи между элементами искусства как развивающейся системы, разные формы культурного диалога внутри искусства данной эпохи или современного искусства с прошлым. «Художественные взаимодействия наблюдаются на разных уровнях: отдельных произ-

ведений, отдельных художников, художественных течений, направлений и школ, наконец, на уровне целых литературных эпох» [1, с.77]. В основе художественных взаимодействий лежит диалог культур, концепция которого представлена в трудах М.М. Бахтина.

В условиях тесного многолетнего взаимодействия национальных литератур сравнительное литературоведение в СССР стремительно развивалось. В начале эти связи устанавливались между народами, находившимися непосредственно по соседству, со временем границы их все более расширялись, превратившись в международную форму общения и обогащения [7].

В современной Российской Федерации художественная литература создается на русском и родных языках. Интенсивно взаимодействуя, русская и родная литературы включаются в единый литературный процесс. В процессе межлитературных взаимодействий налаживаются контактные связи и типологические схождения. Внешние контакты включают в себя личное знакомство, встречи, беседы, переписку. Внутренние контакты осуществляются через перевод, подражание, взаимодействие с незнакомыми писателями на идейном, жанрово-стилевом уровне и традициях.

Процесс литературных связей и взаимодействий в той или иной мере находит отражение в литературном образовании учащихся.

Русская литература как предмет, изучаемый в школе с двуязычной языковой средой, выступает как иноязычная. Изучение русской и родной литератур открывает значительные перспективы для повышения культурного уровня учащихся, расширения их идейного и эстетического кругозора, углубления восприятия как родной, так и русской литературы.

Сопоставление сходных явлений в родной и русской литературе, различные виды работы с художественным переводом, изучение взаимовлияния двух литератур способствует достижению предметных и метапредметных результатов на уроках литературы. Среди основных средств активизации и развития мышления учащихся К.Д. Ушинский особо выделял сравнение, которое «есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение... В дидактике сравнение должно быть основным приемом». Одним из путей адекватного восприятия произведений русской литературы нерусскими учащимися является сравнение и сопоставление изучаемого произведения с типологически сходным произведением родной литературы. Ведущая роль отводится сравнительно-типологическому методу исследования, основанному на принципе общности и национального своеобразия русской и родной литератур [5], «который учитывает как общие, так и национально-своеобразные черты сравниваемых литератур, помогает точнее и глубже выявить их сходство и национальное своеобразие» [6, с. 33].

Наряду с общепринятыми методами изучения художественного произведения на уроке литературы, необходимо обратиться к методам, которые облегчают процесс преподавания русской литературы в иноязычной языковой среде:

- использование убедительных фактов о сходных явлениях в русской и родной литературах;
- выявление связей и взаимодействий в произведениях русской и родной литератур;
- перевод произведений с русского на родной язык обучающихся и с родного на русский.

Сопоставление произведений русской и родной литературы может осуществляться по разным направлениям. Основой для сопоставления могут служить, к примеру, следующие аспекты сравнительного изучения:

- Сопоставление авторских позиций.
- Сюжетные и композиционные аналогии.
- Языковые средства.
- Сравнение читательских оценок произведения.
- Историко-функциональные аспекты его прочтения, трактовки.
- Сопоставление ментальных решений общечеловеческих нравственных проблем.
- Цитаты и реминисценции из произведений иноязычных авторов в основном и в рамочном тексте (аллюзийные заглавия, эпиграфы и пр.).
- Иноязычная речь в русских художественных текстах.
- Стилизации и пародии.
- Стилистические эквиваленты в вольных переводах.
- Мистификации.
- Интертекст.

Взаимосвязанное изучение произведений русской и родной литературы на основе сопоставления способствует осознанию своей этнической принадлежности, знанию истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия России и человечества.

Литературное образование в школе начинается со знакомства с произведениями устного народного творчества.

«Знакомство с фольклорными и литературными произведениями разных времен и народов, их обсуждение, анализ и интерпретация предоставляют обучающимся возможность эстетического и этического самоопределения, приобщают их к миру многообразных идей и представлений, выработанных человечеством, способствуют формированию гражданской позиции и национально-культурной идентичности (способности осознанного отнесения себя к родной культуре), а также умению воспринимать родную культуру в контексте мировой» [4, с.237].

Национальное своеобразие народа более всего проявляется в народных сказках и преданиях.

Содержание раздела «Фольклор» в соответствии с ФГОС отвечает главным целям изучения предмета «Литература», в первую очередь, формированию духовно развитой личности, обладающей гуманистическим мировоззрением, национальным самосознанием и чувством патриотизма.

Сказка, как любой жанр фольклора, хранит черты индивидуального творчества, а вместе с тем является результатом коллективного творчества народа. Народные сказки отражают действительность, на основании которой они бытовали. В сказках нашли выражение народные чаяния, стремление к счастью, борьба за правду и справедливость, любовь к родине. Поэтому сказки народов мира имеют много общего, о чем свидетельствует теория бродячих сюжетов заимствований.

Удивительный мир русских народных сказок познают учащиеся с раннего детства. Знакомство со сказками других народов на основе диалога культур позволит учащимся увидеть в них как общее, так и национальный колорит. При взаимосвязанном изучении сказок разных народов на уроке литературы могут быть поставлены и реализованы следующие цели:

- выявление общего и различного в сказочном фольклоре двух народов;
- развитие умения анализировать, определять поэтическую конкретность мотивов, образов и ярких изобразительных средств, выработанных в сказках разных народов;
- знакомство с культурой и традициями дружественных народов, следуя словам К. Юнга, что «сказка – это кодовый язык, шифр нации».

В соответствии с ФГОС основного общего образования при взаимосвязанном изучении на уроке литературы сказок разных народов возможно достижение заявленных образовательных результатов, а именно:

✓ **личностных** - совершенствование духовно-нравственных качеств учащихся, воспитание уважительного отношения к фольклору разных народов;

✓ **метапредметных** - формирование умения сравнительного анализа, выделения причинно-следственных связей в тексте и в устном высказывании, умения формулировать выводы;

✓ **предметных** - обучение анализу художественного текста, определение идейно-художественного содержания сказок; выявление особенностей композиции и изобразительно-выразительных средств языка.

В фольклорном наследии пограничных стран сказка занимает ведущее место. Сюжеты народных сказок чрезвычайно разнообразны, встречаются в фольклорной и литературной традиции не только народов Востока, но и Запада. Многообразие сказочных сюжетов объясняется географическим положением и тесными контактами народов.

Сказка может многое рассказать о жизни, особенностях характера, культуре народа.

Чтение и анализ народных сказок позволяет сделать вывод, что литературные связи просматриваются в них чаще на уровне сюжета, о чем свидетельствует данная таблица.

Прочитав эти сказки, учащиеся увидят, что в них много общего, хотя, безусловно, они имеют свой национальный колорит. В данном случае важно подвести учащихся к выводу о единстве и многообразии культур народов мира.

<i>Сюжет</i>	<i>Сказка</i>
О злой мачехе и падчерице	«Морозко» – русская; «Добрая девушка», «Злая мачеха» – адыгейские; «Зухра и месяц» – татарская; «Бехнана» – турецкая; «Мачеха и падчерица» – осетинская; «Злая мачеха и добрая падчерица» – словенская; «Золотая яблонька» – белорусская; «Бабушка Метелица» – немецкая.
О женитьбе одного из трех сыновей на девушке-лягушке	«Царевна-лягушка» – русская; «Пудин и Лягушка» – нанайская; «Ган-батыр» – татарская; «Три сына» – ненецкая; «Женитьба трех братьев» – абхазская.
О чудесных конях-красавцах	«Сивка-бурка» – русская; «Музафар и его конь» – таджикская; «Три коня в подарок» – монгольская.
О чудесном неказистом коне	«Конек-горбунок» – русская; «Василь-дурачок» – молдавская.
О хитром и умном животном, которое приносит счастье своему хозяину	«Кот в сапогах» – французская; «Кузьма Скоробогатый» – русская; «Кот Максим» – белорусская; «Салом-терхон» – татарская; «Макта и кошка» – казахская.
О смышлёном мужике	«Царь и мужик» – русская; «Как джигит рассказывал царю небылицы» – татарская; «Иван-сказочник» – белорусская.
О хитром животном	«Лиса и дрозд» – русская; «Волк и перепелка» – кабардинская; «Хитрый воробей» – адыгейская.

Уроки по взаимосвязанному изучению народных сказок в аспекте диалога культур предполагают вовлечение учащихся в активную проектную деятельность. В данном случае речь может идти о реализации телекоммуникационного проекта, выполнение которого будет способствовать формированию интегрированных знаний в области исследуемого предмета, коммуникативных навыков, понимания национальной специфики народной сказки [3, с. 98-102].

Таким образом, в процессе взаимосвязанного изучения народных сказок можно говорить не только о формировании интеллектуальных, творческих, коммуникативных умений учащихся, но и о реализации диалога культур.

Литература

1. Боров, Ю.Б. Эстетика. В 2-х т. Т.2. – 5-е изд., доп. / Ю.Б. Боров. – Смоленск: Русич, 1997. – 640 с.
2. Жирмунский, В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка / В.М. Жирмунский. – Т. XIX. Вып. 3. – М., 1960. – С. 177-186.
3. Критарова, Ж.Н. Телекоммуникационный проект по литературе в условиях поликультурного образования // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества / Ж.Н. Критарова. – Владикавказ: Издательство СОГПИ, 2016. №6. – 155 с.
4. Примерная основная образовательная программа основного общего образования // Реестр примерных программ. – 560 с. Режим доступа: <http://fgosreestr.ru/>. [дата обращения: 15.11.2017].
5. Черкезова, М.В. Русская литература в национальной школе: Принципы общности и национального своеобразия литератур народов СССР в процессе преподавания русской литературы / М.В.Черкезова. – М.: Педагогика, 1981. – 151 с.
6. Черкезова, М.В. Проблемы преподавания русской литературы в инокультурной среде: методическое пособие / М.В.Черкезова. – М.: Дрофа, 2007. – 318 с.
7. Gdzie bije zrodlo...: Piesni ludowe pogranicza Polski i Bialorusi/ redakcja: Feliks Czyzewski, Agnieszka Dudek-Szumigaj, Marija Zygaloვა; Transkrypcja: Anna Michalec, Lidija A.Zacharczuk. – Lublin – Wisznice, 2015. – 288s.

УДК 378.147.

ББК 81.411.2

ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ

Л. Н. Овсиенко, к. пед. наук,
доцент кафедры украинской лингвистики
и методики преподавания, заместитель
декана филологического факультета по
научной работе ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий
государственный педагогический университет
имени Григория Сковороды», член-корреспондент
Украинской академии акмеологии
(Украина, г. Переяслав-Хмельницкий)

Аннотация

В статье раскрывается проблема понимания текста не только как языкового феномена, но и как социального, оказывающего непосредственное влияние на формирование полноценно развитой, культурной личности и специалиста, в том числе преподавателя-филолога.

Ключевые слова

Автор, реципиент, коммуникация, профессиональная речь, креативное мышление, коммуникативная культура

В рамках современной образовательной парадигмы, в частности в философии, герменевтике, социологии, психологии, лингвистике, психолингвистике, педагогике и лингводидактике возникает актуальный вопрос природы, смысла и значения текста. Проблемам текста посвящено значительное количество

научных публикаций, монографий, диссертационных исследований, которые являются теоретической основой текстоведедения.

В философии текст понимают как «процесс овеществления языка, когерентную последовательность языковых единиц, имеющих общую сферу применения» [13, с. 53].

Современная герменевтика понимает текст как многоаспектный процесс, обеспечивающий познавательно-креативную сущность интерпретационной деятельности человека, погруженного в многовекторную диалогичность с языком, культурой и т.д. Он является многослойным творением, в процессе понимания и интерпретации которого важно его развертывание во времени. Герменевтика текста привлекает к его интерпретации и целостный текст, и личность интерпретатора, и культурную традицию [6, с. 35].

В феноменологии – это содержание и сама структура сознания, фундаментальное образование, что позволяет мыслить об объектах, попадающих в центр исследования. Понятие «текст» является объединяющим явлением для феноменологии и герменевтики [3, с. 123].

Философская герменевтика текстом считает фактически все существующее в мире. Ученые понимают его как «объективную, реальную самостоятельность» в отношении любого субъекта, включая автора и интерпретатора. Глубина и полнота понимания текста непосредственно связана с вхождением его в герменевтический круг, который является основным принципом его понимания, основанным на взаимосвязи частей и целого. Понимание целого состоит из понимания отдельных частей, а для понимания частей необходимо понимание целого. Текст является частью всего творчества автора, которая, в свою очередь, есть частью определенного жанра или литературы в целом, а также – частью духовной жизни и биографии автора [7, с. 96].

Психологи рассматривают текст как основной элемент коммуникации, способ сохранения и передачи информации, форму существования культуры, результат определенной исторической эпохи, отражение жизни отдельной личности и общества в целом [2, с. 39].

В лингвистике его определяют как объединенную смысловыми и грамматическими связями последовательность предложений, основными свойствами которого являются связность, целостность, завершенность и, которые составляют материал речевой деятельности личности [1].

Если анализировать текст с точки зрения психолингвистики, то он является продуктом деятельности человека, в котором воплощается и объединяется психологическое содержание, условия общения и личность говорящего. Текстом может быть вопрос, короткий ответ, простое или сложное предложение, развернутый монолог. Как продукт речевой деятельности он объективирует предмет говорения, то есть мысли. В центре внимания стоит языковая личность, процессы порождения и восприятия текста, которые рассматриваются как результат ее речевой и мыслительной деятельности. Если лингвистика понимает текст как предложение или их совокупность, которые являются материалом речевой деятельности личности, то в психолингвистике – это форма акта коммуникации, компонентами которой есть предмет коммуникации, автор и реципиент [9, с. 67–68].

В лингводидактической традиции текст характеризуют как «сложную коммуникативную структуру, с помощью которой автор и адресат осуществляют коммуникацию; составляющую типичных моделей коммуникации с обязательными компонентами: адресантом, адресатом, логикой изложения материала, композиционной структурой, направленностью всех языковых средств на реализацию замысла и с целью воздействия на реципиента; механизм общения и риторического структурирования в соответствующем контексте; средство получения, хранения, переработки и использования знаний, отражение концептуализации, категоризации мира и внутреннего рефлексивного опыта; объект, имеющий определенную функциональную направленность и ограничения, которые накладываются на его формирование ситуацией общения; определенную кодировку или код; коммуникативное событие, связанное с современными информационными технологиями, которое осуществляется с помощью компьютера; фрагмент конкретной социальной действительности с определенными локально-темпоральными пределами, заданными социальным содержанием, ценностными ориентациями, прагматическими установками и коммуникативной компетентностью представителей определенной общности или сферы общественной деятельности; продукт речевой деятельности, который первый раз рождается в момент создания его автором и может переживать повторные рождения в процессе восприятия его реципиентом; центральное звено в процессе коммуникации; основу успешного личностного развития учащихся и студентов, формирования в них украиноязычной коммуникативной компетентности и риторической культуры» [8, с. 128–129].

Лингводидактики характеризуют текст в аспекте его нормативности и коммуникативной пригодности. Именно он рассматривается как центральное звено в процессе коммуникации. Иными словами, речь идет об «умении воспринимать и производить профессиональные высказывания с соблюдением языковых норм и коммуникативных качеств (правильности, логичности, чистоты, выразительности и т.п.)» [11, с. 179].

Филологи-методисты рассматривают художественный текст как межкультурный универсум, так как любое «произведение объединяет в себе материальную и духовную сферы» [4, с.9], «...живёт в своей культурно-эстетической среде и неизбежно будит в сознании автора будущего текста и его читателя отголоски знаний о разных школах и традициях» [5, с.27]. А это значит, что «анализ художественного текста всегда решает проблему развития природного чутья читателя, его эстетического вкуса, и, конечно же, проблему обогащения знаний по литературоведению, лингвистике, культурологии, психологии и т.д., решает проблему коммуникации» [4, с. 10].

Значимым при этом остаётся вопрос изучения художественного текста в инонациональной среде. Как справедливо утверждает М.П.Жигалова, «изучение его проходит в рамках многогранных интегральных аспектов... Анализируются не только литературоведческие, лингвистические элементы, но и интертекстуальные, философско-культурологические, сравнительно-типологические... культура и психология этноса, жизнь произведения... в «большом» и «малом» времени, то есть, сегодня и всегда» [4, с. 25-26].

Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что текст – это не только языковое явление, но и социальное, которое имеет непосредственное влияние

на формирование всесторонне развитой, культурной личности и специалиста, в том числе учителя-филолога.

Проблема успешного профессионального и личностного становления, совершенствования профессиональной речи, формирования творческого мышления, коммуникативной культуры студентов филологических специальностей высших учебных заведений может быть успешно решена, если обучение будет основываться на текстоцентрических началах.

Проведенный анализ программ, методической литературы, собственный опыт работы подтверждает мнение, что высшие учебные заведения, в том числе те, которые готовят будущих учителей-филологов, нуждаются в новой организации учебной работы. Программы дисциплин филологического направления («Современный украинский литературный язык», «Основы культуры речи», «Культура профессиональной речи», «Стилистика украинского языка», «Лингвистический анализ текста», «Риторика», «Лингвокультурология», «Современные аспекты лингвистики» и др.) по своему содержанию должны способствовать совершенствованию профессионального мастерства, формированию языковой, речевой, риторической культуры личности, направлять студентов к активной коммуникативной деятельности.

По мнению Т. Рукас, «в учебном процессе, построенном по принципу диалогического общения, и преподаватель, и студент становятся равноправными действующими лицами», то есть на занятиях должны создаваться такие ситуации, в которых студент-филолог «вынужден будет активизировать свои творческие способности, мобилизовать внимание, память под влиянием эмоционального восприятия событий» [12, с. 210–211].

Разделяем позицию Л. Пономарь, которая справедливо утверждает, что «преподавание языкового курса надо базировать на текстах по специальности студентов и различных типах заданий к ним, ведь именно текст является необходимым материалом, что способствует интенсификации учебного процесса; придает большое значение развитию устной речи студентов на бытовой и профессиональной основе» [10, с. 9].

Системное и систематическое использование текстового материала знакомит студентов филологических специальностей с характерными особенностями высказывания и готовит их для глубокого понимания классических и создания собственных текстов. Именно в процессе работы с текстом формируются языковая, коммуникативная, лингвистическая, дискурсная, социокультурная компетентности студентов, развивается их эмоциональная сфера, происходит духовное обогащение и т.д.

Итак, на основе предложенного преподавателем текста – языкового материала, содержащего необходимые для изучения языковые единицы (слова, словосочетания, предложения, явления), с помощью заданий, предполагающих обработку этого материала, построения собственных высказываний различных типов и стилей речи основывается текстоцентрический подход, который реализуется в процессе изучения единиц языка на текстовой основе.

Текстоцентрический подход к обучению дисциплин филологического направления позволяет органично совместить усвоение структурно-семантических признаков тех явлений, которые изучаются, а также способствует фор-

мированию в студентов на основе полученных знаний по стилистике, лингвистике текста, теории литературы, культуре речи практических умений и навыков, необходимых в будущей профессиональной деятельности:

- воспринимать и воспроизводить чужие, а также строить собственные устные и письменные высказывания;
- определять нормативное использование языковых средств в текстах разных стилей речи;
- оценивать текст с точки зрения его содержания, формы, замысла и языкового оформления;
- определять роль и уместность использования в тексте лексических, фразеологических средств языка, их стилистическую функцию;
- оценивать прочитанное, высказывать собственное мнение;
- подбирать интересные, убедительные аргументы в защиту своей позиции, в частности из собственного жизненного опыта;
- готовиться к выступлению: выбрать тему, составить текст, проанализировать его, выступить, собрать отзывы, то есть изучить эффективность;
- проектировать диалог, учитывая ситуацию, требующую соблюдения делового этикета; написать этот диалог; обосновать выбор средств; провести ролевую игру (например, телефонный разговор);
- пересказывать прослушанный текст художественного, научного, публицистического или иного стилей речи и т.д. [14].

Работа с текстами развивает и совершенствует не только память студентов-филологов, но и их речь, творческое мышление, воображение, коммуникативные умения.

Как видим, текст выполняет разнообразные функции: средства реализации авторского коммуникативного замысла, средства обучения и воспитания, образца для построения собственного высказывания, помогает сохранять и передавать информацию в пространстве и времени, является продуктом конкретной эпохи, формой существования культуры, отражением определенных социокультурных традиций и т.п. .

Изучение дисциплин филологического направления на текстовой основе способствует:

- повышению качества знаний, познавательного интереса к каждой дисциплине;
- поиску, пониманию информации, полной и глубокой ее передаче;
- созданию соответствующих моделей деятельности;
- развитию творческого сотрудничества;
- использованию опыта, идей и подходов других лиц;
- развитию эмоциональной и эстетической чувствительности [14].

В рамках нашего исследования приведем примеры тех заданий, выполнение которых, по нашему мнению, будет способствовать формированию профессиональных умений и навыков будущих учителей-филологов и, которые отображают процесс обучения лингвистики текста. Кроме того предложенные упражнения направлены на изучение дисциплины «Современный украинский язык. Лексикология» (Тема «Синонимы и антонимы в современном украинском языке. Перифразы и эвфемизмы»).

Задание 1. Прочитайте. Назовите те коммуникативные стратегии, которые присущи письменному тексту. Расширьте его, используя языковые манифестанты коммуникативных стратегий так, чтобы он приобрел черты научного (научная статья, в которой ставят вопрос о связи праздника с языческими обрядами), публицистического (проинформировать читателей о приближении праздника и его содержание), художественного (создать поэтический образ) и бытового (письмо с рассказом о праздновании) стилей. Расширяя представленный текст, введите в него по три пары синонимов и антонимов.

Івана Купала – прадавнє свято єднання людини і природи. Воно відзначається 7 липня, у час літнього сонцестояння. На Івана Купала збирають цілюще зілля, квіти, дівчата плетуть вінки. Хлопці закопують на пагорбі купальське деревце – Мариноньку-Купальницю, дівчата прикрашають її квітами, стрічками, намистом. У центрі села роблять Купало – солом'яне опудало, готують вогнище. Ввечері молодь стрибає через купальське вогнище, найсміливіші відправляються в ліс шукати цвіт папороті. Наприкінці дійства опудало топлять у воді, а дівчата пускають вінки із запаленими свічками.

Задание 2. Представьте ситуацию: во время посещения книжной выставки Вы обратили внимание на очень интересную книгу (выбор книги произвольный). 1) Вы решили рассказать подруге, которая живет в другом городе, о новой книге и порекомендовать ей ее прочитать. 2) Вам предложили написать отзыв о книге для размещения в профессиональном журнале. Напишите два текста, используя перифразы и эвфемизмы. К каким стилям речи относятся созданные Вами тексты? Выделите характерные для них обороты, особенности структуры.

Задание 3. Прочитайте текст. Адаптируйте его, выбрав роль ученого-популяризатора, цель которого заинтересовать научной информацией широкий круг читателей (в тексте используйте синонимы). На какие культурно-прагматические компоненты научного текста Вы обратили внимание в первую очередь?

Розвиток мови загалом супроводжується постійними змінами. Змінюється її звукова, лексична, морфологічна й синтаксична системи.

Розвивається мова за своїми законами, які мають об'єктивний характер, тобто не залежать від волі людей. Усі зміни в мові зумовлені зовнішніми і внутрішніми причинами.

До зовнішніх причин належать економічний та суспільно-політичний розвиток, вплив різних історичних подій, прогрес у науці та техніці, розвиток культури тощо.

Зовнішні чинники є надзвичайно потужними. Від них залежать не тільки зміни в мові, а й саме існування чи зникнення мови. Мова існує доти, доки існує народ – носій цієї мови. Вона зникає тоді, коли зникає народ, що може трапитися внаслідок втрати державної незалежності, асиміляції політично панівною нацією в багатомовній державі чи внаслідок фізичного винищення.

Задание 4. Обратитесь к событиям современной Вам истории. Попробуйте осветить их в короткой газетной заметке, используя антонимы. Очертите экстралингвистический контекст созданного Вами публицистического текста, отметив воображаемую аудиторию, ситуативный контекст, коммуникативное намерение, выделенную Вами систему ценностей. Предложите сокурсникам

проаналізувати Вашу газетну заметку, обративши увагу на відповідність її комунікативної ситуації і комунікативної мети.

Задання 5. Прочитайте текст виступлення на тему «Діагностика дружби». Визначте вступлення, основну частину і висновок. Які аргументи приводить автор? Згодні Ви з ними? Яким чином викладено цю тему запропонуйте Ви. Складіть свій план. К виділеним словам підберіть синоніми і антоніми (3–4).

Кажуть, що справжня дружба перевіряється часом. Проте, на думку багатьох людей, особливо молодих, у нашому повсякденному житті ситуації, в яких можна перевірити дружбу, виникають не часто. Навіщо чекати цілий рік або навіть більше, якщо можна перевірити свого друга просто зараз.

*Справжнього друга можна випробувати тільки в екстремальних умовах, коли під загрозою опиняється життя. Скажімо, на одного з друзів напали озброєні бандити, а інший прийшов йому на допомогу, віддавши за нього життя – оце переконливе свідчення дружньої **вірності** та відданості.*

Тепер уявіть таку ситуацію. Ваш друг тоне. Ви поруч на березі, але не вмiєте плавати. Звичайно, треба зробити все можливе, щоб урятувати друга. Але чи треба самому кидатися у воду? Мабуть, така жертва буде безглуздою.

*То як же все-таки перевірити справжнього друга? Інсценувати напад? Зіграти роль потопачого? Чи може вибрати щось менш **екстремальне**, таке, що не загрожує життю? Наприклад, довірити другові якусь нібито страшну таємницю, а потім з'ясувати, чи не розповів він її комусь.*

*Можна постійно ображатися на маленькі дрібниці, сперечатися без будь-яких поважних причин. Це дасть змогу перевірити, чи буде ваш друг заради вас іти на **компроміси**. Можна ставити **ультиматуми** на зразок: «Не буду з тобою дружити, якщо ти не припиниш спілкуватися з тією чи іншою людиною», «Ти мені не друг, якщо допомагаєш іншому» тощо і чекати, що ваш друг відмовиться від інших людей у своєму житті заради вас.*

*Як бачите, існують різні способи перевірки справжньої дружби, від найбільш радикальних, до найпоширеніших у повсякденному житті. Проте тут виникає інше питання, а чи потребує справжня дружба таких **маніпуляцій**? Чи не є вони свідченням недовіри між людьми? Чи поняття дружби та **вірності** сумісні з недовірою, підозрілістю?*

*Звичайно, ідеальної дружби у світі майже не буває, друзі можуть сваритися, але вмiють і прощати. Часто простий збіг обставин, прикра випадковість або зумисні підступні дії **недоброзичливців** можуть вносити дисгармонію у стосунки між друзями. Проте це не означає, що треба негайно влаштовувати перевірки.*

*Найкраща «діагностика» дружби – це відверта розмова, яка допоможе з'ясувати всі непорозуміння. Якщо ви не можете поговорити з людиною відверто, то такі стосунки не можна назвати дружбою. Їм не допоможе ніяка **діагностика**.*

Задання 6. Прочитайте новеллу Гр. Тютюнника «Чудеса», написану в формі листа-прохання. Визначте лінгвістичні засоби передачі авторського задуму. Проаналізуйте лист Мусія Приходько з урахуванням вимог епістолярного стилю і особливостей зовнішнього контексту. Змініть лист, вводячи в нього синоніми, антоніми, перифрази і ефемізми.

По нашому мнению, если текст будет рассматриваться как источник знаний, дидактический образец и средство формирования и развития профессиональных компетентностей будущего учителя, в частности филолога, то можно говорить об успехе и высокой результативности учебного процесса.

Таким образом, в тексте функционируют единицы всех языковых уровней, объединенные в соответствии с законами текстообразования, предусматривающие сохранение логико-смыслового единства высказывания с учетом жанрово-стилистических особенностей. Поэтому грамматически правильная речь студентов-филологов может развиваться на основе текста, ведь грамматические формы приобретают своеобразных функционально-стилистических, коммуникативных значений только в тексте. Во время работы с текстами происходит становление и развитие коммуникативной и других профессиональных компетентностей студентов. Текст как феномен существования языка становится исходным моментом и конечным результатом обучения всех дисциплин филологического цикла.

Литература

1. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / Ахманова О.С. – М. : Просвещение, 1957. – 362 с.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Выготский Л.С. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Грицаенко, П.М. Гуманітарне пізнання : сутність та особливості поняття / П.М. Грицаенко // Філософія. Політологія. – 2007. – Вип. 84–86. – С. 121–124.
4. Жигалова, М.П. Филологический анализ художественного произведения как межкультурного универсума: уч.-метод. пособие / М.П.Жигалова – Брест: БрГУ имени А.С.Пушкина, 2014. – 116с.
5. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография / М.П.Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – Брест: БрГУ, 2008. – 225с.
6. Єщенко, Т.А. Лінгвістичний аналіз тексту : [навчальний посібник] / Єщенко Т.А. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 264 с.
7. Овсієнко, Л.М. Текст в аспекті досліджень філософської герменевтики / Л.М. Овсієнко // Теоретична і дидактична філологія : збірник наукових праць. – Переяслав-Хмельницький : Видавництво ФОП В.М. Гаврищенко, 2014. – Випуск 18. – С. 92–96.
8. Овсієнко, Л.М. Текст як об'єкт вивчення лінгвістики і лінгводидактики / Л.М. Овсієнко // Теоретична і дидактична філологія : збірник наукових праць. – Переяслав-Хмельницький : ФОП Лукашевич, 2014. – Випуск 17. – С. 114–131.
9. Овсієнко, Л.М. Текст як об'єкт вивчення психолінгвістики / Л.М. Овсієнко // Теоретична і дидактична філологія : збірник наукових праць. – Переяслав-Хмельницький : ФОП Лукашевич, 2013. – Випуск 15. – С. 58–69.
10. Паламар, Л.М. Функціонально-комунікативні основи навчання українській мові у вузі в період національного відродження / Л.М. Паламар // Українська мова у вищих навчальних закладах України : тематичний збірник наукових праць. – К. : ІСДО, 1993. – С. 3–11.
11. Пентилюк, М.І. Актуальні проблеми сучасної лінгводидактики : [збірник статей] / Пентилюк М.І. – К. : Ленвіт, 2011. – 256 с.
12. Рукас, Т.П. Про мету та зміст курсу «Ділова українська мова» / Т.П. Рукас // Нові технології навчання : науково-методичний збірник. – К.: ІЗМН, 1998. – Вип. 23. – С. 204–213.
13. Стояцька, Г.М. Особливості дослідження тексту : історико-філософські версії та деконструктивістський підхід : дис.. кандидата філос. наук : 09.00.05 / Стояцька Ганна Михайлівна. – К., 2001.–170 с.
14. Шиянюк, Л.В. Текст як основа формування риторичної культури студентів-нефілологів / Л.В. Шиянюк // Вісник Львівського університету. – Л. : [б. в.], 2010. – Випуск 5. – С. 33–40.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРА БРЕСТЧИНЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Л.А. Захарчук, к.п.н., доцент
БрГУ им. А.С.Пушкина
(Беларусь, Брест)

Аннотация

В данной статье рассматривается значение изучения музыкальной этнокультуры в современном развитии общества, в формировании нравственных качеств человека, его эстетической культуры. Подчеркивается эстетический аспект, отражаются традиционные музыкально-исполнительские особенности, представлен музыкальный синтаксис видов и жанров музыкального песенного фольклора.

Ключевые слова:

этнокультура, календарно-обрядовый, семейно-обрядовый, детский фольклор, музыкальный синтаксис

Традиционная народная культура брестского края, включающая в себя образовательно-воспитательный и культурно-воспитательный компоненты, наряду с другими факторами развития современного общества, активно участвует в формировании нравственной, эстетической культуры личности и ее национального самоопределения.

Возможности этнокультуры в целом и Брестчины в частности актуализируются в современной концепции образования, целью которой является развитие культурной личности, ориентированной на общечеловеческие ценности, мировую и национальную художественную культуру, способную к самоопределению и культурной идентификации.

В работе с детьми, подростками, молодежью должны решаться задачи формирования этнокультурной идентичности, сохранения этнокультурного наследия на основе принципов культуры мира. В процессе формирования этнического самосознания личности необходимо обратить внимание на ценностное отношение к истории, национальным традициям, обычаям, фольклору, языковой культуре, государственности, а также на уважение к национальным культурам других народов.

В современной научной практике этнокультурное пространство рассматривается как среда, формирующая ценностные ориентации личности на всех этапах её становления. Владение системой этнокультурных ценностей является для личности составляющей её методологической культуры, что в свою очередь, позволит осмыслить культурно-образовательное пространство, практически реализовать творческий потенциал в соответствии с современными приоритетами развития духовного мира человека.

Народные традиции и обычаи, обряды и праздники, музыкальный фольклор – значительная часть этнокультурного наследия любых народов. Сохранять, изу-

чать и передавать их своим потомкам – важное условие жизни своеобразной самобытной культуры.

Этнокультура включает и объединяет такие факторы воздействия на личность как природа, отношения, быт, искусство, религия, и, таким образом, она охватывает весь спектр значений, в структуре понятия «разносторонне развитая личность».

Исторические процессы возрождения народной культуры требуют обращения к истокам обычаев, традиций, обрядов, в частности к календарно-обрядовому, семейно-обрядовому, детскому музыкальному фольклору важных составляющих этнокультурного наследия. Среди современных тенденций культурного развития следует отметить внимание ученых, интерес исследователей, которые уделяются этнокультуре приграничных территорий, традициям и обрядам белорусского и польского народа. Особенностью приграничной этнокультуры является наличие богатейшего в свете фольклора потенциала. Это подтверждают высказывания известных исследователей, этнографов, культурологов, музыковедов (Г. Барташевич, Л. Зыкова, К. Кабашников, К. Лобачевская, А. Лис, А. Лозка, Л. Соловей, З. Можейко, Л. Костюковец, Ю. Чурко и др.), которые занимались собиранием, изучением и анализом этнокультуры белорусов.

В этом смысле актуализируется внимание современных исследователей к фольклору, который представляет собой объединяющее многообразное явление, сложившееся на основе традиций, включает «комплекс словесных, песенных, игровых и других жанров, связанных с календарными обрядами, сопровождавшими жизнь и трудовую деятельность земледельца на протяжении годового цикла» [4, с. 388].

Характерной особенностью фольклора является то, что он тесно связан с народным творчеством, в котором много разных песен, загадок, пословиц, поговорок, традиционных элементов. Все это, как известно, позволяет постигать народные традиции и жизненную мудрость.

В фольклорных, исторических, этнографических работах отмечено, что народные обряды и праздники, музыкально-песенный фольклор, инструментальное искусство – это духовная система жизни людей, их мировоззрение, опыт социальный и творческий. Однако календарно-обрядовый, семейно-бытовой, детский музыкальный фольклор и другие виды традиционной народной культуры Брестчины недостаточно изучены в историко-культурологическом, музыкально-эстетическом аспектах.

Брестская область является регионом компактного проживания украинскоязычного населения, поэтому значительная часть традиционной народно-песенной культуры этой территории включает украинский музыкальный фольклор. Вместе с тем, этот край владеет самобытной музыкальной традиционной культурой, оригинальным национальным колоритом и этническими особенностями, проявляющимися в языке, поэтике, песнях, юморе.

Функционирование, трансформация белорусской музыкальной этнокультуры, преобразование некоторых элементов, частичное изменение образно-содержательной сферы не ослабляют связи фольклора с входящими в него эстетическими ценностями. Возобновляемые в каждом поколении традиционные

элементы народной культуры позволяют творчески выразить национальное своеобразие и самобытность белорусского народа, его философские, педагогические, эстетические взгляды.

Белорусские календарно-обрядовые праздники, семейно-обрядовый, детский фольклор, имеют некоторые функциональные особенности. Во время празднования в зрелищной, вербальной, символической и других формах происходит ценностная ориентация личности, становится доступным целый спектр нравственных чувств, эстетических эмоций, настроений, передающих колорит праздника, его динамизм и красочность. Важный момент фольклорного праздника, обряда, игры состоит в том, что нередко они своими элементами обогащают культуру повседневную. Многие праздничные, обрядовые действия традиционно вошли в быт народа, многие праздничные атрибуты используются в повседневной жизни, придавая особый национальный колорит развитию народной культуры Брестчины.

В процессе этнокультурного развития детей, подростков, молодежи и других социальных групп особое место отводится календарно-обрядовому фольклору, народной праздничной культуре, в которой репрезентированы различные жанры: игры, народные песни, произведения народной хореографии, инструментальная музыка, образцы устного народного творчества.

Важной составляющей календарно-обрядового фольклора является народная игровая культура, в процессе функционирования которой человек приобретает социальный опыт. В современной научной литературе в играх выделяются функционально-тематические и календарно-обрядовые признаки. Согласно последним, игры разделяются на: зимние, весенние, летние, осенние, семейно-обрядовые.

Игровая деятельность, не связанная с календарно-обрядовым, семейно-обрядовым фольклором, включает игры с инвентарем, игры спортивного характера, состязания, игры с элементами интермедии, хореографии, творческой выдумки, забавы, развлечения, потехи, и др.

В целом игровая культура брестского края, также как и других регионов, тесно связана со многими сферами народной жизни (трудом, бытом, обрядами, отдыхом), переплетается с различными видами фольклора - устно-поэтическим, песенным, театральным, хореографическим и представлена различными по истокам, образно-содержательному стилю, назначению, эмоциональной насыщенности формами и видами.

Народной игре нужны особые условия: включенность в структуру традиционной культуры, повторяемость в современной реальности, определение времени, приуроченности, пространства, возраста участников, использование атрибутов и символов, соблюдение законов и правил игры. Настоящая народная игра сопровождается шутками, забавами, радостным настроением всех участников. В ней находят выражение многие эстетические и нравственные ценности - красота, гибкость тела и находчивость, сообразительность в поведении, ритмичность действий и смысл жестов и слов. Народная игра не имеет ярко выраженных границ социальных, возрастных или государственных. В содержательно-образном наполнении она может включать танцевальность, соревновательность, карнавальность и другие виды игровой культуры.

Народные игры дифференцируются по возрастному признаку - детские, подростковые, юношеские, молодежные. С конца XIX в. наблюдается тенденция перехода большинства народных игр в детскую среду. Структурные характеристики детских игровых действий позволяют дифференцировать их на индивидуальные, ролевые, групповые, импровизационные, с предметами, характерные и другие.

В современных условиях, в процессе освоения традиционных этнокультурных ценностей, мы имеем возможность использовать игры, которые отражают традиции семейно-обрядовой и календарно-обрядовой жизни белорусского народа, проживающего на приграничных территориях. В них переносят пословицы и поговорки, сказки, обычаи, обряды, которые раньше широко употреблялись в повседневной жизни. Эти игры повторяют и закрепляют нравственно-эстетический кодекс белорусского, украинского, польского народов. Однако, их особенностью является то, что многие из традиционных элементов этих игр сегодня не находят применение в реальной жизни. Поэтому для того, чтобы возродить народную традицию, необходимо игры такого типа проводить в образе театрализованных сюжетно-ролевых мероприятий. В этом случае у каждого участника игр есть возможность основательно выучить свою роль, овладеть теми элементами народной традиции, которые соответствуют той или иной роли и сюжету (песни, пословицы, поговорки, загадки, обычаи и обряды).

Эстетический аспект календарно-обрядового фольклора и других видов народного творчества имеет свои специфические особенности проявления. На наш взгляд, эстетическая направленность белорусской этнокультур осуществляется образно-содержательной системой, в которой широко развита символика, богатство ассоциаций, сравнений, приемов психологического параллелизма (когда явления природы рассматриваются отдельно от человека, становясь зеркалом человеческих чувств и эмоций). Яркие примеры психологического параллелизма мы находим в таких календарно-обрядовых праздниках, как "Гукане Вясны", "Купалле", "Дажынкi", „Каляды" и другие, которые в последнее время возрождаются в народной культуре Брестчины. Эти праздники сохранили в себе старинные обрядовые элементы и действия, которые изначально выполняли важную магическую функцию: в хороводах, закличках, приговорах, песнях люди стремились передать окружающей природе радостную энергию, направленную на пробуждение земли от зимнего сна, встречу весны, надежду на богатый урожай, приход чудодейственных сил, способствующих благополучию человека. С течением времени магические, обрядовые, исторические и другие мотивы в белорусском календарно-обрядовом фольклоре становятся для его исполнителей чисто традиционным элементом.

Белорусский календарно-обрядовый фольклор отражает эстетические вкусы его творцов и исполнителей. Отмечая эту особенность, одновременно следует выделить эстетическую окраску поэтического и музыкальных текстов большинства произведений народного творчества. Это такие образцы музыкально-песенного фольклора как: «Женчичок–брэнчичок», «Ты зязюля не кукуй», «Го-го-го каза», «Щедрик», «Жавароначкі, прыляціце», «Ой на Купала-купалочка», и др. Их несложный метроритм, ладовое и динамическое разнообразие, благозвучное сочетание голосов, орнаментальный характер мелодий вызы-

вают глубокое эстетическое наслаждение, пробуждают чувства прекрасного, возвышенного, вводят в фантастический мир поэзии, сказки, действия, обряда, который соткан из традиционных образов, символов, песен и музыки и олицетворяет собой дух народа, его силу и красоту.

Следует отметить, что эстетическая направленность присуща месту и атрибутам праздника. Некоторые из них проходили в светлице - самой большой светлой комнате, убранной белорусскими ручниками, скатертью и другими праздничными атрибутами. На протяжении столетий в обрядовом фольклоре отрабатывалось национальное своеобразие музыкально-поэтических, хореографических, драматических форм, оттачивался стиль. В нем сохранилась поэтическая, эмоционально-насыщенная атмосфера праздника, пронизанная радостью коллективного труда, прекрасными чувствами единения человека с природой.

Возникновение, возрождение, функционирование таких календарно-обрядовых праздников, как "Колядки", "Гуканне Вясны", "Купалле", "Дажынкi, а также фольклорных праздников развлекательного характера "Беларускія вячоркі", "Запрашаем на кірмаш", "У гасцях у Лявона" и др., имеют важное значение для развития традиционной народной белорусской культуры. Приобщение личности к фольклорным ценностям, на наш взгляд, становится важным фактором развития белорусской культуры. С точки зрения нравственно-эстетического развития личности опыт участия её в фольклорном празднике является целесообразным, так как приобретенные в его процессе умения и навыки - действенные средства активизации творческой деятельности.

Следовательно, фольклорный праздник, игровую культуру, народное песенное творчество можно представить как суммудетерминант исторического, экономического, национального характера, направленных на удовлетворение духовных и эстетических потребностей личности, которые обусловлены уровнем образованности и культуры.

Белорусские народные игры и праздники, как источник, фольклора содержат ценности, которые выходят за временные рамки. Кроме историко-этнографической информации, заложенной в большинстве фольклорных видов и жанров, народные игры, праздничные обрядовые действия развивают человека эмоционально, нравственно. Радость движения в играх, совместное исполнительское творчество сочетается с духовным обогащением личности, направленным на формирование ценностного отношения к этнокультуре и культуре других народов.

Однако, описывая белорусскую этнокультуру, исследователи не всегда уделяли должное внимание их музыкально-художественной основе – песням, инструментальной музыке, хореографии. Между тем, именно музыкально-художественная часть придавала явлениям (обрядам, событиям, праздникам) глубокую содержательность и цельность, эмоционально-драматическую насыщенность и эстетическую ценность.

Как известно, эстетика народного музыкального творчества представляет собой коллективный процесс создания образа народными исполнителями. Иногда новый напев или художественный образ создаётся стихийно, но в основном, музыкальный фольклор представляет собой сотворчество поколений, которые

являются трансляторами этнокультурных ценностей. Опираясь на предыдущий опыт, народные исполнители соединяют художественные образы разных эпох, стилей и направлений, создавая мелодически-смысловый архетип национальной культуры.

Исследователи народных традиций и обрядов, а также исполнители музыкального фольклора длительный период изучали и активно использовали в своём творчестве в основном хороводы. Песни, которые сопровождали колядование, щедрование, зазывание весны, дожиночные обрядовые песни изучались и записывались мало. Одной из причин была религиозная направленность многих обрядов, исполнение которых долгое время запрещалось на территории Брестчины в связи с существовавшим законодательством. Право на исполнение имели только те веснянки, купальские и другие песни, содержание и мелодии которых подвергались художественной обработке. Такой же подход существовал и в прилегающих к Брестчине областях.

Приведём пример дожиночных песен д. Тур Волынской обл. Ратновского р-на записанных со слов Мосейчук Марии Савовны – 1935 г.р.

Наш господарик щудроватий
На горилочку богатий,
Як щудройками затрасе
Нам горилочки принесе.
Нам горилочка не мила:
Широка нива стомила,
Не так загопи як снопи,
Далеко нести до копи,
Не так до копи до стосу,
Сколола нужки, бо боса....

В современной интерпретации эта песня записывается и исполняется с другим текстом:

Котився віночок з лану
Під колгоспну браму,
Під колгоспні одвірки,
Дай, голово, горілки.
Не йди, голово, в поле,
Бо в полі стерня коле,
Заблудиш між копами
Як місяць між зорями.
Я стерні не боюся,
В черевики взуюся,
На женців подивлюся.

Смысловый акцент в первом варианте делается на тяжёлый труд жнецов, утомлённых широкой нивой, большими снопами. Во втором примере главным персонажем является “голова”, который, не участвует в трудовом процессе, а называется месяцем среди звёзд, щедрым хозяином, что бесспорно, понижает ценностную характеристику данного жанра. Вместе с тем, некоторое, на наш

взгляд, искажение содержательной сущности рассмотренного образа не влияет на формирование ценностных ориентаций человека в области музыкальной этнокультуры.

Современные самодеятельные и профессиональные коллективы пытаются возродить свадебный, колядный, троцкий, купальский, и другие обряды и праздники в их традиционной последовательности с использованием стилизованных элементов. Не всегда такие попытки являются успешными и одной из причин неудачных сценических интерпретаций обрядов, является поверхностное освоение их сюжетно-композиционной основы, неглубокое знание постановщиками традиционного компонента народного обряда и особенно его музыкально-художественной части.

Отметим некоторые музыкально-синтаксические особенности народных песен, танцев, хороводов, которые составляют музыкально-художественную часть обрядовой этнокультуры брестского региона. Большинство музыкальных жанров разнообразны по тематизму, содержанию, средствам выразительности музыкально-поэтического языка. Манера исполнения, тип интонирования в определённой степени зависят от функциональных особенностей песен, а также национальных традиций песенной культуры (на Брестчине – это многоголосие, с элементами подголосочной полифонии).

Обрядовые песни в основном – хоровые, с широким расположением голосов. Подголосок, как правило, не дублирует мелодию, а создаёт самостоятельную партию. Например, в белорусской народной песне «Вясна красна наставала», женские голоса исполняют мелодическую линию, а мужские на более длительных нотах поют гармоническое основание указанной песни.

ж/г

Вясна красна наставала

Снягі белы саганяла,

Звесьліла землю й воду

І мяне, мяне малоду

м/г

Вя – сна – наставала

Снягі – саганяла,

Зве – ся – лі – ла

Мяне – ма – ло – ду

Исполнение народных песен на улице отличается особым эмоциональным настроением и неповторимым колоритом, характерным для славянской народной культуры.

Если в обрядовых песнях используются элементы народной полифонии, фальцетные, грудные подголоски, то в хороводах, в основном, исполнение является одноголосным. Однако, в зависимости от содержания и характера, встречаются двух – и трёхголосные хороводы, составляющие основу танцевальной музыки. Склад изложения – гармонический, в ладовом отношении – сочетание минора (запева) и мажора (припева), метроритмические характеристики такие же, как у большинства лирических, протяжных жанров. Характерной ладовой особенностью обрядовых песен является неширокий диапазон (в пределах интервала чистой квинты). Купальская.

Ой, ти зозуленько рябенькая,
Чого ти така маленькая?
Мене пташеньки годували,
Мені істоньки не давали.
Як стала мати годувати,
Стала я більше підростати.

Лирически распевный тип интонирования обрядовых песен определяется открытостью и чистотой вокальной окраски, богатством тембрового колорирования, эмоциональной выразительностью и певучестью каждого звука, использованием ионийского, миксолидийского, фригийского, дорийского ладов, относительно ровной динамикой, протяжностью музыкальных фраз.

Для украшения мелодической линии в народных песнях, танцах, хороводах используют различные средства музыкальной выразительности: форшлаги, морденты, мелизмы, глиссандо. Например в белорусской веснянке «Жавароначкі, прыляціце» слово «пераела» в конце куплета исполняется с восходящим глиссандо:

Жавароначкі, прыляціце,
Цёпла лецейка прынясіце,
А зімачку прыбярэце,
Бо зімачкак надаела –
Нам хлебушкі пераела.

Форма мелодий народных песен также разнообразна: танцевальные, хоровые образцы в основном имеют четко выраженный вокальный период с квадратной структурой. В протяжных обрядовых песнях (с использованием речитатива, рефрена) форма периода чётко не определяется.

Одним из важнейших видов обрядового народного творчества, связанного с определёнными ритуалами, традициями семейных праздников, семейно-бытовой культурой является семейно-обрядовый фольклор.

Содержательно-функциональный аспект традиционной обрядовой культуры за время своего развития претерпел существенные изменения. Большинство семейных обрядов, так же как и других фольклорных жанров изначально выполняли утилитарно-магическую функцию, способствующую созданию благополучия, счастья, удачи. Главную ценность в обрядовых действиях представляет бытовая тематика с яркой эстетической направленностью: выбор девушки-калины, сватовство доброго молодца - ясного сокола, прощание с родным домом, семейные отношения с традиционной системой воспитания и обучения на народной основе.

С большой поэтичностью, нравственной ценностью, эстетическим совершенством воспеты в белорусском семейно-обрядовом песенном фольклоре природа и человек, восхваляющий ее. Женщина-мать, хозяйка изображена с трогательной теплотой и заботой. Она - хранительница домашнего очага, любящая семью и воспитывающая детей. Мужчина представлен как хозяин, труженик, с чувствами гордости и уважения к природе, труду, семье. Яркими поэтическими красками описаны дети, чьи обязанности состоят в помощи родителям, уважении к старшим, а также в умении веселиться, "у дудачку

граць ды каблучкамі стукаць". Молодые люди, вступающие в брак характеризуются особыми качествами: легкой грустью невесты от прощания с родным домом, родственниками и подругами (свадебная песня «Де б я не іхала, де б я не йшла»), бережным отношением жениха к будущей жене («Перед порогом яма»).

Предлагаем краткую характеристику музыкально-исполнительских особенностей традиционных свадебно-обрядовых жанров, а также их современную исполнительскую интерпретацию.

На Полесье существуют различные манеры исполнения свадебных народных песен, одна из наиболее распространённых – пение «с подводкой». Группа исполнителей, в основном женщины, включают несколько партий, равносильных в творческом отношении.

Участник, который начинает песню, называется «запевалой», нижний голос – альты, верхний – подводка. Для пения «подводкой» характерна импровизация и исполнение основной мелодии в нижнем голосе. На Брестчине «с подводкой» исполнялись лирические, семейно-обрядовые, а так же календарно-обрядовые песни.

Двухголосное пение занимает ведущее значение во внеобрядовом музыкальном фольклоре а также в некоторых семейно-обрядовых жанрах Западного Полесья. При таком исполнении голоса делятся на нижний, основной носитель мелодии и верхний, исполняющий тему на терцию выше. В некоторых песнях повествовательного, лирического характера встречается расстояние между голосами на кварту, квинту, сексту, октаву.

Специфика песенного творчества брестского края просматривается в ладовых основах народной музыки, в особенностях мелоса различных жанровых форм, сочетание одноголосного пения импровизационного характера со сложными исполнительскими манерами (подголосочная полифония, многоголосие). В семейно-обрядовом творчестве свадебный фольклор занимает особое место, ввиду своей разнохарактерности, разножанровости, достаточно длительным временным исполнением (свадьбы играли от 2–3 дней до недели). В зависимости от функциональной определенности, музыка на свадьбе выполняет важную ритуально-обрядовую или гедонистическую роль. В образно-содержательном рассмотрении в свадебных песнях прослеживаются представления многих исторических эпох, которые сегодня сохраняют художественную ценность.

Для большинства семейно-обрядовых песен характерна одноголосная манера исполнения. Участники обряда, группа исполнителей поют в унисон, используя один напев для нескольких текстов, не производя созвучий. Мелодическое начало многих одноголосных свадебных песен основано на спокойном, ровном напеве, повествовательного характера и умеренного темпа. Передача образно-содержательной основы свадебных песен зависит так же от насыщенной динамики и музыкальной фразировки.

Характер величальных свадебных песен требует энергичного исполнения музыкального материала, текстовой дикционной выразительности.

Музыкальный свадебный фольклор Брестчины включает также бодрые, подвижные, плясовые песни с ярко выраженным национальным колоритом, выявленным как в мелодическом развитии, так и в ритмической организации. Однохарактерные мелодические обороты, ритмическая чёткость, гармоническая яр-

кость требует от исполнителей хорошей интонационной подготовки, большого слухового внимания. Разнообразная ритмика и композиционное строение свадебных песен придают им особый орнаментальный характер. Куплетная форма произведений предполагает вариативность исполнения, однако большинство свадебных обрядовых песен видоизменяется лишь в метrorитмическом плане, динамической насыщенности.

Раскрытию музыкального образа свадебных песен способствует комплекс средств выразительности музыкального языка: мелодии (плавной, лирической, торжественной, величавой), характера звуковедения (*Legato*, *non legato*, *marcato*), интонационного разнообразия, различных метро-ритмических пульсаций, богатой и контрастной динамики, сочетания простых и сложных размеров и др.

Яркое, выразительное исполнение произведений музыкального обрядового фольклора в значительной мере зависит от передачи музыкальной фразировки в соответствии с логическими акцентами текста.

В свадебном обряде важное место занимают лирические печальные песни, связанные с отъездом невесты в дом жениха. Медленный темп, минорная окраска, протяжённость, орнаментальность мелодии придают особый драматизм ритуалу прощания невесты. Свадебные песни каждой местности содержат напевы-формулы, которые исполняются с различным текстом, в зависимости от характера обряда или ритуала специальными группами со стороны невесты и со стороны жениха.

В основном общий характер свадебных песен торжественный, величальный, с радостно-приподнятым мажорным настроением. Встречаются песни с острохарактерным мелодическим оборотом, в которых прослеживается ритмическая чёткость, гармоническая яркость, шуточное отображение персонажа с ярко выраженным национальным колоритом: (“Прыйшоў на вяселле наш сваток”).

В условиях возрождения семейно-обрядового народного творчества Брестчины важной становится эстетическая функция фольклора, формирующая нравственно-эстетические ценности личности в области этнокультуры. Богатством содержания, жанровым и тематическим разнообразием, яркой интерпретацией национального колорита характеризуется весь обрядовый и, особенно, свадебный фольклор, традиции которого имеют много общего у белорусов, поляков, украинцев.

В зависимости от функциональной определённости, социальных потребностей и других факторов, музыка на современной свадьбе выполняет важную ритуально-обрядовую или гедонистическую роль. Эстетический аспект прослеживается в текстах и мелодиях свадебных обрядовых, лирических песен, в которых отображаются картины крестьянского быта, социальные отношения, предметы и атрибуты оформления свадебного торжества. Как уже отмечалось, музыкальный свадебный фольклор отражает целый спектр сложных нравственных чувств и отношений, различных эмоциональных состояний, что позволяет рассматривать свадьбу не только как театрализованное представление, но как часть самой жизни.

Действенным средством приобщения детей к традиционной народной культуре является их участие в различных видах и жанрах детского фольклора.

В научной литературе и исполнительской практике длительное время детский фольклор рассматривался лишь как творчество самих детей. В современной интерпретации этот термин имеет широкое толкование и включает не только произведения, созданные и исполняющиеся детьми, но также различные фольклорные жанры (стихотворные, песенные, прозаические, музыкальные), созданные взрослыми для детей.

Детский фольклор является полифункциональным. Среди основных функций особое место занимают познавательная, воспитательная, утилитарно-практическая, эстетическая.

Видово-жанровый состав детского фольклора постоянно меняется. С течением времени роль традиционных форм организации музыкально-эстетической деятельности детей в условиях их приобщения к фольклору уменьшается. В современных условиях развития народной культуры очень важным является сохранение ее основополагающих признаков – традиционности и преемственности. В этом смысле освоение детьми этнокультурных ценностей способствует их духовно-нравственному, эстетическому развитию.

Детский музыкальный фольклор Полесского региона, также как и другие его жанры, сочетает в себе фольклорные диалекты белорусского, польского, украинского, русского народов.

Отметим некоторые музыкально-исполнительские особенности детского фольклора. Большинство коротких мелодий “прибауток”, “считалок”, “забавлянок” построены на текстовой ритмизации, исполняются в умеренном темпе, включают несколько фраз речитативного характера. Фольклорные произведения, исполняемые детьми, по музыкально-интонационным особенностям разделяются на песенные и речитативные. Однако по диапазону они состоят из одного или двух-трех звуков. Такие малые фольклорные жанры характерны для детей дошкольного возраста. Учащиеся школьного возраста кроме детского фольклора, исполняют календарно-обрядовые, семейно-обрядовые жанры в основном заимствованные из репертуара взрослых.

Характер исполнения, музыкально-выразительные средства музыкальных жанров для детей, исполняемых взрослыми, включают более развитые формы различного содержания.

Колыбельные песни отличаются медленным темпом, тихой динамикой, исполнением *rubato* (не строго в такт), что содействует реализации их основной функции – убаюкивать ребенка. Поют колыбельные в различных регистрах, фальцетным или грудным звуком, без опоры дыхания. Большинство колыбельных имеют простой ритм, обычно двухдольный размер и незатейливую, расположенную на нескольких звуках мелодию. Иногда встречается мелодический распев-вокализация, создающий имитацию покачивания. Запев колыбельных, как правило, состоит из коротких повторяющихся напевов, преимущественно терцово-квартового строения, нисходящего или горизонтального звуковедения мелодии.

Таким образом, метроритмические особенности, ладовое и динамическое разнообразие, благозвучное сочетание голосов, орнаментальный характер мелодий белорусской народной музыки вызывает глубокое эстетическое наслаждение, пробуждает чувства прекрасного, возвышенного, вводят в фантастиче-

ский мир поэзии, сказки, действия, обряда, который соткан из традиционных образов, символов, песен и музыки и олицетворяет собой дух народа, его силу и красоту.

Функционирование, трансформация белорусской этнокультуры, преобразование её некоторых элементов, частичное изменение образно-содержательной сферы не ослабляют её связи с эстетическими ценностями. Возобновляемые в каждом поколении традиционные элементы народной культуры позволяют творчески выразить национальное своеобразие и самобытность белорусского народа, его философские, педагогические, эстетические взгляды.

Белорусские народные песни, обряды и праздники как источник фольклора, содержат ценности, которые выходят за временные рамки. Кроме историко-этнографической информации, заложенной в большинстве фольклорных видов и жанров, народные песни, праздничные обрядовые действия развивают личность эмоционально, эстетически, нравственно. Радость коллективного исполнения сочетается с духовным обогащением человека, направленным на формирование ценностного отношения к этнокультуре и культуре других народов.

Традиционная вариативность использованных средств и методов календарно-обрядовой, семейно-обрядовой культуры Брестчины, других ее видов и жанров позволяет быть уверенным в том, что в процессе организации и проведении совместных белорусско-польских международных фестивалей, праздников, семинаров, творческих встреч будет происходить разностороннее освоение культурных традиций, народных игр, обрядов, песенно-хореографического фольклора. Такое сотрудничество, бесспорно, будет оказывать влияние не только на моральное и эстетическое развитие человека, но и формировать его мировоззренческую позицию, национальное самоопределение, межкультурную компетентность.

Ценностное отношение человека к народной культуре – это также и непосредственно переживаемое чувство единения с ней, ощущение ценности материального и духовного мира, отраженного в фольклоре; чувство неразрывной связи с ним, а значит, причастности, ответственности за сохранение и развитие культурных традиций не только в Брестском регионе, но и в государстве, мире.

Литература

1. Беларускі музычны фальклор / склад. А.М. Аляхновіч, М.В. Рахчэў, У.Д. Каструлёў. – Мінск: "Універсітэцкае", 1996. – 335 с.
2. Беларускія народныя абрады / склад., навук. рэд. Л.П. Касцюкавец. – Мінск: Беларусь, 1994. – 128 с.
3. Беларускі фальклор: хрэстаматыя / склад.: К.П. Кабашнікаў [і інш.]. – 4-е выд., перапрац. – Мінск: Вышэйшая школа, 1996. – 856 с.
4. Восточнославянский фольклор: Слов. науч. и нар. терминологии / Редкол.: К.П. Кабашников [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1993. – 478 с.
5. Гульні, забавы, ігрышчы / склад. А.Ю. Лозка. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 534 с.
6. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск: Ураджай, 2001. – 350 с.
7. Лозка, А.Ю. Беларуская батлейка. Каляндарныя і абрадавыя гульні: Дапам. для настаўнікаў, выхавальнікаў, кіраўнікоў гурткоў / А.Ю. Лозка. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 183 с.
8. Іваницький, А.И. Українська музична творчість / А.И. Іваницький. – К.:Муз. Україна, 1990. – 336 с.

KRESY PÓLNOCNO-WSCHODNIE JAKO PRZESTRZEŃ POLIETNICZNA I POLIKULTUROWA

Julia Chodyniuk,
doktor nauk humanistycznych
PSW im. Papieża Jana Pawła II
w Białej Podlaskiej (Polen)

Streszczenie

W artykule skupia uwagę na problemie interpretacji faktów językowych w warunkach polsko-białorusko-litewskiego wielokulturowego pogranicza, dana ocena i interpretacja zjawisk językowych występujących w obszarach peryferyjnych, w strefach przejściowych i językowo mieszanych, dlatego wymagają szczególnie wnikliwej i wszechstronnej analizy.

Słowa kluczowe

dwujęzyczność, język polski, białorusko-polskie pogranicze

Kresy to wyraz dla Polaków ogromnie pojemny i wiele dla nich znaczący, ale nieprzetłumaczalny na języki obce i trudno zrozumiały dla cudzoziemców.

Pogranicze jest łącznikiem kilku kultur. Występuje w każdym społeczeństwie i jest miejscem kontaktu rozmaitych grup ludzkich, które charakteryzują się innymi tradycjami kulturowymi, systemami wartości, różnymi językami, a niekiedy nawet także wyznaniem [5]. Jako przestrzeń znajdująca się blisko granicy administracyjno-państwowej lub kulturowej, pogranicze jest często terenem konfrontacji odmiennych wartości społecznych i postaw życiowych.

Białoruska część Kresów wschodnich zawsze była postrzegana jako pojęcie etniczne, językowe, nawet folklorystyczne, a nie geograficzne, a już w żadnym wypadku państwowe. Mieszkańcy Kresów północno-wschodnich mają różnorodną świadomość swej tożsamości. Ludność polska określa się jako Polacy lub katolicy, natomiast ludność białoruska określa się jako Białorusini w bardzo małym stopniu, najczęściej jednak jako prawosławni lub miejscowi („tutejsi”). Nie dostrzegają oni innych kryteriów tożsamości.

Dzieje polityczne, kulturowe, językowe i społeczne kresów północno-wschodnich zostały obiektem wielu opracowań [1-3], których wynika, że język polski pojawia się na tych ziemiach w XIII wieku wraz z przybyszami z Polski. Proces przenikania trwał do XIX wieku. Oderwał się od środowiska etnicznego, ulegał on wpływom języków, z którymi był w kontakcie, poddawał się licznym zmianom. W wyniku tego procesu wytworzyła się specjalna odmiana języka na terytorium Białorusi i w mniejszym stopniu Litwy zwana najczęściej polszczyzna północnokresowa [4].

Polacy na Białorusi stanowią zwarte skupisko i zamieszkują głównie południowo-zachodnią jej część. Są to rejony brzeski, kamieniecki, iwanoski, baranowicki, prużański, rużański, małorycki, piński, iwacewicki.

W niniejszym artykule chciałabym się skupić zasadniczo na jednej tylko kwestii, a mianowicie na problemie interpretacji faktów językowych w warunkach pogranicza językowego, w tym konkretnie wypadku polsko-białorusko-litewskiego, które jest

przestrzenią polietniczną i polikulturową ze względu zarówno na ludność zamieszkującą Kresy północno-wschodnie, jak i język lub języki, którymi się posługują.

Ocena i interpretacja zjawisk językowych występujących na obszarach peryferyjnych, na terenach przejściowych i językowo mieszanych nie należą z pewnością do zadań najłatwiejszych. Wymagają bowiem szczególnie uważnej i wszechstronnej analizy tych zjawisk, uwzględniającej nie tylko aspekt czysto lingwistyczny, ale i uwarunkowania zewnętrzne, np. historyczno-polityczne, etniczno-narodowościowe, wyznaniowe czy w szerokim rozumieniu tego słowa kulturowe, które — jak można przypuszczać — w warunkach pogranicza odgrywają rolę o wiele poważniejszą w kształtowaniu faktów językowych niż na terenach pod względem językowym jednolitych. Zobowiązują ponadto badacza do wielkiej ostrożności i rozwagi w formułowaniu wszelkich sądów i wniosków, zwłaszcza jeśli mają one charakter rozstrzygnięć definitywnych.

Niezmiernie trudne jest zadanie badacza, który podjął się próby wyjaśnienia faktów notowanych na różnojęzycznym pograniczu, ponieważ fakty tego rodzaju i w takich warunkach niełatwo poddają się interpretacji.

Choć ten artykuł w zamierzeniu i w wymowie ma raczej ogólny charakter, niemniej jednak bazuje na wybranym fakcie szczegółowym. Idzie w nim bowiem o sposób interpretacji, znamiennego dla polszczyzny północnokresowej i północno-wschodniej typu kresowego, występowania *i /, y* zamiast ogólnopolskiego *e* (u rzeczowników rodzaju nijakiego *a*) w zakończeniach mianownikowych form liczby mnogiej rzeczowników trzech rodzajów.

Fakt ten dobrze znany jest badaczom polszczyzny pogranicza polsko-białorusko-litewskiego. Świadczą o tym zarówno opracowania poświęcone właściwej polszczyźnie północnokresowej, tzw. wileńskiej, sprzed 1939 r. i mowie przesiedleńców z dawnych kresów oraz polskim wyspom językowym na obecnych terenach Litwy, Łotwy i Białorusi, jak i prace traktujące o różnych odmiankach języka polskiego funkcjonujących na północno-wschodnich obrzeżach polskiego zespołu etniczno-językowego, w pasie żywych i dynamicznych kontaktów językowych polsko-białoruskich, polsko-litewski i białorusko-litewskich.

Choć, jak już wcześniej zaznaczyłam, interesujące nas zjawisko jest badaczom dobrze znane, to jednak jakby nie do końca zidentyfikowane. Jednoznacznej i ostatecznej kwalifikacji wymykają się bowiem, jak dotąd, kwestie tak zasadnicze, jak istota zjawiska, jego zakres, charakter i geneza, czego dowodzą liczne rozbieżności interpretacyjne występujące między analizowanymi opracowaniami. Przyczyn tego stanu rzeczy można uznawać, jak sądzę, między innymi w dość szczególnym, zawiłym i zróżnicowanym procesie rozwojowym mianownikowych form lm trzech rodzajów (zwłaszcza rodzaju męskiego), stosunkowo późnej stabilizacji końcówek tych form (niektóre nie ustabilizowały się do dzisiaj, np. rzeczowników żeńskich typu spółgłoskowego czy męskich na *-ans*) oraz uzależnieniu postaci tych form nie tylko od zjawisk czysto morfologicznych, ale i procesów fonetycznych. Nie bez znaczenia jest tu zapewne i to, iż w związku ze specyficznym rozwojem różnych, terytorialnych i stylistycznych odmian polszczyzny północnokresowej i północno-wschodniej na skutek między innymi długotrwałego ich pozostawania w bezpośrednim kontakcie (bliższym nieraz niż z polszczyzną ogólną) z językami i gwarami

wschodniosłowiańskimi i bałtyckimi przebieg omawianych procesów na gruncie polszczyzny kresowej miał charakter o wiele bardziej złożony niż w języku ogólnopolskim.

Przegląd stanowisk reprezentowanych przez poszczególnych badaczy pozwala na wyodrębnienie dwóch zasadniczych sposobów widzenia analizowanego zjawiska. Mianowicie, część badaczy opowiada się za łącznym traktowaniem form rzeczowników trzech rodzajów i interpretowaniem występowania w ich zakończeniach *i*, *y* jako faktu o względnie jednolitym charakterze. Inni z kolei chcieliby osobno rozpatrywać występowanie *i*, *y* w zakończeniach męskich i żeńskich form miękкотematowych i osobno ich pojawianie się w rzeczownikach rodzaju nijakiego, traktując oba fakty jako całkowicie od siebie niezależne.

Nie jest moim zamiarem rozstrzygnięcie, które z proponowanych rozwiązań są lepsze, a które mniej zasadne. Nie to jest bowiem celem, idzie przede wszystkim o pokazanie, jak odmienne mogą być interpretacje zjawisk językowych notowanych na językowych pograniczach w zależności od przyjętej przez badacza koncepcji analizy i opisu zjawisk, od zajętego przez niego stanowiska metodologicznego. Poza tym wymagałoby to przecież szczegółowych studiów nad każdym z analizowanych w tych pracach tekstów, nad każdą z badanych odmian języka. Nie bez znaczenia jest także i to, że ilość miejsca przeznaczona na prezentowaną tu wypowiedź jest ograniczona.

Spis literatury

1. L. Wasilewski, Kresy wschodnie. Litwa i Białoruś, Podlasie; Chełmszczyzna, Galicja Wschodnia, Ukraina, Warszawa-Kraków 1917;
2. H. Karaś, Język polski na Kowieńszczyźnie. Historia – sytuacja socjolingwistyczna – teksty Elipsa, r. 2001;
3. H. Karaś, Zmiany sytuacji polszczyzny w wielojęzycznym regionie kowieńskim na Litwie w XX wieku, Poradnik Językowy nr01 r. 2008, str. 38-48
4. Z. Kurzowa, Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI-XX wieku, Bydgoszcz 1993, s. 49-52; J. Rieger (red.), Studia nad polszczyzną kresową. VIII, Warszawa 1995, s. 23-29
5. R. Kantor, Pogranicze jako narodowy obszar narodowy, [w:] Z. Jasiński (red.), Społeczno-cywilizacyjny wymiar edukacji, Opole 1996, s. 113.

CONTENT

SECTION I. ABOUT THE BREST REGION AND BREST

1. THE PROBLEMS OF RECONSTRUCTION OF THE URBAN ENSEMBLE OF BREST XVI CENTURY IN THE WORLD OF LANGUAGE AND METROLOGICAL FEATURES OF THE REGISTRY 1566

A. V. Vorobey – architect,
the head of the local charity
Foundation "Fortification of Brest»,
member of the regional Brestskaja
Department of BOOPIT

Garko A.V. - Deputy Chairman
of the Committee for architecture and budnov
Brest regional Executive Committee, head
Department of architecture and
territorial development,
(Belarus, Brest)

The summary

Revision of Berestye captainship is a document that helps to do hypothetical city plan reconstruction of XVI c.-age, reveal and localize most important architectural ensembles. Study of Revision requires special acknowledges of metric and language terms used in the documrnt.

In the article authors try to determine the main measure unit – “stead prut”. This allows to do reconstruction of site planning, market square, and city ensembles in the central part of the city. Much attention paid to the correct translation of Revision text including professional terms. They translated a part of Brest castle revision.

Keyword

Brest, revision of the Brest old age, reconstruction, register of the Brest castle, manor rod, professional terminology

2. REFLECTION OF PHILOSOPHY OF LIFE IN LANGUAGE AND FIGURATIVE SYSTEM OF THE WORK OF ART OF POETS BRESTCHINY (ON AN EXAMPLE OF CREATIVITY OF CENTURY V.GRISHKOV TSA)

M. P. Zhigalova, doctor of Ph. D.,
Professor, head. research
laboratory for social and cultural
problems of border areas of Brest state
technical University
(Belarus, Brest)

The summary

In article the attention to reflex ion of mentality and mentality, national and universal Brestchiny in the Russian-speaking lyrics is paid. On an example of the analysis of separate fragments of poems of the Russian-speaking poet of V. Grishkovtsa, many-sided and independent character of typical representatives of modern multicultural society, inconsistent outlook of inhabitants of Brestchiny which have connected destinies and temperaments of many ethnoses and the people is shown. Ways of reflex ion of philosophy of life from positions of interrelation of mentality and

mentality are considered. Some fragments of their reflex ion in language and figurative system of a work of art are analyzed.

Keywords

The lyrical hero, mentalities, mentality, multicultural society, strong positions, life philosophy, language

3. MEMORIES OF VSEVOLOD NEKRASOV

T. N. Rachuba,

candidate of philological Sciences,
associate Professor, Brest state
technical University
(Belarus, Brest)

The summary

The article adduces the recollections of meeting the poet on Brest soil, points out the poet's role in the development of the history of Russian avant-gardism.

Keywords:

poetry, poet, rhyme, rhythms, creation, publications.

4. THE PERFORMANCE OF THE BREST THEATRE OF A NAME LKSMB "BREST FORTRESS": THE IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY

Yu. V. Potolkow,

candidate of philological
Sciences, associate Professor,
Brest state technical University
(Belarus, Brest)

The summary

In the article spiritual relations of the play "Brest Fortress" with the culture of the peoples in the neighboring countries are considered. Attention is paid to relationship of the conflicts of the play with the problems common to all mankind. The characters of the personages of the play and historical situation in which the performance of the play took place are considered.

Keywords

Brest, theatre, culture, audio book, fortress, play, war, actors, spectators, performance.

5. SUBDIALECT OF THE VILLAGE OF BELAJA OF KAMENETS DISTRICT: HISTORY AND THE PRESENT

Y. G. Samuilik,

candidate of philological Sciences,
associate Professor, Brest state
technical University
(Belarus, Brest)

Annotation

This article considers the main phonetic, morphological and lexical specificities of the subdialect of the village of Belaja, Kamenets district. In addition, it reveals the most significant facts of the history of this village which influenced the formation of the language of its inhabitants.

Keywords:

Western Polesie subdialects, subdialect of the village of Belaja of Kamenets district, phonetics, morphology, vocabulary.

6. LINGUACULTURAL COMPETENCE NON-DERIVATIVE SURNAMES PAGARINA

S. M. Saika

candidate of philological Sciences,
associate Professor, Brest state
technical University
(Belarus, Brest)

Annotation

The article presents phonetic and morphological features of non-derivative surnames of the modern residents of Brest (village belousa, Struga, Samghereti, Olshany Stolín district, Brest region). Productive lexical-semantic types and models are analyzed.

Keyword:

prosela model (base), indrapana system, derivatie, starazhytnyja heritage, newtonia names, apelativa vocabulary, conversational forms of names, parakstija depression, canonical Orthodox names.

7. PASSPORT IN THE HISTORY OF BELARUS

A. V. Makarevich,
(Belarus, Brest)

Annotation

This article examines the history of the passport system in Belarus. Initially, the ancestors of Belarusians used the name glat, sheet, ticket etc. In the early twentieth century began to use the word passport.

Keywords

passport, system, sheet, ticket, official document

8. THE INSCRIPTIONS ON THE GRAVES IN THE CEMETERIES OF THE POLISH-WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIEGO – METHODOLOGICAL OBSERVATIONS

F. Czyzewskij, d. hab., prof.sw.,
University of Marie
Curie-Sklodowska
(Lublin, Polen)

Annotation

The article offers the results of a study of funerary inscriptions with regard to the ethnic, religious, extra-linguistic items.

I analyze the inscriptions found on the ancient cemeteries located on the border of the bug, in the Eastern regions of Lublin, in its Central part, that is, the districts of Bialsky, Vlodavsky, helm, Eastern part of the Parchev district, Leshchinsky and Krasnostavsky, i.e. the region that historically was under the power of Russia.

The inscriptions on the monuments of cemeteries that appeared at the end of the XVIII-XIX Centuries are analyzed. mainly Christian, or uniquely Orthodox, or Greek-Catholic, or mixed, that is, partially Orthodox, and partially Catholic or Uniate.

Keyword

cemeteries, funeral inscriptions, ethnic, confessional, extralinguistic

9. VEDUTA POLAND, BELARUS, LITHUANIA IN THE WORK OF Z. VOGEL (PTASHEK)

L.M. Sadko,

candidate of philological Sciences,
associate Professor, Brest state
University of A.S.Puszkina
(Belarus, Brest)

Annotation

The article is devoted to the synchronic and diachronic analysis of the genre of Veduta in the work of the great native city of Brest – the Polish artist, drawing, landscape painter, teacher Zygmunt Vogel (Ptasek) and the establishment of a national painting of Poland and Belarus.

Keywords

Veduta, landscape, realistic landscapes, authenticity, national painting

10. GENERAL CHARACTERISTICS OF THE SCHOOL SYSTEM OF THE CITY OF BREST AND BREST DISTRICT IN THE PERIOD OF GERMAN OCCUPATION (1941-1944 GG.)

Larica Lavrenko,

history teacher, master;
Ulchik Catherine, a student
GUO " high school D. Skoki»
(Brest region, Belarus)

The summary

The system of school education of Brest and Brest region during the German occupation (1941-1944) is considered. On the basis of a wide range of archival materials, mainly documents of statistical nature and materials of the periodical press, the General picture of system of school education of the Brest region in one of the most difficult periods – the period of the German occupation (1941-1944) is made.

Keywords

system, education, school, occupation, war, education

11. THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS IN SCHOOLS OF BREST AND BREST DISTRICT IN THE PERIOD OF GERMAN OCCUPATION (1941-1944)

Ljudmila Lavrenko, teacher of the highest category

GUO "Secondary school Hotislavskoe" Maloritsky district;
Ulchik Catherine, a student of GUO "
secondary school of D. Skoki "
(Brest region, Belarus)

The summary

On the basis of the available sources the process of education in schools of Brest and Brest region during the German occupation (1941-1944) is revealed. The content of the main normative

documents in the sphere of education is analyzed. It is concluded that the policy of Ukrainization pursued by the occupation authorities in the territory of Brest and Brest region directly influenced the definition of priorities in school policy and in particular the content of education.

Keywords

educational process, school, German occupation, program, plan, subjects.

SECTION II. ABOUT NATIONAL AND UNIVERSAL DIALOGUE OF CULTURES

1. ARTISTIC DEVELOPMENT OF REALITY THROUGH THE PRISM OF REGIONAL-NATIONAL

L. E. Bezhenaru,
D. Phil. sciences',
associate Professor of Slavic languages
and literatures "Petru Caraman",
Iasi University " Al. Cuza»,
Iasi, Romania

The summary

In given article attempt of judgement of conceptual space of products of national literatures as their independent formations building system of valuable dominants in the literary space is undertaken, is wider-kontseptosfery. It can be considered as a microcosm in relation to the world of the big literature into which structure they were included. Similar position demands reconsideration of those valuable dominants of national literatures which, keeping on their basis the identity, build new mutual relations with other national literatures and with «the big literature» in new socio-cultural space.

Keywords

Product space, national literatures, system of values, conceptual sphere, a microcosm

2. THE ROLE OF GEORGY VALKAVYTSKI IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF BELARUSIAN EDITION «NIVA»

N. N. Borsuk,
candidate of philological Sciences,
head of the Department of Belarusian
and Russian languages, Brest state
technical University
(Belarus, Brest)

The summary

The article reviews the history of the newspaper «Niva», sets out the role of G.Valkavytski, the editor of this weekly newspaper, in the foundation and development of Belarusian edition in Bialystok region. The author also pays attention to the work of the literary association at the editorial board of the newspaper and presents geography of readers and correspondents. In a result, a vivid idea is formed about the way how Belarusians gradually and steadily stated themselves as a nation in Poland.

Keywords:

newspaper «Niva», column, discussion, edition, correspondents, circulation, literary association

3. AN ARDENT DEFENDER OF FREEDOM AND JUSTICE

T. B. Liokumovich,

D. Phil. of medical Sciences,
Professor (USA, Chicago)

The summary

In article the materials telling about destiny of the Ukrainian writer of the poet, the prose writer, the publicist, critic A.Gavriljuka and its communications with Brestchinoj are presented. Its poems, a poem «the Song from the Birch», the documentary story "the Birch" telling about the Beryozokartuzsky concentration camp - the bloody torture chamber which has got lost among полесских of bogs where it was possible to it to test that hell which existed in a concentration camp are analyzed.

Keywords

The people, the writer, creativity, service, the fighter, Brestchina, the prisoner, historical memory

4. “BATTLE OF THE NATIONS” IN THE WEDDING PERETARKA WESTERN HERITAGE: THE HISTORICAL BASIS OF ONE OF THE DRAMATIC MOTIVE

V. F. Davidyuk,

D. Phil.Ph. D., Professor of the
Department of Ukrainian literature
National Assembly University
named after Lesya Ukrainka
(Ukraine, Lutsk)

The summary

The article analyzes the texts of Western Polissya songs about "battles" between local girls or women and their close neighbors, termed "Lithuanians".

The theme of "wars" is traditional for Ukrainian wedding folklore in the scriptural plane of marriage by bursting and incorporation of the bride into the patriarchal family. However, it rarely goes beyond the generic society in the sphere of interethnic or interstate confrontation. The motive of such a kind, which is then found, is of particular interest. The etiology and chronology of this text are of great interest.

The author's conflict is based on the dilemma of the origin of differentiation between the participants of the wedding reburial: whether it is the ethnonymic plan (ethnic Litvin - present Belarusians), or that of the hornimic. On the basis of the location within these limits, as in the former times and to this day of a single ethnos, the author comes to the conclusion that the basis of the described difference lies the line of separation between the Grand Duchy of Lithuania, the Russian and Zhoimontsky and Volyn lands under the rule of Gediminas. This line of division was relevant from 1315 to 1340. According to the author, it was at this time that it could have been reflected in the song tradition.

Keyword

The Grand Duchy of Lithuania, Volyn land, Western songs, ethnos, song tradition

5. FEATURES OF COPING BEHAVIOR IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS IN THE CONTEMPORARY MOLDOVAN MENTALITY

Kobylyanskaya L.I., PhD.,
Associate Professor,
Slavic University of the,
(Kishinev, Moldova)

The summary

The article is devoted to the study of the new and rapidly developing areas in the Moldovan psychology – the psychology of coping. The basic strategy for coping in difficult situations in the age range: 20-45 years in terms of the Moldovan mentality.

Keywords

coping behavior, coping strategies, difficult life situations, mentality, Moldova.

6. DIALOGUE OF CULTURES AS THE INTERPENETRATION OF THE NATIONAL IN RUSSIAN AND TATAR FOLKLORE

L. A. Kamalova (Kazan, Russia)
V. G. Zakirova (Kazan, Russia)

The summary

The article attempts to generalize the theoretical aspect of the interpenetration of cultures, to comprehend the problem from the point of view of the national in the "communication" of Russian and Tatar cultures and literature, to emphasize the "nature of the relationship of civilization to culture."

Keyword

Folklore, dialogue of cultures, literature, types of literature and cultures, interpenetration

7. “BELARUSSIAN KUPALLIA” ON THE NORTH-WESTERN PART OF MODERN VOLYN

Y. Kelemen, teacher
Volyn state College
of culture and arts
(Ukraine, Lutsk)

The summary

The customs of Kupala in the villages of Ratne, Stara Vyzhva and Shatsk districts of Volyn Polissya differ significantly from those that are practiced on the rest of the territory of the region. The author believes that the reason why the new elements of the custom appeared and some old traditional ones were forgotten is that they were loaned from Belarussian amateur arts, which only strive for entertainment. This process has started in the 60th-70th of the last century. The respondents, who were the main participants of these celebrations reproduce this particular scenario.

This way several elements, such as delivering useless belongings by cart pulled by the boys to Kupala bonfire, hammering a pole into the ground, putting whatever was to be burnt around it, attaching “kryzh” which was tied up with the wreaths, resembling the play of the sun, on top of the pole, setting one general bonfire instead of several ones, and having a choir singing kupala songs, were circulated.

In these districts kupala custom is practiced in just several villages, mostly located close to the border, particularly in Hutj of Ratne district kupala songs are called petrivky, which proves that the custom is not traditional, in Pishcha of Shatsk district, where these activities are observed from at

least the beginning of the XX century, in the villages called Yarevyshche of Stara Vyzhva district, where within the last years certain objects were Christianized, for instance installation of the icons into “kupailytsya” – the willow branch decorated with the flowers, which is considered to be the main element of this holiday in Volyn and is almost not known in Western Polissya. However in Myziv of Stara Vyzhva district, which is located further from Ukrainian-Belarusian administrative border, the old traditions are forgotten and the new ones haven't been applied. This is an additional proof that they were introduced artificially.

Keywords

Bathed, the Volynsk Polesye, belarusian traditions and innovations, amateur performances

SECTION III. ABOUT THE FEATURES OF EDUCATION IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT

1. ABOUT THE FEATURES OF TEACHER PREPARATION IN A BILINGUAL

V. F. Gabdulkhakov, doctor of science,
prof., ruk. research Center pedagogical
research Institute of psychology
and education of the "Kazan
(Volga) Federal University»
(Russia, Tatarstan, Kazan)

The summary

The article deals with the specifics of teacher training in bilingualism, identifies and analyzes the problems of the formation of the personality of the teacher, including his language training. On the example of the results of the study conducted at the Kazan Federal University, the results are analyzed and the prospects of education in multicultural Russia are described.

Keyword

Language personality, transposition, multicultural environment, training, teacher

2. DIALOGUE OF CULTURES AS A FORM OF SAVING ETHNOCRACY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Z. S. Levchuk, PhD, associate
Professor of the Department of pedagogy
BrSU named after A. S. Pushkin
(Brest, Belarus)

The summary

The article deals with the problem of cross-cultural dialogue as a form of ethnic tradition preservation in educational environment. The meaning of ethnic traditions in national culture is touched upon. The most crusted traditions of Turkmenian nation, to which the students from Turkmenistan keep, are analyzed.

Keywords:

Culture, cross-cultural dialogue, multicultural education, tolerance, cross-cultural competences, ethnic traditions

3. FOLKLORE RELATIONSHIPS IN ASPECT OF DIALOGUE OF CULTURES

Zh. Kritarova,
Ph. D., senior researcher
Of the center for literary education
Institute of development strategy
RAO education
(Russia, Moscow)

The summary

In article the problem of interaction of the Russian and native literature is presented. Specific methods of teaching of the Russian literature in the language environment speaking another language are designated, the list of aspects of comparison of products of the Russian and native literature is offered. Comparative studying of the Russian and native literature at school with the bilingual educational environment (as ways of realisation of dialogue of cultures) is considered on an example of comparative studying of national fairy tales.

Keywords

Art interaction, interosculation of literatures, fairy tales, ФГОС, studying methods, dialogue of cultures.

4. TEXT AS MEANS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS-PHILOLOGISTS

L. N. Ovsienko, PhD, associate
Professor Shei "Pereyaslav-Khmelnytsky
state pedagogical University named
after Hryhoriy Skovoroda»,
(Pereyaslav-Khmelnytsky, Ukraine)

The summary

The article reveals the problem of understanding the text not only as a linguistic phenomenon, but also as a social one, which has a direct impact on the formation of a fully developed, cultural personality and a specialist, including a philologist teacher.

Keyword

Author, recipient, communication, professional speech, creative thinking, communicative culture

5. MUSICAL ETHNIC CULTURE OF THE BREST REGION: THE TRADITIONAL FEATURES AND CONTEMPORARY INTERPRETATION

L. A. Zakharchuk, PhD, associate Professor
BrSU them. A. S. Pushkin
(Belarus, Brest)

The summary

This article discusses the importance of the study of musical ethno-culture in the modern development of society, in the formation of moral qualities of man, his aesthetic culture. Emphasizes the aesthetic aspect, reflecting the traditional music performance features the music presents the syntax of types and genres of folklore music songs.

Keyword

ethno-culture, calendar-ritual, family-ritual, children's folklore, musical syntax

6. THE BOUNDARIES OF THE NORTH-EAST AS A SPACE POLIETNICZNA AND POLIKULTUROWA

Julia Godynyuk,

doctor of Humanities

PSW im. Pape John Paul II

in Biała Podlaska (Polen)

The summary

The article focuses on the problem of the interpretation of linguistic facts in the conditions of the Polish-Belarusian-Lithuanian cross-cultural borderland, the assessment and interpretation of linguistic phenomena arising in the peripheral areas, in the areas of transition and linguistically mixed, therefore require a particularly thorough and comprehensive analysis.

Keyword

bilingualism, Russian language, Belarusian-Polish Borderlands

Научное издание

БРЕСТЧИНА И СОСЕДИ

сборник научных трудов

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск: Жигалова М.П.

Редактор: Боровикова Е.А.

Компьютерная вёрстка: Соколюк А.П.

Корректор: Жигалова М.П.

ISBN 978-985-493-430-3

9 789854 934303

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 12.07.2018 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,76. Уч. изд. л. 10,50. Заказ № 854. Тираж 50 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.